

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Аленин Павел Николаевич

Динамика профессионального пространства в информационном обществе

5.7.7. Социальная и политическая философия

Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук,
профессор Устьянцев В. Б.

Саратов – 2026

Оглавление

Оглавление	2
Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические подходы к анализу динамики профессионального пространства	29
1.1. Концептуальные основания социально-философского анализа профессионального пространства	29
1.2. Профессиональное пространство как поле социального	55
1.3. Динамика профессионального пространства: условия трансформируемости в информационном обществе	79
Глава 2. Динамика профессионального пространства в эпоху информатизации: институциональное и личностное измерения	111
2.1 Риск-факторы институциональной трансформации профессионального пространства	111
2.2. Социально-философские основания динамики профессионального становления личности	143
2.3. Модификация профессиональных ценностей личности в условиях цифровизации	167
Заключение	190
Список литературы	194

Введение

Глубинные трансформации современного общества запустили радикальные изменения социальности. Модификации подверглись не только отдельные сферы жизнедеятельности человека, но социальное пространство в целом. Проблематика социального пространства в современной социальной философии выступает актуальным направлением исследования, определяющим важнейшие проблемы социальной стратификации, социальной мобильности, экономического неравенства, гендерного и поколенческого взаимодействия, ценностно-смысловых компонентов индивидуального и общественного сознания. Профессиональное пространство является важной частью социального пространства, аккумулируя в себе все составляющие жизни человека и общества: социально-экономические, ценностно-символические и функционально-технологические параметры, при этом определяя воздействие на развитие цивилизации в целом. Изменения социального пространства, констатируемые исследователями и экспертами, напрямую затронули и профессиональное пространство, что формирует актуальность настоящего исследования.

Актуальность исследования заключается в следующем.

На фоне бурного развития цифровых технологий, профессиональное пространство приобретает характеристики неоднородности, фрагментарности, диффузности, что затрудняет формирование объяснительных моделей развития современного профессионального пространства. Актуальным аспектом исследования выступает анализ корпуса теоретических исследований зарубежной и отечественной социально-философской мысли для разработки методологического фундамента изучения проблем, связанных с динамикой и трансформацией профессионального пространства в современных условиях.

Важным направлением, требующим углубленного изучения, выступает проблема влияния феноменов информационного общества на динамику и трансформационные изменения профессионального пространства. В современной реальности можно наблюдать, что развитие цифровых технологий, их

повсеместное распространение, влияет на изменение привычных контуров и смыслового содержания профессионального пространства. Помимо базовых функциональных компетенций, выступающих ядром любой профессии, в современном профессиональном пространстве не только востребованными, но и очевидно необходимыми становятся навыки владения компьютерными и информационными технологиями, оперирования электронными базами данных. Подобная ситуация генерирует целый ряд проблем, становящихся остро социальными: депрофессионализация определенных групп узких специалистов; нивелирование профессионально значимых знаний и их замена общедоступной информацией; делегирование функциональных решений автоматизированным системам и программам искусственного интеллекта, «размывание» границ профессиональной этики.

В тщательном исследовании нуждаются проблемы профессиональной идентичности, новых ценностных компонентов профессиональной деятельности, новых систем коммуникации и взаимосвязей внутри профессионального пространства, возникающие как следствие современных требований к многофункциональности профессиональных компетенций.

Актуализация настоящего исследования обусловлена также проблематикой рискогенности изменений профессионального пространства. Риски трансформации профессионального пространства, генерируемые сложной динамикой современных социальных процессов, формируют актуальные проблемы дисбаланса профессиональных полей внутри общества в целом, вертикальной профессиональной мобильности и ценностной девальвации профессионального этоса. Обозначенные вопросы также нуждаются в социально-философском осмыслении.

Степень научной разработанности проблемы. Исследование проблем пространства в целом имеет долгую историю в философии и общественных науках. Однако, несмотря на это изучение собственно социального пространства различными науками началось лишь в XIX веке, а на современном этапе уже достигнуты значительные результаты. Научная философская рефлексия проблемы

пространства, трансформированная в дальнейшем в субстанциальное его понимание, отмечается в трудах И. Ньютона¹, Г. Лейбница² и И. Канта³. Среди современных исследователей, использующих пространственный подход в объяснении различных феноменов и подходов, – Ю. А. Кирсанова⁴, М. В. Демидова⁵, М. В. Жульков⁶, М. А. Пушкарева и Л. Р. Хасанова⁷.

Понятие «социальное пространство» в контексте субстанциалистского подхода и под влиянием ньютоновской механики изначально интересует классиков социальной мысли (Э. Дюркгейм⁸, Г. Зиммель⁹, П. А. Сорокин¹⁰) и в дальнейшем отражается в работах, В. К. Потемкина и А. Л. Симанова¹¹, В. Г. Виноградского¹².

Структуралистский подход, появившийся как оппозиция субстанциальному пониманию пространству, отражен в трудах М. Фуко¹³, А. Лефевра¹⁴, Т. Лукмана и П. Бергера¹⁵, Э. Соджа¹⁶, П. Бурдьё¹⁷, Дж. М. Уайза¹⁸. В рамках структуралистского подхода социальное пространство рассматривается уже в качестве

¹ Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Ленанд, 2024. 704 с.

² Лейбниц Г. Новые опыты о человеческом разумении // Соч. в 4-х томах. Т. 4. М., 1989. 554 с.

³ Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: В 8-ми томах. Т. 3. М.: Чоро, 1994. 741 с.

⁴ Кирсанова Ю. А. Понятие пространства в философии М. Фуко: территориальный характер власти // Общество: философия, история, культура. 2024. № 12. С. 221-226.

⁵ Демидова М. В. Методология неклассических и постнеклассических исследований социального пространства // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 1(40). С. 54-65. – DOI 10.18799/26584956/2021/1(40)/1042

⁶ Жульков М.В. Сознание, пространство и время в философии И. Канта и современной философии и науке // Манускрипт. 2025. Т. 18. Вып 1. С. 179-185.

⁷ Пушкарева М. А., Хасанова Л. Р. И. Кант о пространстве и времени в контексте развития идеи духовной субстанции самосознания // Кант. 2020. № 3 (36). С. 176-180.

⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 421

⁹ Зиммель Г. Кант. 16 лекций, прочитанных в Берлинском университете / пер.М.И. Левиной // Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М., 1996. 671 с.

¹⁰ Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин; пер. с англ., вст. Статья и комментарии В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

¹¹ Потемкин В. К., Симанов А. Л. Пространство в структуре мира / отв. ред. А.Т. Москаленко; АН СССР. Сиб. отд-ние. Новосибирск, 1990.

¹² Виноградский В. Г. Социальная организация пространства: Философско-социологический анализ. М., 1988. С. 24

¹³ Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006. 388 с.

¹⁴ Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. М.: Streike Press, 2015. 432 с

¹⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М, 1995. 323 с.

¹⁶ Soja E. W. Thirdspace, Journeys to Los Angeles and Other Real-and-imagined Place, Oxford: Blackwell Publishers. 1996.

¹⁷ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005.

¹⁸ Wise J. M. Exploring Technology and Social Space. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage, 1997.

надындивидуальной реальности, которая включает в себя социальные отношения, обладающие определенной структурой. А. Лефевр вводит понятие «производство пространства», что является результатом объединения отдельных областей знания о физическом, ментальном и социальном пространстве. Э. Соджа, развивая теорию Лефевра, вводит новый термин «третье пространство». Дж. М. Уайз определяет социальное пространство как сеть отношений между акторами. Позицию Э. Гидденса¹⁹ можно определить как структуралистский функционализм.

В современной социально-гуманитарной литературе концепт социального пространства используется в разных науках и для анализа самых различных феноменов социальной реальности. Проблематизация категории «социальное пространство» интересует мыслителей отечественной и зарубежной науки в сфере социологической и философской мысли (С. Лю²⁰, Ф. Бьяджи²¹, Т. М. Шавердо²², Н. В. Кильберг-Шахзадова²³, Ю. А. Кирсанова²⁴, Н. А. Безгусько²⁵). Проблемы идентичности в социальном пространстве (в том числе в связи с процессом информатизации и цифровизации) исследуются В. Н. Гончаровым²⁶, Л. Н. Соловьевой²⁷, Р. В. Пеннер²⁸, С. С. Бойчук²⁹.

¹⁹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с

²⁰ Liu S. Social spaces: from Georg Simmel to Erving Goffman // The Journal of Chinese Sociology. 2024.P.11-13. Doi: 10.1186/s40711-024-00217-9

²¹ Biagi F. Henri Lefebvre's Critical Theory of Space. London: Palgrave Macmillan, 2020. XXII, 235 p

²² Шавердо Т. М. Проблематизация категории "социальное пространство" в социологии // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2022. Т. 67. № 1. С. 27. DOI 10.29235/2524-2369-2022-67-1-21-30

²³ Кильберг-Шахзадова Н. В., Цильке А. А. Концептуализация дискурса «глобализация социального пространства» в социальной философии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2024. № 5. С. 103. DOI 10.37882/2500-3682.2024.05.08.

²⁴ Кирсанова Ю.А. Категория социального пространства в истории социально-философской мысли // Общество: философия, история, культура. 2024. № 6. С. 105–112. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.6.15>.

²⁵ Безгусько Н. А. Социальное пространство как система координат социального времени // Научный вестник государственного образовательного учреждения Луганской Народной Республики "Луганский национальный аграрный университет". 2020. № 8-2. С. 303.

²⁶ Гончаров В. Н., Колосова О. Ю., Миронова Е. Н. Социально-философский анализ идентичности и социального пространства // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 96, № 1. С. 13. DOI 10.18522/2070-1403-2023-96-1-10-16

²⁷ Соловьева Л.Н. Цифровая идентичность как феномен информационной современности // Общество: философия, история, культура. 2020. №12 (80). С. 53-56.

²⁸ Пеннер Р.В. Цифровая идентичность: теория и методология // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2024. №2. С. 100. doi:10.55959/MSU0201-7385-7-2024-2-98-113.

²⁹ Бойчук С. С. Культурная и профессиональная идентичность в современном образовательном и социальном пространствах // Педагогика и психология: теория и практика. 2020. № 1(17). С. 44-51

Для анализа социального пространства как конструируемого и трансформируемого, в работе проводится подробный анализ концепции П. Бурдьё³⁰, выступающей в качестве методологического основания для дальнейшего исследования профессионального пространства. П. Бурдьё вводит понятие «социального поля» в рамках социального пространства и в большей степени отдает предпочтение структурному и даже конструктивистскому видению социального пространства.

Среди современных авторов социально-гуманитарной мысли, активно включающих концепт социального пространства в свои теоретические размышления, можно отметить Д. Грегори³¹, А. Ю. Барковскую³², В. И. Ильина³³, Т. А. Найденову и Н. Д. Найденова³⁴, Г. В. Гильдебрант³⁵, П. Штомпку³⁶, И. В. Лашук³⁷, В. А. Писачкина³⁸, О. А. Бакланову и И. С. Бакланова³⁹. С точки зрения современных исследований структурный подход П. Бурдьё применим ко многим практикам современной социальной жизни: образование, спорт, наука, структура общества, идеология, социальные конфликты, правовое государство, язык и практики коммуникации, СМИ, взаимодействие личности и общества, культура и т.п. Среди зарубежных исследователей современности для данной

³⁰ Бурдьё П. Некоторые свойства полей // Новое литературное обозрение. № 45. 2000. С. 22-87; Бурдьё П. Социология социального пространства; пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2005. 228 с.; Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 43-54.

³¹ Gregory D. Presences and absences: time-space relations and structuration theory // Social theories of Modern Societies: Anthony Giddens and his Critics, D.Held and J.B.Thompson (Eds.), Cambridge University Press, Cambridge, 1989. P. 187.

³² Барковская А. Ю. Социологическая интерпретация категории «Социальное пространство» // Logos et Praxis. 2013. №1. С.50

³³ Ильин И. В. Понятие (социального) пространства в теории Карла Маркса // Virtus. 2015. № 3. С. 8-13.

³⁴ Найденова Т. А., Найденов Н. Д. Питирим Сорокин о социальном пространстве // Человек. Культура. Образование. 2022. № 3(45). С. 36.

³⁵ Гильдебрант Г. В. Теории социального пространства в работах ученых // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 6. С. 41-45

³⁶ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 26.

³⁷ Лашук И. В. Теоретико-методологические и операциональные основания социокультурного анализа современного общества // Россия реформирующаяся. 2018. № 16. С. 104-119.

³⁸ Писачкин В. А. Теория жизненного пространства в социологии // Регионоведение. 2016. №1 (94). С.89-100.

³⁹ Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. Том VII. Вып. 12. С. 170.

работы актуальны труды следующих авторов: Р. Коннел⁴⁰, Ф. Лебарон⁴¹, К. Калхун⁴², М. Десан⁴³, Л. Вакан⁴⁴. Отечественная научная традиция представлена исследованиями П. А. Савченко⁴⁵, С. А. Батуренко⁴⁶, А. Р. Полубояринова⁴⁷, М. С. Козырева⁴⁸, Ю. Качанова и Н. Шматко⁴⁹.

Исследование профессионального пространства как поля социального пространства стало возможным благодаря теоретическим размышлениям П. А. Сорокина⁵⁰, Т. Парсонса, Г. Миллерсона⁵¹, П. Бурдьё. В современной трактовке понятие профессионального пространства как таковое оформилось приблизительно в начале 70-х годов XX века. Так, в работах Е. Н. Зуева⁵² данное понятие фигурирует как «профессиональная реальность»; М. В. Богданова⁵³ использует термин «социальное поле профессии», Д. Миллерсон⁵⁴ определяет неотъемлемые характеристики «идеального типа» профессии. П. Бурдьё⁵⁵ считает, что термин профессия создает иллюзию самодостаточности и его необходимо заменить понятием «сфера деятельности».

⁴⁰ Коннел Р. «Северная теория»: политическая география общей социальной теории // Теория и общество. 2000. Т.35. № 2. С. 291-296.

⁴¹ Лебарон Ф. «Против, напротив...»: экономические модели и экономизм/ Пер. с фр. О.Кирчик // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 5. С. 170-181.

⁴² Калхун К. Габитус, поле и капитал: вопрос исторической спецификации // Бурдьё: критический анализ: Чикаго: Издательство университета Чикаго, 1993. С. 61-89.

⁴³ Desan M.H. Bourdieu, Marx, and Capital: A Critique of the Extension Model // Sociological Theory 2014. № 31(4). Pp. 318-342. DOI:10.1177/0735275113513265.

⁴⁴ Wacquant L. Bourdieu in the City: Challenging Urban Teory, Cambridge: Polity Press. 2023. 288 p.

⁴⁵ Савченко П.А. Понятие социального капитала у П. Бурдьё: трудности в интерпретации // Социология и право. 2020. № 2(48). С. 63.

⁴⁶ Батуренко С.А. Социальная стратификация в социологической теории П. Бурдьё // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 2(27). С. 28.

⁴⁷ Полубояринов А.Р. Идеология в социальном пространстве: характеристика структуры идеологического поля на основе социальной теории Пьера Бурдьё// Социодинамика. 2023. № 4 С. 35-43. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.4.40021.

⁴⁸ Козырев М.С. Исследование влияния социальной структуры на идеологию в работах Пьера Бурдьё // Социодинамика. 2022. № 2. С. 46.

⁴⁹ Katchanov Yu., Shmatko N. The idea of social space by Pierre Bourdieu // Russian Sociological Review. 2024. № 4 (23). P. 220.

⁵⁰ Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин; пер. с англ., вст. Статья и комментарии В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

⁵¹ Millerson G. The Qualifying Associations. London: Routledge & Kegan Paul, 1964.

⁵² Зуева Е.Н. Опасные профессии: конструирование профессиональной реальности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 46–48

⁵³ Богданова М.В. Социология этоса: социальное поле инженерной профессии в отечественной ситуации начала XXI века (часть первая) // Ведомости прикладной этики. 2014. №45. С.184-200.

⁵⁴ Millerson G. The Qualifying Associations. London: Routledge & Kegan Paul, 1964.

⁵⁵ Bourdieu P., Wacquant, L. An invitation to reflexive sociology. Cambridge: Polity, 1992. P. 241

Различные аспекты профессионального пространства и понимания профессии, в том числе в продолжение методологического аппарата, заложенного П. Бурдье, исследуются в работах зарубежных авторов (Д. Ходжсон⁵⁶, М. Феннел⁵⁷, В. Фурнье⁵⁸, Л. Вакан⁵⁹, Г. Виленски⁶⁰, М. Ларсон⁶¹, Э. Эбботт,⁶² С. Бринт⁶³, Е. Фридсон⁶⁴)

Так, отмечая, что профессионализм взаимосвязан с профессиональной деятельностью, Д. Ходжсон утверждает, что он является показателем ее эффективности. С. Бринт и Е. Фридсон исследуют явление депрофессионализации, в целом отмечая рост потребительства как необходимое его условие. По мнению М. Ларсон, профессия формирует успех в приобретении профессионального капитала. Для Э. Эббота интерес представляет изучение гносеологических и этических аспектов профессионализма.

В данной работе профессиональное пространство рассматривается как испытывающее влияние процессов информатизации и цифровизации, – в связи с этим обстоятельством необходимым представляется анализ концепции информационного общества – с целью дальнейшего выявления условий, влияющих на динамику профессионального пространства в современных реалиях.

⁵⁶ Hodgson D. Disciplining the Professional: The Case of Project Management. // Journal of Management Studies. 2002. Vol. 39, no. 6. Pp. 803–821

⁵⁷ Leicht K., Fennell M. The Changing Organizational Context of Professional Work // Annual Review of Sociology. 1997. Vol. 23. Pp. 215–231

⁵⁸ Fournier V. ‘The Appeal to “Professionalism” as a Disciplinary Mechanism // Social Review. 1999. 47(2). Pp. 280–307

⁵⁹ Wacquant L. Foreword // Bourdieu P. The State Nobility. The Schools in the Field of Power, Oxford, 1996. P. 9.; Wacquant L. Bourdieu in the City: Challenging Urban Teory, Cambridge: Polity Press. 2023. 288 p.

⁶⁰ Wilensky H. L. The Professionalization of Everyone? // American Journal of Sociology. 1964. Vol. 70. № 2. Pp. 137–158.

⁶¹ Larson M. S. The Rise of Professionalism: A Sociological Analysis. London: University of California Press. 1997.

⁶² Abbott A. The System of Professions. An Essay on the Division of Expert Labor. Chicago: The University of Chicago Press. 1988. P. 9.

⁶³ Brint S. In an Age of Experts: The Changing Role of Professionals in Politics and Public Life. Princeton NJ: Princeton University Press, 1994.

⁶⁴ Freidson E. The Changing Nature of Professional Control // Annual Review of Sociology. 1984. Vol. 10. Pp. 1–20.

Концепт информационного общества и влияние процесса цифровизации на социальную реальность рассматриваются в работах Э. Тоффлера⁶⁵, М. Кастельса⁶⁶, Ф. Уэбстера⁶⁷, С. Лэша⁶⁸, Д. Белла⁶⁹, А. Маттеларт⁷⁰. В целом можно отметить, что для современных дискуссий об информационном обществе характерно то, что они представляют собой сочетание политических, утопических и социологических исследований. Несмотря на различные взгляды на информационное общество, главной темой в трудах исследователей является акцент на важности информации для современного мира. Среди современных отечественных исследователей, анализирующих проблемы информатизации общества в социально-философском ракурсе – А. С. Котлярова⁷¹, Р. Р. Насибуллин⁷², В. Н. Гончаров⁷³, Е. А. Лобовикова⁷⁴.

Проблеме рискогенности цифровизации жизненного пространства и влиянию этого процесса на социальное посвящены работы представителей философской школы Саратовского государственного университета (В. Б. Устьянцев⁷⁵, С. В. Тихонова⁷⁶, А. В. Рязанов⁷⁷, В. А. Фриауф, В. Г. Косыхин,

⁶⁵ Toffler A. Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century. Bantam, 1991. 640 p

⁶⁶ Кастельс. М. Информационная эпоха. Экономика, общество культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000

⁶⁷ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.

⁶⁸ Lash S. Critique of Information. London, Thousand Oaks (Ca.): Sage Publications, 2002.

⁶⁹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования М.: Academia, 2004. – 944 с.

⁷⁰ Mattelart A. The information society: an introduction. London, 2003.

⁷¹ Котлярова А. С., Кушев Д. В. Социально-философские характеристики социальной виртуализации человека в пространстве информационного общества // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 1-2(100). С. 87. DOI 10.24412/2500-1000-2025-1-2-87-91

⁷² Насибуллин Р. Р. Виртуальные пространства и цифровые общества: социально-пространственные аспекты // Матрица научного познания. 2024. № 4-1. С. 616-626

⁷³ Гончаров В. Н., Колосова О. Ю., Миронова Е. Н. Социально-философский анализ идентичности и социального пространства // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 96, № 1. С. 13. DOI 10.18522/2070-1403-2023-96-1-10-16

⁷⁴ Лобовикова Е. А. Антропологический аспект социальной реальности в пространстве информационной культуры // Культура и цивилизация (Донецк). 2020. № 1(11). С. 56-60.

⁷⁵ Устьянцев В. Б. Динамика жизненного пространства личности в обществе риска // Аспирантский вестник Поволжья. 2016. № 3-4. С. 159-162.

⁷⁶ Тихонова С. В. Коммуникационные структуры социальной мифологии. Саратов: СГСЭУ, 2008. 244 с.

⁷⁷ Рязанов А. В. Российский социум: динамика трансформаций. Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2020. 218 с.

Ю. М. Дуплинская, С. М. Малкина⁷⁸, В. П. Рожков⁷⁹, И. Д. Невважай⁸⁰, О. Ф. Филимонова⁸¹, И. В. Стеклова, М. А. Богатов, М. О. Орлов⁸², Е. В. Листвина⁸³, Е. В. Рягузова⁸⁴, О. М. Ломако⁸⁵, С. А. Данилов⁸⁶, А. В. Иванов⁸⁷).

Для анализа риск-факторов институциональной трансформации профессионального пространства важно обратиться к концепциям, связанным с институционализацией самого риска (Бек У., Эллиот Э., Гидденс Э., О. Н. Яницкий). М. Дин⁸⁸ отмечает многозначность и полисемичность термина «риск» как комплекса практик. Необходимость понимания профессии как социального института связано с дальнейшей концептуализацией профессионального становления субъектов профессии (профессионализацией).

⁷⁸ Онтологическое и социальное: грани взаимодействия / В. Г. Косыхин, Ю. М. Дуплинская, В. А. Фриауф [и др.]. Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2021. 162 с.

⁷⁹ Рожков В. П. Запад и Россия. Философские основания цивилизационной константы общественного сознания.

Саратов: Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 1998. 244 с.

⁸⁰ Социальная философия науки. Идеи и дискуссии / И. Т. Касавин, А. Ю. Антоновский, А. А. Аргамакова [и др.]. Москва: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2018. 254 с. (Библиотека журнала «Epistemology & Philosophy of Science»).

⁸¹ Филимонова О. Ф. Перемены перемен: социальность и дефицит защиты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, № 3. С. 298-303.

⁸² Бытие. Человек. Культура / О. Д. Агапов, Е. Ю. Антонюк, М. А. Богатов [и др.]; Под редакцией Е.В. Листвиной,

Н.П. Лысиковой, О.В. Шиндиной. Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2021. 218 с.

⁸³ Листвина Е. В. Современные социокультурные коммуникации: трансформации в цифровую эпоху // Известия

Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, № 4. С. 386-

389. DOI 10.18500/1819-7671-2021-21-4-386-389.

⁸⁴ Рягузова Е. В. Homo Digitalis: запрос на новую конфигурацию индивидуальности // Известия Саратовского

университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, № 3. С. 320-325.

⁸⁵ Ломако О. М. Новые измерения человечности в контексте цивилизационного процесса: социально-философский аспект // Восток, Запад, Россия: философские и социокультурные основания взаимодействия цивилизаций, Саратов, 28–29 сентября 2016 года / сборник научных трудов. Саратов: Общество с ограниченной

ответственностью Издательство «КУБиК», 2017. С. 31-35.

⁸⁶ Данилов С.А., Ручин В.А. Рискогенность образования и социокультурный потенциал общества в условиях цифровизации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 10-14.

⁸⁷ Иванов А.В. Коммуникация риска: теоретические основания и современные дискуссии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. № 3. С. 251-256

⁸⁸ Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах/ Митчелл Дин; пер. с англ. А.А. Писарева; под науч. ред. С. М. Гавриленко. - М.: Дело, 2016.

Институциональное пространство изучается в рамках целого ряда дисциплин – социальной философии, социологии, экономики, политологии, все чаще становясь объектом внимания и дискуссий общественных наук. Один из аргументов в пользу изучения институтов в социальных науках был предложен К. Поппером⁸⁹, высказавшим идею о том, что человеческая природа лишена институционального измерения, поскольку оно апостериорно этой природе. Институциональный индивидуализм Дж. С. Милля⁹⁰ строится, с одной стороны, на анализе индивидуальных действий, а, с другой стороны, на институциональном анализе, поскольку отдельный человек меняется вместе с социальными институтами. Таким образом, институты необходимо рассматривать в качестве объясняющих переменных наряду с целями индивидов.

Отдельно стоит отметить сложившуюся традицию исследования институциональных рисков в свете методологического подхода П. Бурдьё. Так, О. А. Добринина⁹¹ проводит комплексный анализ современных социальных рисков, применяя бурдьезианские нарративы. К. А. Платонов⁹² анализирует производство экологических рисков, С. А. Батуренко⁹³, И. Г. Неделевская⁹⁴ проводят анализ рисков, связанных с неравномерным распределением ресурсов, неравнозначностью между социальными позициями агентов взаимодействия; В. Б. Устьянцев⁹⁵ исследует концепты рисков в пространстве власти; А. В. Баранов⁹⁶ изучает институциональные риски сферы образования;

⁸⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2-х т. М., Т. 2, 1992. С. 111.

⁹⁰ Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. М., 1911. С. 798.

⁹¹ Добринина О.А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции П. Бурдьё // Системная психология и социология. 2019. № 3 (31). С. 113. DOI 10.25688/2223-6872.2019.31.3.10.

⁹² Платонов К. А. Социальные последствия экологических рисков для населения промышленного моногорода: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Санкт-Петербург, 2017. 197

⁹³ Батуренко С.А. Социальная стратификация в социологической теории П. Бурдьё // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 2(27). С. 28.

⁹⁴ Неделевская И. Г. Методология социологического изучения неравенства в науке в контексте теории поля П. Бурдьё : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / Белорусский государственный университет, 2023. 24 с.

⁹⁵ Устьянцев В.Б. Риски в пространстве власти: концепты и проекты // Вестник ВолГУ. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 2 (14). С. 109.

⁹⁶ Баранов А. В. Прикладная польза социологии П. Бурдьё для изучения института высшего образования // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2024. № 1-1. С. 153-157.

К. М. Оганян, К. К. Оганян⁹⁷ полагают, что категориальный аппарат П. Бурдьё позволяет объяснять природу конфликтов и рисков социальной коммуникации и практик, осуществляемых агентами благодаря габитусу, практическому чувству и стратегиям действия.

Особое внимание в работе уделяется анализу депрофессионализации как риск-фактору современного профессионального пространства. Данный термин появляется в философии культуры в 80-е годы XX века. Хотя еще М. Вебер⁹⁸ полагал, что утрату автономии профессии, утрату монополии знаний, деперсонализацию в деятельности можно рассматривать как часть процесса депрофессионализации.

Потеря профессиональной автономии обычно понимается в качестве отличительной черты депрофессионализации, процесса, в ходе которого профессиональные акторы теряют способность влиять и определять содержание и формы своей собственной работы, а также не могут поддерживать границы своей профессиональной сферы по отношению к другим профессионалам, властям или рыночным силам. Так, депрофессионализация, по мнению А. Эбботта, выражается в отсутствии контроля над определенным комплексом профессиональных обязанностей. Через призму марксистского подхода профессионализацию и депрофессионализацию рассматривал в своей статье Р. Панди⁹⁹. Современный исследователь Г. Стэндинг¹⁰⁰ в качестве примера депрофессионализации рассматривает формирование класса людей, не имеющих устойчивого положения в профессиональной среде и не востребованных обществом.

Поскольку специфика социально-философского анализа профессионального пространства заключается в его интерпретации не только с позиции институционального подхода к самой профессии, но и как системы интеракций

⁹⁷ Оганян К. М., Оганян К. К. Анализ социального конфликта с позиций конструктивистско-структуралистической методологии Бурдьё // Научные исследования XXI века. 2021. № 2(10). С. 371.

⁹⁸ Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. Illinois: The Free Press, 1947. P. 333

⁹⁹ Pandey R. Whither Professionalism? // Sociological Bulletin. 1985. 34(1-2). Pp. 1-38. <https://doi.org/10.1177/0038022919850101>

¹⁰⁰ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2020. 368 с.

между профессиональными субъектами, важно исследовать такой риск цифровизации как модификация профессиональных ценностей личности. Поскольку именно личность является основным субъектом выполнения профессиональной деятельности в работе обосновывается обращение к социально-конструкционистскому подходу – как методологическому основанию для анализа ценностного содержания профессионального пространства, формируемому на личностном уровне.

С точки зрения социального конструкционизма различные аспекты профессионального пространства анализируются в трудах П. Бергера и Т. Лукмана¹⁰¹. При этом П. Бергер фактически отождествляет освоение социальных ролей и практик с личностным становлением. Конструкционистский анализ реальности позволяет говорить о профессиональном пространстве как о социальном феномене, невозможном без включения в это пространство личности, осваивающей различные системы сконструированных ценностей. Идея социального конструирования, изложенная П. Бергером и Т. Лукманом, восходит к феноменологическим концепциям А. Шюца, М. Хайдеггера и Э. Гуссерля, а также к работам Р. Фуллера и Р. Майерса¹⁰², служащих основой концепции ценностного конфликта: признавая объективное влияние внешних условий на социальные конструкты, авторы придавали большое значение субъективному фактору, имеющему зависимость от когнитивных предпочтений людей.

С целью исследования роли личности в изменяющемся профессиональном пространстве в работе осуществляется обращение к социально-философским основаниям динамики профессионального становления личности. Необходимо отметить, что важным методологическим значением для социально-философского обоснования этого процесса служит интеграция двух подходов: структурного

¹⁰¹ Бергер П.Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности...С. 93.

¹⁰² Фуллер Р., Майерс Р. Стадии социальной проблемы // Контексты современности - II. Казань: Изд-во Казанского университета, 2001. – 188 с.

функционализма (Н. Смелзер)¹⁰³ и символического интеракционизма (А. В. Емченко, Д. А. Горбачева¹⁰⁴).

Обоснование социально-философской модели профессионального становления личности стало возможным при обращении к исследованиям, демонстрирующим различные грани социальной адаптации личности и ее вторичной социализации. Онтологический анализ высвечивает специфику структуры определенной профессиональной сферы и направлен на обнаружение объективного статуса теоретических и идеализированных конструктов, что представлено в работах С. Г. Меньшениной¹⁰⁵, О. Д. Федорова¹⁰⁶, В. В. Поповой¹⁰⁷, Й. Сандберга и А. Пиннингтона¹⁰⁸.

Гносеологическое измерение профессионального становления личности анализируется Е. А. Шумиловой и Е. В. Андреевой¹⁰⁹, а также некоторыми зарубежными авторами¹¹⁰. При этом отмечается, что когнитивный аспект профессионального становления может быть рассмотрен через призму феноменологического подхода, с точки зрения которого интериоризация знаний и норм происходит при условии признания существования внешней совокупности обуславливающих данный процесс факторов, но субъективное значение имеет

¹⁰³ Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер; пер. с англ. - М.: Феникс, 1994. С. 652

¹⁰⁴ Емченко А.В., Горбачева Д.А., Ворожейкина О.И. Парадигмальная основа проблемы профессионально-трудовой социализации личности // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2(87). С. 196-198.

¹⁰⁵ Меньшенина С.Г. Онтологические основы формирования готовности к профессиональной деятельности // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 8 (17). С. 121-123.

¹⁰⁶ Федоров О.Д. Онтологическая модель профессионального становления учителя // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. Т. 1. № 1. С. 43–63.

¹⁰⁷ Попова В.В. Онтологическая модель профессионального имиджа // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2014. № 2(92). С. 218-221.

¹⁰⁸ Sandberg J., Pinnington A. Professional Competence as Ways of Being: An Existential Ontological Perspective // Journal of Management Studies. 2009. № 46(7). P. 1138-1170.

¹⁰⁹ Шумилова Е. А., Андреева Е. В. Организационные и содержательные особенности профессиональной социализации личности // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2016. № 3. С. 101-106.

¹¹⁰ Ritesh C. Tacit Knowledge Transfer in Australian Universities: Exploring the Barriers and Enablers // WSEAS Trans. Adv. Eng. Educ. 2018. № 15. Pp. 7–15; Rosellini A., Hawamdeh S. Tacit knowledge transfer in training and the inherent limitations of using only quantitative measures // Proc. Assoc. Inf. Sci. Technol. 2020. P. 57.; Xu J., Wei X., Hisrich R.D., Yu M. and Li X. Mentoring and Tacit Knowledge Transfer in Novice Teachers From Chinese Middle Schools: Mediating Effect of Job Crafting // Front. Educ. 2022. № 7. Pp. 1-10.

только в случае выработки профессионального мышления через осознанное принятие.

Аксиологический анализ профессионального пространства позволяет утверждать, что значительное количество исследовательской литературы содержит анализ ценностей как результата социальной оценки различных фактов реальности, предназначенных для регуляции социальных действий¹¹¹.

Поскольку праксиологическое измерение профессионального пространства подразумевает рассмотрение разных видов деятельности с точки зрения их эффективности, в работе содержится обращение к пониманию данного аспекта в философии (У. Эспинас¹¹², Ч. Пирс, У. Джеймс¹¹³).

Анализ трансформации профессионального пространства в информационном обществе в отношении личностного понимания включенности в профессиональное поле требует обращения к исследованиям, содержащим анализ различных риск-факторов, оказывающих влияние на модификацию ценностного поля профессии – под влиянием процессов информатизации и дигитализации. Данную проблематику в своих исследованиях рассматривают З. Бауман¹¹⁴, Дж. Пауэлл¹¹⁵, П. В. Малиновский¹¹⁶, Д. М. Бойко¹¹⁷, С. Пак¹¹⁸, М. Арнольд¹¹⁹,

¹¹¹ Mróz B. Professional competences: Personality and Axiological Model (MOA) in verifying the sense of life quality // Polish Journal of Applied Psychology. 2016. № 14(2). Pp. 113-132.

¹¹² Espinas A. V. Etude sociologique: les origines de la technologie Paris : Nabu Press, 2014. 306 p.

¹¹³ Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М: Логос, 2000. 448 с.; Джеймс У. Прагматизм: Новое назв. для некоторых старых методов мышления : Попул. лекции по философии / пер. с англ. П. Юшкевича с прил. ст. пер. о прагматизме. Санкт-Петербург: Шиповник, 1910. 237 с.

¹¹⁴ Бауман З. Текучая современность / пер. с англ.; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. С. 161.

¹¹⁵ Powell J. Professionalism, multi-professionalism, inter-professionalism and transprofessionalism [Electronic resource] / J. Powell, A. Pickard.

¹¹⁶ Малиновский П.В. Вызовы глобальной профессиональной революции на рубеже тысячелетий // Российское экспертное обозрение. 2007. № 3 (21). С.21-24;

¹¹⁷ Бойко Д. М. Медиабезопасность и транспрофессионализм в современном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). С. 87–92.

¹¹⁸ Park S. Digital capital. London: Palgrave Macmillan, 2017. - 260 p.

¹¹⁹ Arnold M. On the phenomenology of technology: The "Janus-faces" of mobile phones // Information and Organization. 2003. Vol. 13. № 4. Pp. 231–256. [https://doi.org/10.1016/S1471-7727\(03\)00013-7](https://doi.org/10.1016/S1471-7727(03)00013-7).

А. Карвальо¹²⁰, Л. Г. Фишман¹²¹, А. Ю. Согомонов¹²², С. С. Мишук¹²³, И. А. Шепелев¹²⁴, Р. Пинтер¹²⁵, С. В. Кручинин¹²⁶, А. Ф. Григорьев¹²⁷.

Модификация этоса профессии, которая приводит к явлению транспрофессионализма, становится одной из актуальных тем для исследования в современной гуманитарной науке (в рамках философии, социологии, образования и т.п.) – различные аспекты данного явления исследуются в трудах Э. Ф. Зеера и О. В. Крежевских¹²⁸, Ю. В. Назаровой¹²⁹, Д. М. Бочко¹³⁰, В. Цай и О. Чистяковой¹³¹, А. А. Залевской¹³². Таким образом, становится очевидным что исследование профессионального пространства и его трансформируемости на современном этапе развития общества в результате влияния процесса информатизации является значимым для понимания современных аспектов взаимодействия между различными субъектами социально-профессиональной коммуникации и социальной динамики в целом.

¹²⁰ Carvalho A.F.P. de Technologically-mediated nomadicity in academic settings: Tm-N as a dynamic and emergent process : Doctoral Thesis. Limerick, University of Limerick, 2013.

¹²¹ Фишман Л. Г. Пугающий дух и его медиумы (актуальна ли «протестантская этика» в XXI в.?) / Л.Г. Фишман // Journal of Institutional Studies. 2020. № 12 (1). С. 84-99.

¹²² Согомонов А. Ю. Социология неочевидного: культурный выбор и апории «высокой» современности. М.: ООО «Вариант», 2012. 240 с.

¹²³ Мишук С. С. Проблемы обеспечения когнитивной безопасности личности в социально-информационном пространстве // Ноосферные исследования. 2024. № 3. С. 48-56. DOI 10.46724/NOOS.2024.3.48-56.

¹²⁴ Шепелев И. А. Информационные риски с позиции теории общества рисков: социально-философский анализ // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 12. С. 2713.

¹²⁵ Pinter R. Conceptualizing Information Society as Risk Society // Periodica Polytechnica. Series «Soc. Man. Sci». 2003. № 1 (11). P. 35-44.

¹²⁶ Кручинин С. В. Философский анализ влияние гаджетизации на социальное бытие // КАНТ. №4 (33), 2019. С. 166-170

¹²⁷ Григорьев А. Ф., Григорьева М. А. Цифровизация в современном социально-гуманитарном пространстве // Kant. 2020. № 4(37). С. 7. DOI 10.24923/2222-243X.2020-37.1

¹²⁸ Зеер Э. Ф., Крежевских О. В. Моделирование социально-гуманитарной образовательной платформы развития транспрофессионализма у субъектов полидисциплинарных проектов // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 7. С. 90–106.

¹²⁹ Назарова Ю. В. Трансформация профессиональной этики в цифровой культуре // Манускрипт. 2024. Т. 17. Вып. 4. С. 567-571.

¹³⁰ Бочко Д. М. Медиабезопасность и транспрофессионализм в современном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). С. 87–92.

¹³¹ Tsai W. D., Chistyakova O. V. Ethical Theoretical Reflections on Social Media: Place of the Human Being in the Digital Space // RUDN Journal of Philosophy. 2022. Vol. 26, No. 4. P. 870-881. DOI 10.22363/2313-2302-2022-26-4-870-881.

¹³² Залевская А. А. Профессиональная деятельность личности в условиях цифровизации общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2023. №. 3(130). С. 14.

Объект исследования – профессиональное пространство как поле социального.

Предмет исследования – динамика профессионального пространства в условиях цифровизации информационного общества.

Цель работы – выявить изменения профессионального пространства на институциональном и личностном уровнях, происходящие в современном информационном обществе.

Поставленная цель требует решения следующих **задач**:

1. Обосновать теоретико-методологические возможности пространственного подхода к анализу динамики профессионального пространства как социально-философской проблемы;
2. Охарактеризовать свойства профессионального пространства, отражающие его специфику как поля производства социального;
3. Выявить условия трансформации профессионального пространства в информационном обществе как выражение его социальной динамики;
4. Обосновать влияние рисков цифровизации на институциональные изменения профессионального пространства;
5. Аргументировать исследование социально-философского измерения профессиональной социализации личности как динамического ценностного социального конструкта;
6. Выделить специфические особенности модификации ценностного этоса профессионального пространства личности в информационном обществе.

Научная новизна работы.

1. На основе сопоставления методологических подходов к пониманию социального пространства обоснована необходимость изучения профессионального пространства как социально-философской проблемы. Представленные пространственные подходы демонстрируют актуальность социально-философского исследования профессионального пространства как динамического конструкта.

2. В соответствии с аргументацией универсальности методологической концепции П. Бурдье охарактеризованы свойства и специфика профессионального пространства как динамического поля социальных взаимодействий по производству социального.

3. Выявлены условия, определяющие динамику и трансформацию профессионального пространства в современном информационном обществе: являясь полем социального пространства, оно претерпевает изменения под влиянием экзогенных условий информатизации, и тем самым определяет логику внутренней трансформации.

4. Обосновано влияние процесса цифровизации на трансформацию институционального измерения профессионального пространства. Выявлены характерные особенности данных изменений: коммодификация профессиональных знаний, смещение профессионального и личного пространств, потеря профессиональной автономии, деинституционализация профессии.

5. Обосновано исследование профессиональной социализации личности как ценностного социального многомерного конструкта, формирующегося под влиянием субъективного усвоения профессиональных ценностей. Представлена авторская версия социально-философского анализа профессионального становления личности как совокупности четырех измерений: онтологического, гносеологического, аксиологического и праксиологического.

6. Выявлены специфические особенности модификации профессиональной этики как социального института и как совокупности профессиональных ценностей личности. Обоснована ценностная неопределенность в структуре личностной деятельности как результат процесса гибридизации профессий, а также девальвации классических профессиональных ценностей.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты данного диссертационного исследования вносят существенный вклад в анализ динамики профессионального пространства в условиях цифровизации современного общества. Основные теоретические выводы данной работы могут

быть применены для исследования изменений социального в различных сферах деятельности. Данное исследование углубляет концептуальные социально-философские теории, посвященные изучению динамики социального пространства. Используемые в работе методы анализа профессионального пространства могут быть применены к исследованию разнообразных современных феноменов социальной реальности – с точки зрения их содержательной структуры и понимания последствий трансформационных изменений на институциональном и личностном уровнях.

Представленный в диссертации анализ ценностных изменений профессионального этоса способствует формированию нового направления исследований в социальной философии, связанного с изучением профессиональной этики как отражения социальных взаимодействий. Социально-философский анализ дегуманизации профессиональной этики и конфликта ценностей позволит обозначить методологические ориентиры для исследования профессионального пространства в новых условиях трансформирующегося общества.

Практическая значимость исследования обусловлена необходимостью минимизации неопределенности в вопросах усвоения, передачи и трансляции профессионального опыта, преодоления негативных тенденций цифровизации. Полученные в ходе исследования результаты могут быть полезны в социально-философской науке, социальной теории и практике.

Результаты, полученные в ходе исследования, можно использовать в работе российских государственных структур, занимающихся формированием стратегий управления трансформациями социального в различных сферах деятельности в условиях цифровизации.

Результаты исследования могут быть применены в дальнейших разработках по социальной философии, в рамках культурной и социальной антропологии, философии культуры. Материалы и выводы исследования могут быть использованы в процессе преподавания философских, культурологических, социологических, экономических, управленческих и других дисциплин.

Методология и методы исследования. Методологическое основание исследования динамики профессионального пространства представлено следующей интеграцией: концепции профессий П.Бурдьё, рискогенной парадигмой, аксиологическим подходом, теорией социального конструкционизма, пространственным подходом. Благодаря такому комплексу основных методологических подходов изучаемая проблема актуализируется для социально-философского анализа.

Анализируемые в работе концепции социального пространства позволяют обосновать необходимость изучения динамики профессионального пространства как социально-философской проблемы. Представленный социогуманитарный пространственный дискурс демонстрирует актуальность социально-философского исследования профессионального пространства как динамического конструкта – посредством применения взаимодополняющей логики субстанциального и структуралистского подходов.

На основе представлений П.Бурдьё профессиональное пространство понимается как поле социальных взаимодействий по производству социального в различных сферах деятельности; при этом специфика профессионального пространства заключается в его инструментальной способности конструирования социального. Свойства социального пространства и его структура, включающая в себя социальные практики, социальные отношения, субъекта [агента – по П. Бурдьё] и социально-статусные позиции, интерпретируется с точки зрения концептуальной методологии французского мыслителя и применяется по отношению к профессиональному пространству, которое представлено как одно из полей социального пространства. При этом в качестве важных особенностей профессионального пространства отмечаются его открытость, динамичность и конструируемость.

Методологическое соединение концепции П. Бурдьё и социального конструкционизма позволило описать профессиональное пространство с точки зрения его трансформируемости, а также при непосредственном участии человека как личности, проходящей разные грани профессиональной социализации.

Переход от методологии П. Бурдьё к социальному конструкционизму является закономерным с учетом признания ограничений в теоретических рассуждениях французского автора. Поскольку именно личность является основным субъектом выполнения профессиональной деятельности, конструкционистский анализ реальности позволяет говорить о профессиональном пространстве как о социальном феномене, невозможном без включения в это пространство личности, осваивающей различные системы сконструированных ценностей.

В этой связи логично использование аксиологического подхода – с целью анализа проблемы профессионального самоопределения и понимания процесса профессиональной социализации личности, формирования ею ценностных взаимодействий в процессе выполнения профессиональной деятельности и профессионального этоса. Становление личности в профессии – это всегда ее «включение» в ценностное поле профессии; в этом смысле методологический потенциал философии позволяет проанализировать данный процесс в совокупности 4-х основных измерений (онтологического, гносеологического, аксиологического, праксиологического). А в рамках методологии социального конструкционизма профессиональное самоопределение и дальнейшая профессиональная социализация личности может рассматриваться как многомерный социальный конструкт.

Понимание современных процессов динамики, происходящих в профессиональном пространстве и связанных с депрофессионализацией в отношении к личности, рассматриваются в контексте рискологической парадигмы, поскольку влияние данного процесса на совокупность транслируемых личностью профессиональных ценностей – не так однозначно. Применение рискологической парадигмы позволило охарактеризовать современные процессы с точки зрения влияния неопределенности и рисков, продуцирующих как изменение институциональных структур профессии, так и ценностных норм профессии. При этом депрофессионализация, рассматриваемая как основной риск-фактор, актуализирует проблему смещения профессионального и личного пространств.

Поскольку институциональное измерение общественных структур предполагает анализ ситуаций, требующих антропогенного вмешательства и разрешения, а также преодоления последствий в результате предполагаемого воздействия неблагоприятных факторов, это также требует обращения к методологии анализа рисков. На современном этапе развития общества особое значение приобретает учет тех аспектов, которые влияют на трансформацию институционального поля профессионального пространства.

В данной логике можно отметить некоторый синтез теории социального поля П. Бурдьё и концепции общества рисков. На наш взгляд, динамику и, в частности, – трансформируемость профессионального пространства, рассматриваемых в работе с позиции П. Бурдьё, можно анализировать как потенциал для рисков. Сама трансформация вправе рассматриваться как риск – вследствие непредсказуемости и нелинейности социальных преобразований, влияющих на институциональные и индивидуальные траектории развития.

Кроме этого в работе применяется совокупность классических методов философского анализа проблемы. Так, историко-ретроспективный анализ существующих концепций социального пространства актуализировал проблему как требующую социально-философского исследования. Сопоставление субстанциального и структуралистского подходов в изучении динамики социального пространства, а также ценностных изменений профессионального этоса стало возможным на основе компаративного анализа. Диалектический подход позволил рассмотреть профессиональное пространство как динамичное и изменяющееся под влиянием внешних и внутренних условий. Применение системного подхода санкционировало анализ профессионального пространства как изменяющегося под влиянием цифровизации современного социума. Направляющим и в то же время резюмирующим вектором методологии является пространственный подход в целом, позволивший исследовать профессию и поле профессионального как совокупность реального и виртуального, физического (географического) и символического – в применении существующих практик изучения пространства вообще и социального пространства в частности.

Положения, выносимые на защиту.

1. Для анализа динамики профессионального пространства применен теоретико-концептуальный и методологический ресурс общегуманитарного дискурса исследования социального пространства. Возможности пространственного подхода, обусловленные субстанциальной и структуралистской традициями, актуализируют необходимость социально-философского анализа профессионального пространства как динамически изменяющегося социального конструкта. Применение взаимодополняющей логики субстанциального и структуралистского подходов позволяет акцентировать внимание как на внутренней логике и саморазвитии профессионального пространства, так и на системных отношениях и скрытых определяющих его структурах.

2. В результате проведенного анализа, базирующегося на универсальности методологической концепции П. Бурдьё, профессиональное пространство представлено как поле социальных взаимодействий по производству социального в различных сферах деятельности. Специфика профессионального пространства заключается в его инструментальной способности конструирования социального; то есть оно выступает формой взаимосвязи личности с миром профессий, представленной в виде социально сконструированного единства габитусов, управляемых единым набором ценностей и определяющих символический капитал. Профессиональное пространство как поле социального пространства обладает следующими свойствами: открытостью, определяющей взаимодействие с другими полями социального пространства; способностью к самоорганизации и саморазвитию; историчностью; конструируемостью профессий; параллельным развитием профессий и их влиянием друг на друга.

3. Динамика и характер изменений профессионального пространства в современном информационном обществе обусловлены влиянием процессов информатизации в социальном пространстве. Являясь полем социального профессиональное пространство трансформируется в результате воздействия комплекса условий экзогенного характера, детерминирующих в свою очередь, логику его внутренних изменений. Внешними условиями выступают научно-

технические изменения, политические установки, социально-экономические процессы, а внутренними – конфликты между смыслообразующими конструктами профессионального пространства, появление новых элементов и изменение статуса самого профессионального пространства. В результате появляется новая «конструкция», в которой информационные технологии претендуют на определяющую роль и влияют на саму природу профессиональных взаимодействий.

4. В переходную эпоху, связанную с влиянием цифровизации, трансформация институционального поля профессионального пространства может быть охарактеризована с точки зрения риск-факторов, продуцирующих изменение как субъекта профессии, так и институциональных структур профессии. Институциональная трансформация профессионального пространства связана с депрофессионализацией, характеризуемой с позиции потери профессиями монопольного контроля над совокупностью специализированных знаний. Особенности депрофессионализации связаны с деинституционализацией профессии и потерей ее традиционных характеристик и статуса; нивелированием профессиональной автономии; смещением профессионального и личного пространств; коммодификацией профессиональных знаний. В результате влияния цифровых технологий границы между экспертами и не экспертами становятся более гибкими, что проблематизирует понимание роли профессионалов в современном обществе. Существование профессии как социального института в информационную эпоху связано с риском потери его социальной значимости и разрушением созданного профессионального поля.

5. Социально-философский подход к анализу динамики профессионального пространства заключается в его интерпретации как с позиции институциональных характеристик, так и системы взаимодействий между профессиональными субъектами. Аргументом конструируемости профессионального пространства выступает взаимовлияние его институционального измерения и профессионального становления отдельной личности. Профессиональное самоопределение личности и дальнейшая профессиональная социализация

рассматриваются через призму методологии социального конструкционизма и представляют собой многомерный социальный конструкт, формирование которого происходит в процессе интериоризации профессиональных ценностей отдельной личностью. Социально-философский анализ профессионального становления личности проводится в рамках онтологического, гносеологического, аксиологического, праксиологического измерений профессиональной социализации.

6. Влияние цифровизации на профессионально-ценностное пространство личности характеризуется как амбивалентный процесс, содержащий в себе не только позитивно оцениваемые перспективы изменения трудовой деятельности, но и потенциальную неопределенность как для личности, так и общества в целом – в процессе передачи, усвоения, трансляции и воспроизводства профессиональных ценностей. Специфика модификации профессиональной этики связана с переносом профессиональной деятельности в цифровое пространство, появлением новых технологий, изменением характера взаимодействий, новым пониманием ценности труда. Личность транспрофессионала, формирующаяся в результате влияния цифровизации и подразумевающая адаптируемость, обучаемость, мобильность, – часто является идеальным конструктом, который декларируется благодаря социальным ожиданиям. Такая личность может быть представлена индикатором процесса псевдогибридизации, девальвирующем классические ценности профессии и «размывающем» границы профессионализма.

Степень достоверности и апробация диссертационного исследования. Достоверность исследования основана на комплексном анализе научных работ, посвященных проблемам социального пространства и осмыслению профессионального пространства как поля социального; а также подтверждается решением поставленных задач и реализацией основной цели исследования – в соответствии с обозначенными теоретико-методологическими основаниями и логикой диссертационного исследования. Достоверность результатов обеспечивается использованием междисциплинарного подхода и социально-философских исследований по изучаемой проблематике, в их числе – как работы

классиков в истории социально-гуманитарной мысли, так и современных отечественных и зарубежных исследователей, посвященных проблемам профессионального пространства, ценностного определения профессиональных горизонтов личности. Последовательность, логическая связь теоретических положений, актуальность и соответствие используемой методологии, сформулированные положения и выводы – также отражают достоверность и новизну полученных результатов.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования представлены и обсуждены на 8 научных конференциях различного уровня: VIII Международная научная конференция «Современное культурно-образовательное пространство гуманитарных и социальных наук» (8 апреля 2020 г., г. Саратов); English language conference «SSMU talks» (17-20 мая 2021 г., г. Саратов); IV Международная научно-практическая конференция «Педагогическое взаимодействие: возможности и перспективы» (30-31 марта 2022 г., г. Саратов); Всероссийская научно-практическая конференция «Универсальное знание в современном мире (к 250-летию со дня рождения Ф.А. Брокгауза)» (23 июня 2022 г., г. Саратов); V Международная научно-практическая конференция «Педагогическое взаимодействие: возможности и перспективы» (28-29 марта 2023 г., г. Саратов); Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Медиа в информационном обществе: эффекты, возможности, риски» (28-31 марта 2023 г., г. Саратов); XIV ежегодная научно-практическая конференция молодых ученых факультета психологии «Проблемы современной психологии: теория, практика, эксперимент» (16 февраля 2024 г., г. Саратов); VII Международная научно-практическая конференция «Педагогическое взаимодействие: возможности и перспективы» (25-26 марта 2025 г., г. Саратов); а также нашли отражение в 11 научных публикациях, из которых 2 коллективных монографии и 3 статьи в журналах из Перечня российских рецензируемых научных изданий ВАК.

Структура и объем диссертационной работы определяются логикой исследования, поставленной целью и задачами. Диссертация состоит из введения,

двух глав, включающих по два параграфа, заключения и списка литературы. Общий объем работы составляет 216 страниц. Список литературы включает 234 наименований, в том числе – 68 на иностранном языке.

Глава 1. Теоретико-методологические подходы к анализу динамики профессионального пространства

1.1. Концептуальные основания социально-философского анализа профессионального пространства

Пространство является предметом исследования многих дисциплин. Понятие пространства имеет множество значений в различных науках, начиная, например, с физики и геометрии, и заканчивая социологическими и философскими интерпретациями. Впрочем, исследователи в целом солидарны друг с другом, упоминая атомистов как самых первых ученых-мыслителей, развивавших субстанциальный подход к пространству¹³³. При этом анализ категории «пространство» считается логичным при исследовании социального пространства, представление о котором появляется только в XIX веке. Однако, стоит отметить, что «в атомистической концепции еще не идет речи о категоризации пространства. Но важной вехой становится сам факт обнаружения пространства, пока как пустоты, необходимости и вместилища»¹³⁴.

Геометрическое понимание пространства связано с основными характеристиками материального мира, воспринимаемого с помощью органов чувств и проявляющееся в ширине, глубине, длине вещей и предметов. Мыслители Нового времени уже развивали идею пространства как сопоставимом с материей и протяженностью. В качестве физического пространства можно рассматривать трехмерное безграничное картезианское пространство, основанное на достижениях классической механики Ньютона. Субстанциальное ньютоновское понимание пространства может быть дополнено исторической дискуссией об онтологическом статусе пространства, ставшей возможной благодаря аргументам Г. Лейбница об относительности пространства. Именно Г. Лейбниц утверждает, что пространство (равно как и время) представляет собой некоторый способ чувственного познания, присущий монадам: «...действие ...малых восприятий гораздо более значительно,

¹³³ Кирсанова Ю. А. Категория социального пространства в истории социально-философской мысли // Общество: философия, история, культура. 2024. № 6. С. 105–112. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.6.15>.

¹³⁴ Там же С. 106.

чем об этом думают. Именно они образуют не поддающиеся определению вкусы, образы чувственных качеств, ясных в совокупности, но не отчётливых в своих частях»¹³⁵. Мыслитель отвергает абсолютность пространства Ньютона, отстаивая тезис о его относительности и определяя его как порядок взаиморасположения материальных тел. В плане классического для того периода времени понимания пространства концепция Лейбница мыслилась как непримиримая к существовавшей парадигме классического механицизма. Однако, и дальнейшая материалистическая философия XVIII-XIX вв. решала проблему пространства в целом основываясь на концепциях Ньютона или Лейбница.

В современных философских исследованиях осуществляется поиск такого методологического основания анализа пространства, которое бы могло в дальнейшем выступить в качестве некоторой матрицы изучения социального пространства как философского концепта. В частности, М. В. Демидова предлагает в качестве таковой (по мнению автора – трансдисциплинарной модели) – рассматривать подход философа Нового времени Рене Декарта¹³⁶: «своей системой координат Р. Декарт создал иллюстративную модель мышления, которая делает возможным научное пространственное и временное восприятие и осмысливание тех или иных явлений, вещей или идей. Он предложил способ описания воспринимаемой человеком природной реальности»¹³⁷. Предлагается именно систему координат Р. Декарта считать той самой трансдисциплинарной методологией, позволяющей исследователю осуществлять философский поиск, синтезирующий различные знания о пространстве (и, в конечном итоге, - о социальном пространстве) в единую систему.

Решение упомянутого спора, сложившегося в Новое время, предложил И. Кант, выдвинувший идею нового синтетического априорного знания, примером которого является геометрия. Согласно философу, Евклидова геометрия и ее

¹³⁵ Лейбниц Г. Новые опыты о человеческом разумении // Соч. в 4-х томах. Т. 4. М., 1989. С. 54

¹³⁶ Демидова М. В. Методология неклассических и постнеклассических исследований социального пространства // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 1(40). С. 54-65. – DOI 10.18799/26584956/2021/1(40)/1042

¹³⁷ Там же. С. 61.

положения не требуют опытного обоснования и являются априорными, но при этом такие положения называются синтетическими, т.е. уже содержащими определенную информацию о мировой структуре: «Пространство и время, вместе взятые, суть чистые формы всякого чувственного созерцания, и именно благодаря этому возможны априорные синтетические положения»¹³⁸. Таким образом абсолютность интерпретации физического пространства с позиции субстанциализма оказалась подкреплена авторитетными позициями физики Ньютона и философии И. Канта. Стоит упомянуть, что идеи И. Канта, связанные с решением проблемы пространства, актуальным и в современной отечественной науке¹³⁹. Так, М. В. Жульков, опираясь на размышления И. Канта о соотношении пространства и времени, их понимании как форм мышления, связанных с самосознанием, полагает кантовское решение пространственного вопроса довольно значимым для современного естествознания и гуманитарной науки¹⁴⁰. То есть осознание данного факта влияет на перспективы исследования данного вопроса в философии, и репрезентация философского учения И. Канта способна повлиять на дальнейшие естественнонаучные исследования.

На сегодняшний день пространственное видение социальной реальности занимает значимое место и в социальных науках. Это обусловлено тем, что «понятие пространства оказалось способным охватывать и включать в себя явления не только физического, но и иного плана, что в итоге позволяет раскрывать содержание категории пространства на разных уровнях и образовывать своего рода иерархию подпространств»¹⁴¹, тем самым каждое из них становится отдельной системой в конкретной области исследования.

Сравнительно недавно понятие пространства выступило объектом оживленной дискуссии в рамках социальной-философских исследований.

¹³⁸ Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: В 8-ми томах. Т. 3. М.: Чоро, 1994. С. 77

¹³⁹ Пушкарева М. А., Хасанова Л. Р. И. Кант о пространстве и времени в контексте развития идеи духовной субстанции самосознания // Кант. 2020. № 3 (36). С. 176-180.

¹⁴⁰ Жульков М.В. Сознание, пространство и время в философии И. Канта и современной философии и науке // Манускрипт. 2025. Т. 18. Вып 1. С. 179-185.

¹⁴¹ Бердников И. П. Пространство человека: Коммуникативные структуры; парадигмальные и социокультурные основания: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. Саратов, 2003. 163 с.

Основные обсуждаемые вопросы связаны с пониманием соотношения физического, социального и когнитивного аспектов в интерпретации различных феноменов существования социального пространства. Изначальные представления о социальном пространстве вполне соответствовали механистической картине мира; пространство представлялось подобно геометрическому пространству как трехмерное и не предполагавшего изменений во времени. Так, классик социологической теории пространства Э. Дюркгейм апеллировал к объективному пониманию социальных фактов, исключая воздействие субъективных аспектов¹⁴². Впрочем, стоит отметить определенную заслугу представителя социальной мысли, подчеркнув его приоритетность в рассмотрении общества как единой системы. Центральным понятием в его теории является социальный факт – теоретический принцип, влияющий на социальное взаимодействие, а также выступающий и как способ организации мышления, и как правило практической деятельности индивидов, находящихся в обществе. В этом смысле социальные факты являются чем-то внешним по отношению к субъекту, выступая для него господствующей силой принуждения.

Обращение к понятию социального пространства обусловлено прежде всего гибкостью социальных структур, которые зачастую имеют институциональную природу с одной стороны, а с другой, оно отражает вовлеченность агентов взаимодействия: пространство поддерживается устойчивыми интеракциями групп индивидов, и потому аксиологически нагружено. Именно таким пространством является, на наш взгляд профессиональное пространство. На основании этого анализа привлечение в качестве магистрального понятия «социальное пространство» в методологическом контексте оправдано целями исследования – проследить динамику пространства профессионального и обозначить ключевые точки его нестабильности, которые, как правило, связаны с человеческим фактором.

¹⁴² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 421.

В исследовательской литературе до современного момента можно отметить устойчивый интерес к проблеме социального пространства: сформулированный в XIX веке, данный концепт становится актуальным предметом изучения для социологов, экономистов, политологов, философов и т.д., - то есть практически для всех так называемых общественных дисциплин. Особенно важным становится «рассмотрение социального пространства с учетом деления его на сферы»¹⁴³. В данном аспекте современные авторы предлагают рассматривать экономический подход (где сферы социального пространства сопоставимы содержательно), социальный подход (где речь идет о жизнедеятельности различных социальных групп), комплексный подход (предполагающий рассматривать социальную сферу как интегративную), коммуникативно-деятельностный подход (социальная сфера представлена как продукт деятельности личности и общества в результате коммуникаций)¹⁴⁴.

Анализ общественных практик и составляющих их элементов требует учета не только характера функционирования их институциональных компонентов, но и исследования уровня межличностных интеракций и сопутствующей им аксиологической составляющей.

Соответствующий запрос об учете обоих уровней взаимодействия был сформулирован в социальной мысли XX века и нашел свое выражение в категории «социальное пространство». В научный оборот термин «социальное пространство»¹⁴⁵ вводит Г. Зиммель в своей работе «Социология пространства». Социальное пространство понималось классиком социальной мысли, прежде всего, как пространство физическое, которое осваивают люди и придают ему собственно его социальный характер. При этом, обращаясь к социальному пространству, Г. Зиммель детализирует общефилософское представление о пространстве, предложенное И. Кантом ««Кант установил следующее: пространство обладает

¹⁴³ Гончаров В. Н., Колосова О. Ю., Миронова Е. Н. Социально-философский анализ идентичности и социального пространства // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 96, № 1. С. 13. DOI 10.18522/2070-1403-2023-96-1-10-16

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

всей реальностью, о которой в нашем познании вообще может идти речь, именно потому, что оно – форма и условие наших эмпирических представлений»¹⁴⁶. То есть основываясь на кантовском акцентировании субъектного восприятия, Г. Зиммель связывает социальное пространство с полем деятельности человека, имеющем границы, дистантные локализации и зоны взаимодействия индивидов. Г. Зиммель включает исследование индивидуального, подчеркивая влияние пространства городов на степень субъективной свободы. Так, индивид, по мнению исследователя, включен в некоторое число различных социальных кругов, в том числе профессиональных, определяемых видом деятельности и должностными обязанностями. Примечательно, что Г. Зиммель впервые обратил внимание на такую характеристику социального пространства (особенно в современных городах), которая проявляется, с одной стороны, отчуждением индивидов и увеличением социальной дистанции, а, с другой стороны, - интенсификацией обезличенных взаимодействий. Благодаря немецкому мыслителю город стал пониматься не просто как физическое или географическое пространство, а непосредственно как социальное, где осуществляется взаимодействие индивидов. Последнее имеет особые границы, отличные от естественных, и описывается автором как социальный факт, формируемый пространственно и задающий контекст социального опыта. Таким образом, основными характеристиками пространства становятся социально осмысленные категории дистанции, близости и места, наполненные конкретным содержанием.

Описанная оппозиция взглядов Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля как социориентированного и субъекториентированного соответственно – проявляет себя и в дальнейших разработках проблемы социального пространства.

Теоретические разработки Г. Зиммеля сопоставимы с пониманием социального пространства, предложенного П. Сорокиным в теории социальной

¹⁴⁶ Зиммель Г. Кант. 16 лекций, прочитанных в Берлинском университете / пер.М.И. Левиной // Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М., 1996. С. 54.

стратификации¹⁴⁷. В труде «Социальная мобильность»¹⁴⁸ ученый впервые предлагает четкую дефиницию анализируемого феномена, указав на необходимость анализа всего спектра социальных явлений через призму представления общественных процессов как «помещенных» в социальное пространство. П. Сорокин утверждает, что для того, чтобы быть адекватной, концепция социокультурного пространства должна быть способна определять положение любого социокультурного явления среди других социокультурных явлений или внутри социокультурного универсума¹⁴⁹. Однако, П. Сорокин, по сравнению с теорией Г. Зиммеля, уже четко сформулировал ключевые отличия социального пространства от геометрического, акцентируя внимание на том, что пространственный концепт позволяет сконструировать многомерную модель социального устройства и выявить основные детерминанты общественного развития – в отличие от геометрического пространства с его трехмерностью. Близость и дистантность географического и социального пространств соотносятся друг с другом прямо противоположно: близкие социально могут быть очень далеки географически, и наоборот – близкие географически оказываются далеко социально. Впрочем, П. Сорокин представляет в некотором роде механистический взгляд на природу социального пространства, преодолевая трехмерность многомерностью и не предполагая его динамизм и изменчивость, которые возможны только во времени. Динамизм у автора связывается с понятием социальной мобильности, характеризующей изменения социально-статусных позиций. Как отмечают современные исследователи «категория социального пространства позволяет П. Сорокину перейти от описания частных социальных явлений, смыслов и конфликтов к концепции общественного развития»¹⁵⁰.

¹⁴⁷ Барковская А. Ю. Социологическая интерпретация категории «Социальное пространство» // *Logos et Praxis*. 2013. №1. С.50

¹⁴⁸ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., Изд-во политической литературы, 1992. С. 297-307.

¹⁴⁹ Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин; пер. с англ., вст. Статья и комментарии В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

¹⁵⁰ Найденова Т. А., Найденов Н. Д. Питирим Сорокин о социальном пространстве // *Человек. Культура. Образование*. 2022. № 3(45). С. 36.

Для определения характеристик социального пространства, по мысли П. Сорокина, необходимо соотнести положение отдельного индивида или социального явления с другими индивидами и явлениями, дополнив анализом определенных социальных детерминант, влияющих на человеческую деятельность в определенных рамках-границах территории, народонаселения, государств. Таким образом осуществляется историческое развитие культур. Так, П. Сорокин писал: «Социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения Земли... Определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие «точки отсчета»»¹⁵¹. Значимым положением в теории П. Сорокина в контексте заявленной темы исследования, является выделение в многомерной структуре социального пространства профессиональной дифференциации, т.е. собственно профессионального пространства.

Однако, необходимо отметить еще один фактор, не учитываемый П. Сорокиным, но детерминирующий социальное пространство как феномен человеческой деятельности. Несмотря на стремление анализировать социальное пространство как многомерное, тем не менее, временной фактор, придающий социальному пространству конкретное содержание, остался вне поля теоретизирования. Как отмечал Э. Гидденс уже в конце XX века: «Большинство социальных аналитиков рассматривают время и пространство всего лишь как окружение, в котором протекает деятельность, и легкомысленно соглашаются с характерным для современной западной культуры представлением, сводящим время к измеримому часовому времени»¹⁵². Э. Гидденс полагает, что одним из вариантов изучения социального пространства с учетом временного фактора является концепция, предложенная Т. Хагерстрандом, сочетающая географические и социальные характеристики пространства и обосновывающая различные виды

¹⁵¹ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 298.

¹⁵² Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. М., 2005. С. 174.

человеческой деятельности: «Отсюда возникают всеобщие “пределы”, ограничивающие человеческую деятельность во времени и пространстве»¹⁵³.

Временной фактор, на наш взгляд, становится одним из важнейших оснований, позволяющих рассматривать социальное пространство как социально-философскую проблему, ориентированную на многообразие отношений как непосредственно в социальной сфере, так и на уровне взаимодействия человека и мира. То есть с позиции философской рефлексии социальное пространство обусловлено темпоральностью человеческой деятельности. Современный уровень исследований категорий пространства и времени давно находится за рамками естественнонаучного знания, развиваясь благодаря социальным, историческим, гуманитарным наукам. «Без учета фактора времени невозможно понять и оценить состояние общества, а также выработать эффективные управленческие решения на всех уровнях социальной структуры. <...> Ускорение социальной изменчивости всех сфер жизни общества, актуализирует ценность времени и связанных с ним социальных процессов, обостряет проблемы необратимости, постепенности, стабильности социальных изменений»¹⁵⁴. Социальное время разворачивается в истории и конституирует себя как процессуальность социальной действительности. В свою очередь, социальное время всегда связано с пространством, модусы времени имеют пространственную локализацию (при этом стоит упомянуть, что в современном обществе локальность далеко не всегда понимается буквально: «локусы» становятся символическими, виртуальными, мыслимыми и т.п.)

Таким образом, для первой волны исследователей, активно привлекавших в свои тексты понятие «социального пространства» в целом свойственно субстанциальное его понимание. При помощи данной категории они пытались выразить многоаспектность социального бытия ценностно-окрашенных взаимодействий в конкретной материальной форме. Социальное пространство для

¹⁵³ Там же. С. 175.

¹⁵⁴ Безгусько Н. А. Социальное пространство как система координат социального времени // Научный вестник государственного образовательного учреждения Луганской Народной Республики "Луганский национальный аграрный университет". 2020. № 8-2. С. 303.

них выступает в качестве простой совокупности некоторых субстанций (индивид, социальная группа, институты, социальные отношения).

Однако сказать, что в трудах первопроходцев использовалась лишь одна трактовка понятия нельзя. Как отмечает А. Ю. Барковская¹⁵⁵, для Г. Зиммеля, П. Бурдьё и Э. Гидденса выступающих активными новаторами пространственного видения социальной реальности в социальной философии – социальное пространство может быть прочитано как конкретное расположение агентов действия на воображаемой социальной сцене, и как метафора, удобная для отображения статусов и ролей индивидов¹⁵⁶.

То есть «социальное пространство», используемое нами в качестве базового понятия, не лишено разночтений в его интерпретациях, что и позволяет ему удерживать в себе эпистемологический потенциал.

Подобное разночтение будет свойственно и более поздним исследователям. Так, по словам В. Г. Виноградского: «исходный уровень истолкования социального пространства, рассматриваемый с точки зрения его способностей охарактеризовать общественные отношения в особом ракурсе позволяет оценить масштабы разнообразных социальных связей того или иного общественного субъекта, выразить факт нарастания их плотности и сгущенности, измерить степень их взаимопересечения, усложнения и богатства»¹⁵⁷. Иными словами, посредством употребления понятия «социального пространства» становится возможным выявление и изучение социальной жизни субъекта в различных плоскостях, в частности с позиций включенности последнего в переплетения общественных интеракций.

В современном обществе пространство становится способом рецепции таких феноменов физической реальности как «язык, культура, информация, социум,

¹⁵⁵ Барковская А. Ю. Социологическая интерпретация категории «Социальное пространство» // *Logos et Praxis*. 2013. №1. С.50.

¹⁵⁶ Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. С.52

¹⁵⁷ Виноградский В. Г. Социальная организация пространства: Философско-социологический анализ. М., 1988. С. 24.

город» и т.д.¹⁵⁸. Анализируя различные феномены, исследователи так или иначе обращаются к определению проблемы социального пространства — с целью понимания места изучаемых феноменов. «Каждый человек как биологический индивид обладает определенной «локализацией» в физическом пространстве и как социальный агент — определенным положением, рангом в пространстве социальном. При этом социальное пространство многомерно, и в различных социальных полях индивид может занимать различное положение»¹⁵⁹. То есть социальная деятельность человека каким-либо образом регламентирована его социальной практикой, социальными взаимодействиями и коммуникацией. Таким образом, все эти феномены приобретают специфическую структуру, в которую включается как внешнее, так и внутреннее пространство. Перед исследователем встает задача не только поиска пределов, взаимопересечений, наложений пространственных структур, но и обращение к проблеме их функционирования.

Таким образом, феномен социального пространства не может быть рассмотрен только в рамках субстанциального подхода. Как, например, отмечают исследователи социального пространства В. К. Потемкин и А. Л. Симанов: «когда мы говорим, что пространство — это та арена, на которой разворачиваются все события человеческой жизни, мы невольно забываем, что эта арена не является индифферентнымместилищем происходящего. Пространство не только делает возможным фабулу нашей повседневности, зачастую оно само становится непосредственным участником нашей жизни, задавая ее ход, детерминируя направление событий»¹⁶⁰. Иначе говоря, само пространство хотя и может считаться своего рода метафорой, выступает в качестве фактора влияния на взаимодействия субъектов, которые это пространство и формируют. Более того, мы говорим о социальном пространстве именно тогда, когда ситуация общения и

¹⁵⁸ Социальное пространство современного города : монография / под редакцией Г. Б. Кораблевой, А. В. Меренкова. Москва: Издательство Юрайт, 2022. 250 с.

¹⁵⁹ Там же. С. 20.

¹⁶⁰ Потемкин В. К., Симанов А. Л. Пространство в структуре мира / отв. ред. А.Т. Москаленко; АН СССР. Сиб. отд-ние. Новосибирск, 1990.

взаимоотношения субъектов образуют качественно иную ступень общественных коммуникаций.

В XX веке, который характеризуется новым этапом в развитии социального знания, возникает совершенно новый взгляд на феномен социального пространства, называемый пространственным поворотом¹⁶¹. Именно с этого времени социогуманитарная наука прибегает к понятию социального пространства как одному из основных инструментов анализа мира социального.

Таким образом, можно говорить о структуралистском взгляде на исследуемую проблему. В рамках структуралистского подхода социальное пространство выступает в качестве надындивидуальной реальности, которая включает в себя социальные отношения, обладающие определенной структурой. Одним из основоположников этого направления является М. Фуко, впервые изложивший свои идеи о социальном пространстве в работе «Другие пространства» (1967 г.)¹⁶².

Однако, существенное влияние на идеологов структуралистского подхода оказал К. Маркс, высказавший мысль о том, что «общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех идей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу»¹⁶³. И хотя у Маркса нет специальных работ, посвященных пространству, тем не менее исследователи полагают (в том числе не без последующих разработок Анри Лефевра), что понятие пространства скрыто от исследовательского взгляда переводческими, текстуальными и философскими аспектами¹⁶⁴. И. В. Ильин, анализируя работы К. Маркса, приводит следующее понимание социального пространства у мыслителя: основными действующими фигурами являются индивиды «пространство – это место производства-воспроизводства общественных отношений, функционирующее как форма проявления, скрытия последних, создающая видимость в качестве основы для

¹⁶¹ Гильдебрант Г. В. Теории социального пространства в работах ученых // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 6. С. 41-45.

¹⁶² Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006.

¹⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46, ч. 1, 1968. С. 214.

¹⁶⁴ Ильин И. В. Понятие (социального) пространства в теории Карла Маркса // Virtus. 2015. № 3. С. 8-13.

идеологических представлений»¹⁶⁵. То есть уже у К. Маркса события общественной жизни описываются не только в плоскости стратификационных взаимодействий, но позволяют предполагать дальнейшее конструирование социальной структуры в виде идеологически-надстроенных факторов. Пространство здесь является условием предметной деятельности человека, а в эпоху капитализма, ставшей для мыслителя основанием для теоретизирования, за пространством скрывается антагонизм социальных отношений – владельцев средств производства и рабочих.

Возвращаясь к М. Фуко, необходимо отметить, что по мысли философа, современную эпоху стоит рассматривать именно с позиции пространства, однако его невозможно анализировать и вне времени, вне исторического контекста. Пространственное мышление должно соотноситься с историческим временем. То, что анализируется в историческом контексте, должно коррелировать и с пространством.

Отмечая, что значение понятия «протяженность» в отношении пространства уже утратило свое значение, М. Фуко предлагает термин «местоположение», применимый к человеку как внешнее в отличие от внутреннего пространства эмоций. Мыслитель, характеризуя непосредственно взаимодействующие с человеком части пространства, пишет о том, что «они соотносятся со всеми остальными местоположениями, но таким образом, что приостанавливают, нейтрализуют или переворачивают всю совокупность отношений, которые тем самым ими обозначаются, отражаются или рефлектируются»¹⁶⁶. Взаимодействующие пространства М. Фуко называет утопиями и гетеротопиями. Под первыми он понимает такое местоположение, которое нельзя описать как реальное: это социальная изнанка, поддерживающая отношения с другими, но реальными пространствами, и функционально отражают пространство. Реальные же пространства, свойственные для любой человеческой культуры, обозначаются

¹⁶⁵ Там же. С. 10.

¹⁶⁶ Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006. С. 195.

термином гетеротопии¹⁶⁷. Уникальность гетеротопий заключается в том, что они способны принимать самые разнообразные формы, в том числе кризисные или девиационные формы (например, психиатрическая больница или тюрьма). В гетеротопиях возможны такие социальные взаимодействия, которые нарушают нормы общепринятого поведения, а также специфическое взаимодействие со временем: накопление времени (музей), аннулирование (тюрьма) или прекращение (кладбище). То есть мыслитель связывает с гетеротопиями конкретные места, а не типы пространства. М. Фуко, сосредоточившись на анализе пространства дисциплинарной власти, тем не менее считает, что общественное пространство является продуцируемым.

Таким образом, М. Фуко настаивал на принципиальном центрировании пространственного концепта в современных исследованиях. При этом проблема пространства, по его мнению, должна быть поставлена через призму сложной системы взаимодействия людей. «Человек может занимать то или иное место в пространствах, как физическом, так и символическом, что раскрывает его вес и статус в обществе. Жизнь общества строится в различных пространствах. Каждое из них диктует свои правила, поскольку пространства транслируют власть, установки, ценности и правила»¹⁶⁸. Пространственные структуры связаны между собой системой взаимодействий, формируемых человеком фактом своей локализации или социальной практики.

Традиция структурализма принципиально отличается в этом плане от субстанциализма – в вопросе понимания места и роли индивида, да и его самого. Индивид является значимой частью социального пространства, следовательно, существование пространства невозможно без активного участия людей. Взаимодействия в условиях социального пространства формируют социальные отношения. При этом отношения и индивиды, осуществляющие взаимодействия выступают в некотором смысле как тождественные.

¹⁶⁷ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Гуманитарная Академия, 2006. 416 с.

¹⁶⁸ Кирсанова Ю. А. Понятие пространства в философии М. Фуко: территориальный характер власти // Общество: философия, история, культура. 2024. № 12. С. 221-226.

«В современной научной литературе большинство философов под социальным пространством понимают социально освоенную часть природного пространства для обитания человечества»¹⁶⁹, однако, поскольку в современном обществе стало появляться значительное количество разных социальных пространств, это требует понимания специфики социально-философского подхода к изучаемому феномену. Концепт социального пространства становится методологической базой для исследования разнообразных феноменов социальной жизни с точки зрения различных наук.

В структуралистской версии социального пространства пространственными единицами уже выступают статусные позиции (поскольку они могут быть структурированы и продуцированы), в то время как в субстанциальной версии интерпретации изучаемого феномена важнейшими элементами становятся отдельные индивиды. В связи с этим большое значение придается социальному статусу, понимаемому в качестве комплекса незыблемых норм социального действия, прав и обязанностей индивида в сочетании с общественными стандартами различных материальных и моральных форм поощрения. Обычай, мораль, религия, закон и общественное мнение лежат в основе формирования социального статуса. Статусная позиция становится показателем несвободы и в данной ситуации социальная роль становится индикатором допустимых пределов свободы. Тем самым индивид обладает свободой лишь в определенных рамках, которые детерминируются его статусной позицией. Варианты поведения или стиль жизни, так же находятся в жестких границах, основывающихся на статусной позиции. Единственным путем смены образа жизни становится смена статуса. Но это – путь получения свободы выбора, это лишь смена границ. После смены статусной позиции индивид начинает существовать в границах нового статусного положения. Благодаря социальным институтам индивиды могут выполнять

¹⁶⁹ Кильберг-Шахзадова Н. В., Цильке А. А. Концептуализация дискурса «глобализация социального пространства» в социальной философии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2024. № 5. С. 103. DOI 10.37882/2500-3682.2024.05.08.

определенные социальные роли, осуществляя в то же время воспроизводство самих институтов.

По словам П. Бергера и Т. Лукмана, «институциональный порядок реален лишь постольку, поскольку он реализуется в исполняемых ролях, а с другой стороны – роли представляют институциональный порядок, который определяет их характер... и придает им объективный смысл»¹⁷⁰. Мы согласны с этой точкой зрения, лишаящей институты и социальные роли самостоятельного независимого от людей статуса.

Аргументация М. Фуко тесным образом переплетается с методологическим подходом к пространству Анри Лефевра¹⁷¹. И несмотря на то, что А. Лефевр был одним из первых критиков структурализма, тем не менее методологическая база структурализма была использована автором в книге «Производство пространства». А. Лефевр, как и М. Фуко, полагал, что только равновесие между пространственными и временными подходами может способствовать передвижению социальных структур. Философ, отмечая значение пространственного мышления, связывает его с динамизмом исторического процесса. Создаваемое, конструируемое пространство – это активный процесс. Отметим, что «А. Лефевр вовсе не задается вопросом, что есть «пространство вообще», а изначально рассматривает данный феномен в контексте социального, выделяя в качестве основных аспектов исследования пространственную практику, репрезентации пространства и репрезентационные пространства»¹⁷². Однако, благодаря А. Лефевру мы можем понять каким образом смещался исследовательский фокус в отношении проблемы пространства: именно Лефевр предлагает пространство как полностью производное от социальной жизни, т.е. как «социальный продукт».

¹⁷⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М, 1995. С. 130.

¹⁷¹ Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. М.: Streike Press, 2015. 432 с

¹⁷² Шавердо Т. М. Проблематизация категории "социальное пространство" в социологии // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2022. Т. 67. № 1. С. 27. DOI 10.29235/2524-2369-2022-67-1-21-30

Как пишет А. Лефевр, в повседневной жизни пространство используется по-разному, например, для обозначения таких специализированных пространственных феноменов как, например, работа, игровые и досуговые практики, публичные локации, средства передвижения. А. Лефевр признавал наличие достаточно значительного числа определений в различных сферах знания, в так называемых пространственных дисциплинах: географии, архитектуре, социологии города; однако, при этом указывал на недостаточность этих познавательных практик. Автор выступал за создание единого комплекса знаний о пространстве, поскольку, по его мнению, подобное направление должно опираться в формулировках определений пространства на понимание различных его аспектов: физико-географических, социальных и ментальных. А. Лефевр предложил концептуальную модель дефиниции, опирающуюся на такие аспекты пространства, которые необходимо анализировать в их совокупности - «воспринимаемые, понимаемые и обживаемые пространства». Это означает совокупность пространственной практики, репрезентации пространства и «пространства репрезентации» (данный термин в дальнейшем предложил Э. Соджа)¹⁷³.

Анализируя данные составляющие, необходимо отметить, что пространственную практику А. Лефевр определяет как конструирование «пространственности», которая «охватывает производство и воспроизводство, а также конкретные местоположения и пространственные наборы, характерные для каждой социальной формации. Пространственная практика обеспечивает преемственность и некоторую степень единства. С точки зрения социального пространства и отношений каждого члена данного общества с этим пространством это единство предполагает гарантированный уровень компетентности и определенный уровень производительности»¹⁷⁴. Далее автор утверждает, что «пространственная практика любого общества порождает свое пространство. Она

¹⁷³ Soja E. W. *Thirdspace, Journeys to Los Angeles and Other Real-and-imagined Place*, Oxford: Blackwell Publishers. 1996.

¹⁷⁴ Лефевр А. *Производство пространства* / Пер. с фр. М.: Streike Press, 2015. 432 с.

полагает и предполагает его в диалектическом взаимодействии: медленно, но верно производит его, господствует над ним и присваивает его себе»¹⁷⁵.

Таким образом, пространственная практика определяется как «тот аспект пространства, который эмпирически наблюдаем: он наблюдается, описывается, анализируется на самых разных уровнях, в архитектуре, в градостроительстве, в реальном проектировании маршрутов и местностей, в организации повседневной жизни»¹⁷⁶.

Второй компонент «репрезентация пространства» может быть интерпретирован как «пространство задуманное, пространство ученых, планировщиков, урбанистов, «кроящих» и «организующих» технократов, некоторых художников, близких к научным кругам и отождествляющих переживание и восприятие с замыслом»¹⁷⁷. То есть данный компонент пространства описывается как достаточно объективный, основанный на достоверных научных данных.

И, что касается «пространства репрезентации», то А. Лефевр полагает его возможное описание, опираясь на художественный, литературный, философский опыт, то есть это совокупность субъективных переживаний, выраженных в знаковом, символическом, чувственно-образном или просто субъективном языке: – это «пространство, переживаемое через сопутствующие ему образы и символы, иными словами, пространство «жителей», «пользователей», а также отдельных художников и, быть может, тех, кто описывает, полагая, что только описывает, – писателей, философов. Это пространство подчиненное, то есть претерпеваемое, пространство, которое пытается изменить и присвоить себе воображение. Оно покрывает собой физическое пространство, используя его объекты в качестве символов. Тем самым эти пространства репрезентации тяготеют (с теми же оговорками, что и в предыдущем случае) к более или менее когерентным системам невербальных символов и знаков»¹⁷⁸.

¹⁷⁵ Там же. С. 38.

¹⁷⁶ Там же. С. 413.

¹⁷⁷ Там же. С. 43.

¹⁷⁸ Там же. С. 39.

При этом французский философ приписывал пространству репрезентации доминирующую роль в пространстве физическом, как пассивно переживаемому благодаря воображению, которое стремится присвоить и трансформировать пространство. Этот вид пространства использует физические объекты как символы, накладывая свои отпечатки на понимание границ физического пространства. То есть А. Лефевр предпочитает говорить о реальной действительности как своеобразном векторе, задающем направление дальнейшему развитию: так, новейшие достижения науки и техники, научно-технические революции настолько изменили пространство физического, что стали опасными для изначально заданного природой состояния физического пространства.

Из этого следует, что подход А. Лефевра основан на исследовании социальных изменений как диалектического процесса, связанного с развитием общественных отношений и прогрессом производительных сил, которые в то же время постоянно трансформируются и обновляются. Физическое и социальное пространства находятся в постоянном взаимодействии и балансе – мысль, на которой основано предположение философа о том, что «способ производства, наряду с некоторыми социальными отношениями, организует – производит – собственное пространство (и собственное время)»¹⁷⁹.

Таким образом подход А. Лефевра знаменует собой появление примера комплексного анализа пространства в единстве его основных измерений, при этом отдельные виды пространства не существуют отдельно от других; а, следовательно, и научный подход к их исследованию должен быть диалектическим, основанным на объединении усилий различных областей знания о физическом, ментальном и социальном пространствах. С целью обозначения объекта анализа, автор вводит понятие «производство пространства», предлагая изучать становление каждого вида пространства и их влияние друг на друга. «Производство пространства» одновременно означает и аналитическую категорию теории, и реальную практику. Анализируя социальное пространство А. Лефевр приходит к выводу о его

¹⁷⁹ Там же. С. 46.

производстве с помощью социальной практики, что в свою очередь, позволяет ему быть объектом для мышления и практического действия.

Французский мыслитель полагает, что исследуемые им три вида пространства различным образом оказывают воздействие на его производство – в зависимости от типа социума или исторического периода с определенным способом производства. Рассмотрение одновременного сосуществования физического, ментального и социального пространств инициировало дальнейшие аналитические размышления о пространстве в рамках различных наук, особенно социальных.

Творчеству А. Лефевра в современной научной литературе посвящено значительное количество работ, и многие авторы достаточно высоко оценивают вклад французского философа в осмысление проблемы социального пространства; анализ Лефевра представляется довольно комплексным¹⁸⁰. Впрочем, В. Н. Украинский и Ж. Ж. Чимитдожиев отмечают, что в литературе существуют довольно спорные «спорные интерпретации идей Лефевра»¹⁸¹: авторы ссылаются на итальянского исследователя творчества Лефевра Ф. Бьяджи¹⁸², который полагает, что Лефевр известен только благодаря исследованиям географа-марксиста Д. Харви.

Другой исследователь Э. Соджа сопоставил размышления А. Лефевра с музыкальной композицией, имеющей большое количество одновременного исполнения разными инструментами и голосами, точнее, – с полифонической фугой, основанной на отдельных темах, которые гармонизируются посредством контрапункта и вводятся снова и снова разными способами, с использованием различных контрапунктических средств¹⁸³. Фактически, как отмечает Э. Соджа, А. Лефевр двойственным образом интерпретирует понятие «социальное пространство», представляя его как отличное от физического и ментального

¹⁸⁰ Украинский В. Н., Чимитдоржиев Ж. Ж. Анри Лефевр и полиморфность социального пространства // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 61–72. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/61-72

¹⁸¹ Там же. С. 62.

¹⁸² Biagi F. Henri Lefebvre's Critical Theory of Space. London: Palgrave Macmillan, 2020. XXII, 235 p

¹⁸³ Soja E. W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places. Malden, MA; Oxford; Carlton: Blackwell Publishers, 1996. P. 65.

пространств особое поле – с одной стороны; а с другой стороны – понимая его как универсальный порядок пространственного мышления, трансцендентное единство пространства. При этом способы взаимодействия между тремя типами пространств не могут быть элементарными и константными. Поэтому Э. Соджа, развивая идеи А. Лефевра, предложил модифицировать их в более эмпирически понятную форму для отправной точки исследования. В связи с этим автор вводит понятие «третье пространство», призванное прояснить основные проблемы многоаспектности социального пространства¹⁸⁴. По мысли Э. Соджа, необходимо сосредоточиться на двойственности понимания пространства – как конкретного проявления материальной физической реальности (в эмпирических вещах), с одной стороны; и с другой стороны – как содержательного человеческого представления о пространстве в мысленных и когнитивных формах. Пространства абстрактны, но они также играют роль в социальной и политической практике¹⁸⁵.

Э. Соджа утверждает, что они более или менее совпадают с воспринимаемыми и понимаемым пространствами А. Лефевра, причем первое часто считается «реальным», а второе – «воображаемым». Обжитое пространство, которое, по мнению Э. Соджи, для А. Лефевра является предпочтительным (хотя на самом деле это нет так) не получило в исследовательской практике того внимания, которого оно заслуживает. Определение, данное Лефевром обжитому пространству, «проживаемому посредством образов и символов», способно инициировать неверное толкование, если не обращать внимания на характерные черты этих пространств, которыми их наделил А. Лефевр: как содержащими в себе идеологические и политические элементы и в которых комбинируются действительное и мыслимое (воображаемое). Э. Соджа подчеркивает значимость данных характеристик, отмечая, что «обжитое пространство» можно описать как пространство противоречий, социальных столкновений и противостояния господствующим устоям. В этом смысле полностью обжитые пространства

¹⁸⁴ Soja E. W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places. Malden, MA; Oxford; Carlton: Blackwell Publishers, 1996. P. 92.

¹⁸⁵ Там же. P. 99.

представляют большой интерес, поскольку они одновременно являются и физическими, и мыслимыми, реальными и виртуальными, закреплены как на уровне субъективного опыта, так и в общественной практике¹⁸⁶. Вводя понятие «третьего пространства», Э. Соджа подчеркивает альтернативность исследования, основывающегося на традиционном дуализме материального и мыслимого, но выходящего за границы этого подхода по объему, содержанию и значению¹⁸⁷.

Таким образом, если А. Лефевр в своем понимании социального пространства исходит из практики взаимодействия социальных отношений и «производительных сил», то Э. Соджа анализировал феномен пространственности, применяя его как фактор, способствующий социально-экономическому развитию территориальных образований.

Еще один исследователь пространства Дж. М. Уайз в отличие от описанных теорий употребляет концепт агентности. Описывая разнообразие пространств Дж. М. Уайз характеризует социальные пространства с позиции их открытости, созданные многими людьми в течение длительного времени – как результат их взаимодействия. Понятие агентности при этом анализируется через призму эффективности действующих в социуме лиц – акторов, задающих вектор развития социальной жизни; а социальное пространство определяется как результат и процесс взаимодействий между этими агентами: «социальное пространство – это не просто дискурсивные модели «изображенных», «воображаемых» или символических сообществ... но и не физические совокупности индивидов и сконструированного пространства... социальное пространство представляет собой стратификацию этих двух реальностей и может быть описано как серия сетей акторов... Социальное пространство всегда состоит из Технологии и Языка в определенных конфигурациях. Но это также означает кое-что помимо этой конфигурации. Это также означает воплощение этой конфигурации»¹⁸⁸.

¹⁸⁶ Soja E. W. Postmetropolis: Critical studies of cities and regions. Oxford; Malden, MA: Blackwell, 2000. 440 p.

¹⁸⁷ Soja E. W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places. Malden, MA; Oxford; Carllton: Blackwell Publishers, 1996.

¹⁸⁸ Wise J. M. Exploring Technology and Social Space. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage, 1997. P. 70.

Становится ясно, что предметом интереса автора в определении социального пространства становится взаимодействие и взаимоопределение социального пространства и технологий.

«Технология» и «Язык» интерпретируются как разные виды деятельности, имеющие различное отношение к телу и телесному. Технология определяется как социальное действие, позволяющее реализовывать возможности через физическую согласованность; а язык – бестелесный вид деятельности, влияющий на социальное, противоположным способом. То есть социальное пространство интерпретируется как взаимовлияние языка и технологий, и значимыми являются проблемы соотношения и взаимовлияния двух типов агентностей – в их воздействии на характер человеческой деятельности в целом. Если таким образом определять социальное пространство, то его структура определяется составляющими акторную сеть практиками и их трансформацией, репрезентацией самой сети и ее опыта.

На основе структуралистских идей выстраивает свой подход к социальному пространству еще один влиятельный представитель пространственного подхода – Э. Гидденс, основывая свои идеи о пространстве на сравнении досовременных и современных обществ. В целом можно охарактеризовать позицию Э. Гидденса как структуралистский функционализм. Автор полагает, что важной проблемой социального знания должен быть анализ пространственно-временного континуума, изучение которого в его трансформации и отдельно от географического «пространства - времени» важно для исследования динамики современного общества¹⁸⁹. То есть время и пространство – это категории, определяющие контекст социальных взаимодействий. При этом для современности характерен процесс их «растяжения», что называется исследователем «пространственно-временным дистанцированием»¹⁹⁰.

¹⁸⁹ Giddens A. 'A reply to my critics', in D. Held and J.B. Thompson (eds) *Social Theory of Modern Societies: Anthony Giddens and his critics*, Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

¹⁹⁰ Там же. P. 276.

В сравнении с досовременными обществами это существенное отличие: время в традиционных культурах всегда связывалось с «местом», понятием географического пространства, в котором на первом плане была конкретная деятельность, осуществляемая в границах локуса. Современность повлияла на отделение границ времени от пространства, повлияв на другие пространственные феномены, не связанные территориальным взаимодействием и личным присутствием¹⁹¹.

Размышления Э. Гидденса инициировали в дальнейшем научный дискурс о необходимости анализа социальной жизни в контексте пространственно-временного континуума. Однако, стоит отметить и критические замечания данной концепции, одно из которых принадлежит Д. Грегори¹⁹². Исследователь отмечает, что концептуализация времени-пространства страдает важным недостатком, который заключается в объяснении воспроизводства социальной системы. Фактически, Э. Гидденс уделяет больше внимания времени, чем пространству, что приводит к отсутствию концептуализации пространства. Таким образом, Д. Грегори подчеркивает: «Теория структуризации практически ничего не говорит о производстве пространства»¹⁹³. Следовательно, существует разрыв между анализом времени-пространства и смещением структур и агентности, поскольку Э. Гидденс не говорил о нормативных аспектах пространства и пространственной репрезентации.

Однако, стоит отметить, что существенным отличием позиции Э. Гидденса от структуралистского подхода является его идея о невозможности в рамках структурализма помыслить значение социальных практик. Для структуралистов структура имеет приоритет над действием, в то время как для Гидденса важной задачей социогуманитарного знания является постижение определяемых пространством и временем социальных практик. То есть структура не может

¹⁹¹ Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991.

¹⁹² Gregory D. *Presences and absences: time-space relations and structuration theory* // *Social theories of Modern Societies: Anthony Giddens and his Critics*, D.Held and J.B.Thompson (Eds.), Cambridge University Press, Cambridge, 1989. P. 187.

¹⁹³ Там же.

пониматься как неподвижная система; она изменяется под воздействием индивидуальных систем нормативности, влияя на формирование практик.

Благодаря проанализированным здесь социально-философским исследованиям можно понять, как постепенно расширилось первоначальное значение категории «пространство»: его понимание вышло за рамки физического или географического, позволив анализировать самые различные феномены социальности¹⁹⁴.

Выводы по параграфу 1.1.

Таким образом, в рамках представленного анализа можно сделать вывод, что социальной жизни в целом присуща пространственность. Примеры пространственно-временного исследования, приведенные различными авторами, демонстрируют возможность взглянуть на временную и пространственную организацию повседневных практик.

Социально-философское исследование социального пространства обусловлено гибкостью социальных структур, которые, имея, с одной стороны, институциональную природу, в тоже время отражают вовлеченность различных субъектов взаимодействия, поддерживая устойчивые интеракции групп и индивидов. Данное обстоятельство обосновывает методологическое привлечение категории «социальное пространство» для реализации основной цели исследования, связанной с анализом динамики профессионального пространства.

Важнейшим основанием, позволяющим рассматривать социальное пространство как социально-философскую проблему, является фактор времени или историчности, который учитывается представленными в работе мыслителями. Социальное пространство, рассмотренное в своей историчности, в динамике, санкционирует его философскую рефлексию, обусловленную темпоральностью человеческой деятельности.

В параграфе продемонстрирована преемственность в развитии взглядов на социальное пространство. Несмотря на то, что для первых исследователей в целом

¹⁹⁴ Liu S. Social spaces: from Georg Simmel to Erving Gofman // The Journal of Chinese Sociology. 2024.P.11-13. Doi: 10.1186/s40711-024-00217-9

характерно субстанциальное понимание социального пространства, они продемонстрировали многоаспектность социального бытия через логику социальных отношений индивидов, различных групп и организаций. Структуралистский подход предлагает анализ социального пространства как надиндивидуальной реальности, включающей в себя не только социальные отношения, но и обладающей определенной структурой. Принципиальное отличие анализируемых подходов заключается в понимании базисных пространственных единиц: для субстанциалистского подхода это индивиды, а для структурализма – конструируемые статусные позиции.

Интерпретация этих двух представлений о социальном пространстве дает возможность прийти к выводу, что социальное пространство – это контекст ситуации взаимодействия, причем этот контекст в силу своей природы оказывает влияние на элементы, включенные в ситуацию.

1.2. Профессиональное пространство как поле социального

Профессиональное пространство и его динамические изменения в качестве объекта исследования – достаточно проблематично. Несмотря на довольно устоявшееся употребление термина, развитие философских исследований, посвященных смысловому содержанию, структуре и специфике функционирования профессионального пространства, является важной методологической задачей. Анализ источников последних лет показал, что интересующие нас вопросы решались при помощи таких понятий как «профессиональная реальность»¹⁹⁵, а также «социальное поле профессии»¹⁹⁶, что демонстрирует категориальную неоднозначность в интерпретации термина в социально-гуманитарной мысли. В самом деле, что должно считаться профессиональным пространством: отдельное пространство, существующее наряду с социальным, или же речь идет о профессиональном поле, включенном в социальное пространство?

В современной исследовательской литературе профессиональное пространство является достаточно изучаемым концептом с точки зрения социологии. При этом круг вопросов, решаемых данной наукой довольно широк: динамика и численность профессиональных групп, место и статус профессий в структуре общества, социально-когнитивные и ценностные различия и предпочтения внутри профессиональных групп, профессиональная социализация, традиции и преемственность профессий, профессиональная карьера, профессиональные практики и традиции, профессиональные ассоциации и корпорации, профессиональные роли человека и смена занятости – примерный круг проблем, обобщенный известным отечественным ученым-социологом А. И. Кравченко ¹⁹⁷ . Однако, вопрос о профессиональном пространстве

¹⁹⁵ Зуева Е. Н. Опасные профессии: конструирование профессиональной реальности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 46–48.

¹⁹⁶ Богданова М. В. Социология этоса: социальное поле инженерной профессии в отечественной ситуации начала XXI века (часть первая) // Ведомости прикладной этики. 2014. №45. С.184-200.

¹⁹⁷ Кравченко А. И. Зарубежная социология профессий: основные подходы // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 8. С. 11.

конституируется тем острее, что само по себе понятие профессии требует философского прояснения.

Дж. Миллерсон в своих трудах определяет двадцать три характеристики, которые определяют «идеальный тип» профессии в рамках структуралистского подхода. Основой для этой теории стали работы различных исследователей в данной сфере. Несмотря на обширность и информативность представленных характеристик Дж. Миллерсон не смог дифференцировать профессиональные черты на неотъемлемые, которые являются базовыми, и случайные, которые появляются в определенные исторические эпохи или присущи лишь определенным индивидам данной профессии. Но благодаря характеристикам Дж. Миллерсона современные ученые определяют три основные позиции, определяющие «идеальный тип»: профессиональные знания, полученные в процессе образования и опыт, полученный в рамках трудовой деятельности; профессиональную этику и альтруизм¹⁹⁸.

На наш взгляд, заявленные аспекты позволяет проанализировать методологический подход П. Бурдьё, через призму которого можно рассмотреть профессиональное пространство как одно из социальных полей и изучить его структуру. Концепция П. Бурдьё позволяет нам провести анализ социального пространства с позиции его конструируемости, историчности и динамичности – основных характеристик, которые задают вектор исследования профессионального пространства как одного из социальных полей, образующих сферу социального.

В соответствии с концептуальными положениями П. Бурдьё социальное пространство является для человека не простым типом пространственно-временного континуума, состоящего из безличных или личных пространственных интересов индивида: трактовка социального пространства очень близка понятию «жизненный мир», в котором имеют значение особенности непосредственных социальных взаимосвязей. Жизненное пространство, также как и социальное, определяет для членов социума характер их жизнедеятельности, возможности и

¹⁹⁸ Millerson G. The Qualifying Associations. London: Routledge & Kegan Paul, 1964.

ресурсы, необходимые для решения проблем или преодоления кризисных ситуаций в жизни отдельных социальных групп, сообществ и субъектов.

Социальное пространство – это «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу или между, посередине»¹⁹⁹. По мнению П. Бурдьё, существует «пространство отношений, которое столь же реально, как географическое пространство»²⁰⁰.

Социальное пространство характеризуется динамичностью процессов, комплексным взаимодействием различных феноменов социальности и состояний; то есть оно представляет собой «поток событий», главной особенностью которого становится «образ процессуальности»²⁰¹. Содержательной характеристикой является совокупность множества социальных практик различных групп и индивидов.

Как мы можем заметить, П. Бурдьё в большей степени отдает предпочтение структурному и даже конструктивистскому видению социального пространства. С точки зрения современных исследований структурный подход П. Бурдьё применим ко многим практикам современной социальной жизни, в исследовании самых различных явлений общественного бытия: образование, спорт, наука, классовая структура общества, идеология, социальные конфликты, правовое государство, язык и практики коммуникации, СМИ, взаимодействие личности и общества, культура и т.п. Впрочем, исследовательская практика самого П. Бурдьё также включала в себя многочисленные феномены; как отмечают современные исследователи, в теоретических размышлениях П. Бурдьё «сочетаются подходы и приемы из области антропологии, истории, лингвистики, политических наук,

¹⁹⁹ Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. СПб.: Алетея, 2005. С. 16.

²⁰⁰ Там же. С. 18.

²⁰¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 26.

философии, эстетики», применимые к самым разнообразным социальным объектам²⁰².

Динамика, подвижность и гибкость структур социального пространства позволяет учитывать его «человеческий» фактор существования. Более того, не любое взаимодействие обязательно связано с материалистическим его проявлением. Особенно это касается пространства профессионального, где одно и то же действие может быть расценено в качестве себя самого при различных контекстах окружения. Скажем, парк у школы может как быть вовлечен в социальные отношения учителя и учеников, проводящих занятие на открытом воздухе, а может быть объектом заботы дворника, или же и вовсе всеми забыт пустырь. Значение пространству придают люди, и материальная обстановка – лишь переменная, вмещающая в себя различные смыслы. По этой причине обозначить границы социального пространства достаточно тяжело: оно практически всегда длится там, где индивид осваивает мир и стремится понять его.

Взаимодействие индивидов образует не только множество цепочек различного поведения, закрепленного в социальных ролях. В противном случае обращение к пространственной метафоре не было бы необходимым. Немаловажным являются результирующие эффекты этих цепей поведения. Совокупность самих индивидов, осуществляющих взаимодействие, их поведения и мотивов этого поведения дает нам представление о социальном поле. В этом контексте важное значение имеет использование понятий социального капитала и габитуса в теоретических конструкциях автора. Как подчеркивает П. А. Савченко, различные формы капиталов не существуют у П. Бурдьё сами по себе, они интегрированы в общую теоретическую схему, и связаны с понятиями «габитус» и «социальное поле»²⁰³.

²⁰² Парамонова С. П., Мишарин К. Д., Тимербулатова Е.Ф., Шмыков К.Е. Методология анализа личности и общества в работах П. Бурдьё // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2020. №. 2. С. 13.

²⁰³ Савченко П. А. Понятие социального капитала у П. Бурдьё: трудности в интерпретации // Социология и право. 2020. № 2(48). С. 63.

Понятие капитала, используемое П. Бурдьё в «расширенном» варианте, зачастую подвергается критике со стороны некоторых исследователей. Так, Р. Коннел полагает, что П. Бурдьё использует фактически понятие «рынка», перенося свои аргументы на другие сферы²⁰⁴. То есть несмотря на практическую направленность работ французского мыслителя и использование подобно К. Марксу понятия капитал, появление новых форм капитала остается не прояснённым. Если сравнивать капитал К. Маркса и П. Бурдьё, то последний не представляет отчетливую теорию формирования капитала и его законов, а использует экономические понятия, скорее, в метафизическом смысле: «Капитал является базовым принципом объяснения в произведениях Пьера Бурдьё, но при этом капитал сам адекватно не объяснен»²⁰⁵. Однако, при этом М. Десан подчеркивает, что концепция капитала П. Бурдьё не так однозначна, несмотря на ее отсылки к марксистскому пониманию: «если различные формы капитала являются лишь расширенными формами экономического капитала, то само понятие экономического капитала, которое они расширяют, не является марксистским»²⁰⁶. Ф. Лебарон отмечает, что схожесть с экономическими теориями на самом деле объясняет только то, что французский мыслитель использует экономические понятия как средство для формирования социальной объяснительной модели более сложных культурных систем²⁰⁷. В подтверждение этой мысли К. Калхун подчеркивает, что в социальной концепции П. Бурдьё отсутствуют идеи капитализма и представления об экономике труда и производства; при этом указывается на достаточно абстрактное формирование новых форм капитала²⁰⁸.

²⁰⁴ Коннел Р. «Северная теория»: политическая география общей социальной теории // Теория и общество. 2000. Т.35. № 2. С. 291-296.

²⁰⁵ Desan M.H. Bourdieu, Marx, and Capital: A Critique of the Extension Model // Sociological Theory 2014. № 31(4). Pp. 318-342. DOI:10.1177/0735275113513265.

²⁰⁶ Там же. Р. 318.

²⁰⁷ Лебарон Ф. «Против, напротив...»: экономические модели и экономизм/ Пер. с фр. О.Кирчик // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 5. С. 170-181.

²⁰⁸ Калхун К. Габитус, поле и капитал: вопрос исторической спецификации // Бурдьё: критический анализ: Чикаго: Издательство университета Чикаго, 1993. С. 61-89.

Возвращаясь к понятию социального поля по П. Бурдье, отметим, что для французского мыслителя – «это специфическая система объективных связей между различными позициями, находящимися в альянсе или конфликте, в конкуренции или кооперации, определяемыми социально и в большей степени не зависящими от физического существования индивидов, которые эти позиции занимают»²⁰⁹. Социальное поле отличается своей структурой, которую составляют баланс сил агентов и институций, которые являются участниками борьбы. Ее результатами становятся стратегии, которые отражают распределение капитала, сформировавшегося на предыдущих этапах борьбы. П. Бурдье дифференцирует теорию систем и полей; в основе – идея о том, что, не всегда являясь продуктами системы, продукты могут быть систематическими. Социальное поле имеет свою структуру, которая определяется как состояние соотношения сил между агентами или институциями, вовлеченными в борьбу, где распределение специфического капитала, накопленного в течение предшествующей борьбы, управляет будущими стратегиями.

Социальный капитал и габитус в концепции П. Бурдье являются маркерами структурирования, по которым можно определить к какому социальному слою относится тот или иной агент. «Объем и структура капитала является признаком класса (социальной группы) и определяют его позиции в социальной структуре»²¹⁰. М. С. Козырев отмечает, что отдельные индивиды, имея схожие вкусы и габитусы, обладают идентичными структурой и объемом капиталов и «их индивидуальные социальные траектории будут частными случаями траектории групповой»²¹¹. Таким образом, описывая социальную структуру общества, П. Бурдье, согласно мнению современных исследователей, пытается решить одну из научных проблем

²⁰⁹ Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 61.

²¹⁰ Козырев М. С. Исследование влияния социальной структуры на идеологию в работах Пьера Бурдье // Социодинамика. 2022. № 2. С. 46.

²¹¹ Там же.

общественных теорий – проблему единства социальной структуры и социального действия²¹².

Поле постоянно трансформируется и причиной этого процесса является противопоставление и конкуренция, а не саморазвитие. Пространственные структуры полей, постулируемые П. Бурдьё, позволяют современным авторам утверждать, что структурированное социальное пространство – это «метафизическая сущность, которая не может быть полностью подтверждена наукой... Идея социального пространства утверждает примат топологической структуры над социальными позициями, которые не существуют до или отдельно от существования структуры»²¹³.

«Социальное поле – это ситуация взаимодействия, порождающая новое надындивидуальное качество»²¹⁴. Социальная динамика четко отслеживается в рамках социального поля, что в рамках нашего исследования позволяет говорить о применимости данной категории к изучению профессионального пространства. Профессиональное пространство, будучи полем социального пространства, также может быть интерпретировано с позиции триединства описываемой П. Бурдьё реальности социального, символического и физического пространств²¹⁵.

Социальное поле оказывает непосредственное влияние на людей, принадлежащих к нему, результатом этого может быть или адаптация человека к требованиям, или конфликт. Это качественная реальность, которая становится результатом взаимоотношений. Именно так его определяет П. Бурдьё, в трудах которого отмечаются поля экономики, науки, политики и т. д.

Социальные поля генерируются в рамках социального пространства, частью которого они являются. Социальные взаимоотношения и взаимодействия являются источником формирования социальных полей. Учитывая это, стоит сделать вывод,

²¹² Батуренко С. А. Социальная стратификация в социологической теории П. Бурдьё // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 2(27). С. 28.

²¹³ Katchanov Yu., Shmatko N. The idea of social space by Pierre Bourdieu // Russian Sociological Review. 2024. № 4 (23). P. 220.

²¹⁴ Лашук И. В. Теоретико-методологические и операциональные основания социокультурного анализа современного общества // Россия реформирующаяся. 2018. № 16. С. 104-119.

²¹⁵ Wacquant L. Bourdieu in the City: Challenging Urban Teory, Cambridge: Polity Press. 2023. 288 p.

что любые социальные феномены являются, динамичными взаимоотношениями, а не стабильными субстанциями.

Одним из основных индикаторов социального пространства является его неоднородная плотность, которая формируется в результате динамично изменяющейся конфигурации социальных процессов. При этом еще одной отличительной чертой социального пространства является наличие социальных полей, как его элементов, которые становятся своего рода опорными точками, где переплетаются социальные процессы.

Концепт социального поля хотя и содержит в себе указание на социальную структуру, но в то же время обозначает довлеющую роль ценностей в выборе социального поведения индивидом. Само по себе поле представляет участки напряжения, возникающие в местах концентрации потоков взаимодействий и перерастающие в качественно иные объективные формы существования, не характерные для деятельности индивидов по отдельности (мораль, право). Социальное поле – это системное качество²¹⁶. Тогда возможные изменения социального пространства будут обусловлены изменением полей, а именно: ускорением или замедлением динамики протекания общественных процессов, изменением функции или положения элементов социальных структур, смещением, форм социального контракта и т.д.²¹⁷.

«Социальное поле» призвано выразить неравномерную насыщенность социального пространства, которая возникает как результат функционирования общества. Социальное поле – это поле конкурентной борьбы между индивидами за обладание символическим капиталом - экономическим или культурным благом, когда-то становится известным и признанным, когда его узнают по соответствующим категориям восприятия²¹⁸. С точки зрения субъекта социальное поле выражено в конкретных институтах, соответствующим им социальным ролям

²¹⁶ Писачкин В. А. Теория жизненного пространства в социологии // Регионоведение. 2016. №1 (94). С.89-100.

²¹⁷ Бакланова О. А., Бакланов И. С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма // Вопросы социальной теории. 2015. Т. VII. № 1-2. 12. С. 170.

²¹⁸ Бурдые П. Социальные пространства: поля и практики. - СПб.: Алетейя. 2017. С. 841.

и ценностям. Социальное пространство выстроено из многих полей, которые между собой находятся в обоюдном напряжении. Таким образом, социальное пространство выстраивается из социальных практик, социальных отношений, субъекта и социальных позиций.

В рамках концепции поля заложено предположение о том, что в основе поведения индивида лежат определенные факторы, результатом влияния которых поведение и является. Традиционное понимание этих факторов сводится к тому, чтобы учесть влияние их всех на поведение индивида. Концепция поля настаивает на том, что взаимосвязь этих факторов порождает эмерджентное качество, которое несводимо к их простой совокупности.

Методологический подход П. Бурдьё на наш взгляд, является синтетическим по отношению к проанализированным ранее субстанциальному и структуралистскому подходам, а также — актуальным для анализа профессионального пространства как поля социального, то есть понимаемого с точки зрения социальных взаимодействий, отражающих динамику социального пространства по производству социального в различных сферах деятельности.

Анализируя сферу профессионального, П. Бурдьё настаивает на необходимости использовать понятие «сфера деятельности» в качестве замены понятия «профессия», что отсылает нас к ранее упомянутым социальным полям. Исследователь считает, что разделение на профессии носит чисто бюрократический характер, который поддерживается общественным пониманием, иначе говоря, сконструировано им ²¹⁹.

П. Бурдьё полагает, что использование понятия «профессия» связано с погружением в специфический идеологический контекст, который не дает возможности осуществить подлинную критику в отношении объекта исследования. Это особенно актуально из-за нейтрализующего и, более того, натурализующего воздействия, которое оказывает концепция профессии ²²⁰. Термин «профессия», по мысли П. Бурдьё, создает иллюзию самодостаточности

²¹⁹ Bourdieu P., Wacquant L. An invitation to reflexive sociology. Cambridge: Polity, 1992. P. 241.

²²⁰ Там же. P. 242.

той или иной профессии вместо того, чтобы продемонстрировать структурные составляющие деятельности. Интересно, что требование радикальной объективности П. Бурдьё само будет поставлено под вопрос в его анализе функционирования профессий, о чем будет упомянуто позднее.

Здесь следует подчеркнуть исследовательские мотивы П. Бурдьё, которые направлены на утверждение идеи конструируемости и гибкости того, что в среднем понимается под профессией. Понимание профессии исследователем таково, что оно приближается к пространственной метафоре, употребляемой в данном исследовании. Как это будет видно далее, профессия – сама по себе не набор качеств и навыков, а многочисленные поля-совокупности габитусов и символического капитала. П. Бурдьё приходит к выводу: «Профессия» представляет собой понятие обыденного языка, некритично заимствованное научным дискурсом и которое влечет за собой социально нагруженные коннотации. В данном случае, его можно воспринимать как социальный конструкт, возникший в результате исторической деятельности по конструированию и репрезентации группы²²¹.

П. Бурдьё предлагает проводить анализ не через призму понятий профессии, профессионализма и профессионализации, но посредством анализа автономных исторически сложившихся социальных сфер. Он понимает поле как систему позиций. В то время как габитус рассматривается мыслителем как объект приобретенной системой диспозиций²²², поле – это социальное пространство соответствующих позиций, сеть отношений между данными позициями²²³. На карту в той или иной области поставлены различные формы капитала. П. Бурдьё проводит четкую границу между экономическим, социальным и культурным капиталом²²⁴. Символический капитал, по его мнению, представляет собой любую

²²¹ Там же. Р. 243.

²²² Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

²²³ Bourdieu P., Wacquant L. An invitation to reflexive sociology. Cambridge: Polity, 1992. P. 97.

²²⁴ См.: П. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения / Пер. с фр. О.И. Кирчик // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; Пер. М.С. Добряковой и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

из трех форм капитала, не получившую пока признания²²⁵. Символический капитал может выступать в качестве культурного капитала, тогда он признается как статусный знак, что нельзя сказать о других социальных сферах. Таким образом, это форма капитала, которая в некотором смысле «пресуществлена» и признана легитимным признаком статуса.

Основу социальной сферы П. Бурдьё называет доксой. Докса предписывает предпосылки поля²²⁶: именно его докса должным образом определяет поле. Любая область влечет за собой переживаемый опыт, который является «квазителесным». Это возможно потому, что габитус – это «приобретенная система порождающих схем делает возможным свободное продуцирование любых мыслей, восприятий и действий, вписанных в границы, свойственные особенным условиям производства данного габитуса, и только им»²²⁷. Чем лучше приспособлен габитус человека к сфере, в которой он занимает определенную должность, тем лучше у него «чувство игры» и, следовательно, способность приобретать символический капитал и доминирующее положение в этой конкретной области.

Поля – это всегда социальные пространства борьбы за формы капитала, которые считаются законными, или, другими словами, за символический капитал как специфичную для конкретной отрасли форму статуса. Такие формы капитала, в конечном счете, основаны на свойствах, лишенных внутренней социальной ценности. Они обретают свой смысл через игру различий в отношениях; социальное пространство – это, в конечном счете, пространство различий²²⁸.

Профессии связаны с идеей профессии. Профессионал – это тот, кто заявляет о выполнении определенной моральной задачи. Методологическая подоплека работ П. Бурдьё помогает объяснить его критику концепции профессии. Эта концепция является частью борьбы за символический капитал. Неоднократные

²²⁵ Bourdieu P. The Field of Cultural Production, or: The Economic World Reversed // Bourdieu P. The Field of Cultural Production. Essays on Art and Literature /translated by R. Nice. Cambridge: Polity Press. 1993. P. 29-73.

²²⁶ П. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения / Пер. с фр. О.И. Кирчик // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; Пер. М.С. Добряковой и др. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 66.

²²⁷ Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 45.

²²⁸ Там же. С. 48.

призывы П. Бурдьё обратиться к «рефлексивной социологии» подразумевают, что мыслитель признает относительный характер социальной жизни. Такой исследователь никогда не сможет использовать концепции, распространенные в социальной жизни, потому что эти концепции являются следствием социального процесса посвящения. Они возможны только на основе различных «институциональных ритуалов». Это относится и к понятию профессии, которое не надо брать за основу.

Социальная наука, как утверждает П. Бурдьё, выступает в качестве «социальной конструкции»²²⁹. Рефлексивность означает получение возможности проверять те факторы, которые искажают результаты исследований. Основная критика П. Бурдьё понятия профессии сводится к идее, что ее использование предполагает некритическое принятие концепции, несущей особую выгоду и символическую ценность, присущую определенному социальному пространству.

Доступные критические интерпретации профессионализма предлагают несколько аргументов в пользу концептуализации данного понятия как символического капитала. Профессионализм можно рассматривать как социальную конструкцию, которая приобретает новые формы в меняющейся экономике и трудовых организациях, а также в связи с изменением «рабочих мест» и моделей карьеры²³⁰, транснациональных профессиональных связей и сетей.

В. Пауэлл и П. Ди Маджио рассматривают распространение профессионализма как «институциональный изоморфизм», то есть как подражание другим и движение к сходным практикам и структурам с целью поиска легитимности и толкования форм «коллективной рациональности»²³¹. Д. Ходжсон рассматривает профессионализм как «дискурсивный ресурс», который используется для того, чтобы управлять процессом удовлетворения секторальных интересов. Автор анализирует профессионализм как средство «показать

²²⁹ Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдьё // Социология социального пространства / П. Бурдьё. - СПб., Алетейя, 2007. - С. 65.

²³⁰ Leicht K., Fennell M. The Changing Organizational Context of Professional Work // Annual Review of Sociology. 1997. Vol. 23. Pp. 215-231

²³¹ Hodgson D. Disciplining the Professional: The Case of Project Management // Journal of Management Studies. 2002. Vol. 39. № 6. Pp. 803-821.

профессиональную эффективность», чтобы дисциплинировать неоднозначную работу²³².

В. Фурнье также объясняет «апелляцию к профессионализму», исследуя дискурсивные ресурсы данного концепта в новых профессиональных областях, которые «потенциально действуют как дисциплинарный механизм, служащий для признания соответствующей трудовой идентичности и поведения»²³³.

Упомянутые мыслители предлагают интересные способы определения профессионализма в свете невозможности дать ему четкую дефиницию. Возможно, следует отнести к профессионализму как к динамичному явлению, а не как к статичному понятию с фиксированными и универсальными чертами. Хотя оно неизбежно будет связано со знаниями, опытом, автономией, статусом, стандартами и кодексами, которые будут служить особым организационным, социальным и идеологическим целям, изменяющиеся общества будут осуществлять непрерывное производство профессионализма, столкнувшись с процессами, в ходе которых переосмысливается идея профессионализма. В этих процессах понятие профессионализма становится эксплицитным дискурсивным ресурсом, используются символы, чтобы узаконить неоднозначную деятельность, и вводятся стандарты, координирующие деятельность работников.

Понятие поля, предложенное П. Бурдье, придает анализу важнейшее историческое измерение. Вместо того чтобы рассматривать поле как статичную данность, как структуру, например, в структурализме, П. Бурдье фокусируется на историческом генезисе и автономизации социальных полей. Мыслитель описывает поле как содержащую множество аспектов, поддающихся изучению в свете процессов профессионализации: поле может быть определено как сеть или конфигурация объективных отношений между позициями. Эти позиции объективно определены в их существовании и в определениях, которые они налагают на свои элементы, агентов или институты, в силу их нынешнего и

²³² Hodgson D. Putting on a Professional Performance: Performativity, Subversion and Project Management // Organization. 2005. Vol.12. № 1. Pp. 51–68.

²³³ Fournier V. 'The Appeal to "Professionalism" as a Disciplinary Mechanism // Social Review. 1999. 47(2). Pp. 280–307.

потенциального положения (*situs*) в структуре распределения видов власти (или капитала), обладание которыми обеспечивает доступ к конкретным прибылям, имеющимся в данной области, а также в силу их объективного соотношения к другим позициям (доминирование, подчинение, гомология и т.д.)²³⁴.

Более того, для П. Бурдьё исторический генезис современного социального поля лежит в борьбе, которая имеет решающее значение. Он говорит: «Эффект поля проявляется в том, что мы не можем понять произведение (и его значение, т. е. веру, которой его наделяют) без знания истории поля, где оно произведено»²³⁵.

Таким образом, подход П. Бурдьё способен дополнить существующую традицию исследования профессий следующими аспектами:

- акцент на историческом происхождении автономных полей;
- акцент на символическом капитале как основе профессиональной сферы;
- признание динамичного характера и уязвимости профессиональных сфер;
- важность координации габитуса / поля и связанных с этим форм доминирования, подчинения и логики иерархизации;
- признание дефицита символического капитала в профессиональных областях.

Поэтому можно рассматривать «профессионализм» как форму символического капитала, характерную для исторически сконструированного поля власти. Это может быть связано с имеющимися критическими оценками профессионализма, но это также многое добавляет к его пониманию.

Профессионализм как символический капитал позволяет обеспечить автономию по отношению к другим социальным сферам. Именно успешная претензия на профессионализм обеспечивает социальную автономию отрасли. Таким образом, это понятие может помочь объяснить, как и почему социальные поля способны, как утверждает П. Бурдьё, автономизироваться. Но с точки зрения П. Бурдьё, вопрос должен заключаться в следующем: о какой области здесь идет речь? Первый ответ касается «внутренней» роли профессионализма и внутренней

²³⁴ Bourdieu P., Wacquant, L. An invitation to reflexive sociology. Cambridge: Polity, 1992. P. 92.

²³⁵ Бурдьё П. Некоторые свойства полей // Новое литературное обозрение. №45. 2000. С. 22-87.

борьбы за доминирующие позиции в конкретных профессиональных областях. Но наряду с такой «внутренней» борьбой существует «внешняя» борьба между профессиями и профессионализирующими занятиями, а также между профессиями и областями, в которых действуют депрофессионализирующие силы. Итак, второй ответ заключается в том, что П. Бурдьё в более общем смысле называет «полем силы». Рядом с социальным пространством классов и различными «актуальными» социальными областями, такими как наука, политика, экономика и другие П. Бурдьё обсуждает то, что он называет «полем власти» (*le du pouvoir*)²³⁶, которое, как он предупреждает, не следует ошибочно принимать за сферу политики. То, что П. Бурдьё намеревается охватить этим понятием, не сводимо ни к социальному пространству классов, ни к какому-либо из автономных социальных полей, напоминающих то, что М. Вебер называл «сферами ценностей», а Н. Луман – «функциональными подсистемами».

Поле власти включает в себя, как утверждает Л. Вакан, «цепочку взаимозависимостей, которые сшивают [множество полей] воедино»²³⁷. В одной из современных работ Л. Вакан подчеркивает данную мысль, раскрывая значение теории поля П. Бурдьё: в интерпретации Бурдьё реальность описывается с помощью «триалектики» символического, социального и физического пространств»²³⁸.

Можно отметить, что феноменологическое воплощение иллюзии является «предварительным условием успешного выхода на поле»²³⁹. Профессиональный габитус, таким образом, состоит из предрасположенностей, которые одновременно воспроизводят границы профессии и манипулируют ими как внутри специфической профессиональной сферы, так и в рамках более широкого поля власти, в котором находится такая профессиональная сфера. Кроме того, профессионализм – это дефицитный ресурс. Чтобы профессионализм

²³⁶ Там же.

²³⁷ Wacquant L. Foreword // Bourdieu P. *The State Nobility. The Schools in the Field of Power*, Oxford, 1996. P. 9.

²³⁸ Wacquant L. *Bourdieu in the City: Challenging Urban Teory*, Cambridge: Polity Press. 2023. 288 p.

²³⁹ Bourdieu P. *The State Nobility. The Schools in the Field of Power*. Oxford, 1996. P. 170.

функционировал как символический капитал, доступ к нему должен быть ограничен на основе представления профессиональных областей, не имеющих символического статуса «профессия». Само это представление основано на общем признании легитимности профессионализма как символического капитала. В этом смысле реализация социологического видения «профессионализации каждого», подвергнутого критике Г. Виленски, означала бы конец символической ценности профессионализма²⁴⁰.

Конкурируя за символический статус с другими профессиями, профессия структурируется как одно подполе сферы власти, способное претендовать на такой статус в форме профессионального капитала, признанного таковым другими в сфере власти, включая профессии, безуспешно претендующие на такое признание. Вот почему традиционные профессии по-прежнему наиболее заметны. В то же время они занимают позиции в тех областях общества, которые приобрели заметное значение во время растущей профессиональной дифференциации XIX в., что, например, для Э. Дюркгейма представляло собой «разделение труда».

В ходе такого анализа П. Бурдьё, можно отметить, что специфическое для конкретной области содержание «профессионализма» или само упоминание идеи конкретной «профессии» постоянно находится под угрозой в рамках конкретной профессиональной области. Но идея о «профессиях» обозначает не только область саму по себе, но и в то же время различие в рамках более широкой системы взаимоотношений должностей. Концепция поля власти, предложенная П. Бурдьё, позволяет нам рассматривать профессии как области должностей, вложенных в общее поле власти.

Таким образом, профессиональные сферы могут конкурировать с непрофессиональными, и такие конфликты могут быть вызваны тем фактом, что то, что является символическим капиталом для одной сферы, является просто другой формой культурного, социального или экономического капитала для

²⁴⁰ Wilensky H. L. The Professionalization of Everyone? // American Journal of Sociology. 1964. Vol. 70. № 2. Pp. 137–158.

другой²⁴¹. Профессия формирует успех в приобретении профессионального капитала — это результат исторического процесса, который можно проанализировать по аналогии с М. Ларсон и сосредоточиться как на генезисе поля позиций, так и на формировании систем диспозиций (габитуса)²⁴².

Что касается доступных конструктивистских подходов, следует подчеркнуть, что подход П. Бурдьё подчеркивает различие «дискурсивных ресурсов» в сторону воплощенного практического смысла²⁴³. На карту поставлена способность придавать символический вес определенным образовательным ресурсам, кодексам поведения и институциональным гарантиям профессиональной исключительности, то есть способности что-то менять.

Как отмечает Э. Эбботт, многие профессии требуют лицензирования или этических кодексов²⁴⁴, но это не значит, что такие занятия являются профессиями. Хотя Э. Эбботт утверждает, что именно «система знаний, управляемая абстракциями», обеспечивает использование концепции, мы бы сказали, что это делает только успешная борьба за доминирование в сфере власти вместе с успешными претензиями на профессиональный капитал. Во многих случаях это связано с трансформацией культурного капитала (например, систем знаний управляемых абстракциями) в символический капитал на основе соответствующих воплощенных диспозиций, порождающих действия и интерпретации, которые несут на себе отпечаток «профессионализма».

Одним из примеров является медицинская профессия, которая смогла обрести автономию на основе научного метода, отличавшего ее от более ранних медицинских знаний. Она смогла установить требования для поступления через систему образования, которые передавали культурный капитал профессий, медицинский опыт; и это способствовало производству такого культурного

²⁴¹ Бурдьё П. Власть права: Основы социологии юридического поля. — Перевод с французского: О. И. Кирчик. — Социальное пространство: поля и практики. Сборник статей. — М., 2005. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 19.09.2009. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3040>.

²⁴² Larson M. S. The Rise of Professionalism: A Sociological Analysis. London: University of California Press. 1997.

²⁴³ Бурдьё П. Логика практики // Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 79-81.

²⁴⁴ Abbott A. The System of Professions. An Essay on the Division of Expert Labor. Chicago: The University of Chicago Press. 1988. P. 9.

капитала как символический капитал. Данный факт привел к появлению профессионалов, обладающих медицинскими привычками, способных распознавать ситуации, имеющие отношение к их профессии, и действовать «естественно», но в то же время основываясь на профессиональных установках, приобретенных в ходе обучения. П. Бурдьё здесь имеет в виду сферу культурного производства.

Это в то же время предполагает различие и, следовательно, дистанцирование из тех, кто обладает профессиональными привычками, и из тех, кто ими не обладает²⁴⁵. Отношения с последними характеризуются дистанцией на основе социально сконструированного различия, которое считается законным теми, кто не пользуется особым профессиональным признанием. И это может быть закодировано или как отношения между профессионалом и клиентом, между профессионалом и полупрофессионалом, между профессионалом и бюрократом, или как отношения между профессионалом и менеджером. Эта борьба заключается в борьбе за капитал – как с точки зрения присвоения, так и с точки зрения эксплуатации. Она разыгрывается для того, чтобы создать новые области, которые ранее не считались «профессиональными», и это «расширение» профессионализма негативно сказывается на дефиците профессионального капитала и поднимает фундаментальные вопросы, касающиеся будущего профессиональной деятельности. Профессиональный капитал, как и любая другая форма символического капитала, неизбежно является дефицитным ресурсом. Если бы не этот дефицит профессионального капитала, было бы невозможно претендовать на профессиональный статус и тем самым действительно получить статус. Профессиональная автономия в некотором смысле заключается в регулировании такого дефицита.

Концептуализация профессионализма как символического капитала означает, что профессии – это профессиональные сети, вложенные в то, что П. Бурдьё называет полем власти. Таким образом, «профессионализация» – это

²⁴⁵ Johnson T. J. Professions and Power. London: Macmillan, 1972. P. 42.

процесс борьбы за достижение профессионализма как символического капитала. Такая борьба всегда является также борьбой за законные определения профессионализма.

Обратимся к некоторым наиболее общим аспектам, в которых проявляется такая борьба, затрагивающая классические профессии, а также современные и новые профессии. Прежде всего, изменения в характере работы, такие как автоматизация, внедрение «научно обоснованных» процедур, равносильны депрофессионализации классических профессий. Во-вторых, изменения в характере фирм, такие как повышение внутренней конкурентоспособности, подотчетности и контроля рисков, а также показателей эффективности, равносильны акционированию профессиональных работ. В-третьих, изменения в организационных механизмах, таких как неолиберальные 90-е гг. формы управления сводятся к управленческому контролю за профессиональным поведением. Эти процессы действуют как давление на реструктуризацию в сфере власти, в которой сосредоточены профессии. Выше отмечалось, они, как правило, влияют на наличие и доступность профессионального капитала и, как правило, снижают его стоимость.

Вместо того чтобы рассматривать профессионализм как вопрос классовой социальной группировки, такие авторы, как С. Бринт, подчеркивают ограниченный по времени характер профессиональной работы²⁴⁶. Если раньше профессионализм сводился к тому, что он называет профессионализмом «социального попечителя» — профессионалов как эзотерических работников, воплощающих профессиональные и общественные призвания, — то теперь он превратился в то, что он считает профессионализмом эксперта. Другие подчеркивают рост числа критически настроенных клиентов или откровенных потребителей, обращая внимание на то, что эти факторы подрывают автономию и авторитет профессионалов. Профессионалам придется открыться и отчитываться за свои действия, прежде всего, в рамках своей собственной организационной иерархии.

²⁴⁶ Brint S. In an Age of Experts: The Changing Role of Professionals in Politics and Public Life. Princeton NJ: Princeton University Press, 1994.

Как профессионализм экспертов, так и рост потребительства приводят к депрофессионализации²⁴⁷.

Кроме того, классические профессионалы, такие как врачи и юристы, стали частью корпоративных структур, которые были созданы для того, чтобы справляться с давлением глобальной конкуренции. Больницы стали более конкурентоспособными учреждениями, а конкуренция на мировых рынках, как правило, усиливает давление на существующие профессиональные области, в то время как эти области часто остаются сильно структурированными на национальной основе, например, когда речь идет о системах экспертизы. Профессионалы стали частью «реструктурированных профессиональных организаций», «фирм, оказывающих профессиональные услуги» или «управляемых профессиональных предприятий»²⁴⁸. Другими словами, профессионализм больше не рассматривается как надежное убежище, относительно незатронутое рыночной логикой, достоинствами и производительностью. Вместо этого баланс сместился в сторону ситуации, в которой профессиональные сферы чаще всего подвергаются контролю извне.

Итак, можно сказать, характерными чертами профессионального пространства, как и социального, являются его открытость и динамичность, способность к самоорганизации и саморазвитию, что означает у него отсутствие границ и пределов. Каждый момент профессионального пространства, каждый его элемент бесконечно развивается и способен к более высокому уровню организации.

В современной структуре профессионального пространства профессии развиваются параллельно и оказывают влияние друг на друга в этом процессе. Взаимозависимость профессий и их подверженность влиянию современных тенденций формируют еще более динамичную структуру профессионального пространства. Если профессионализм рассматривать как форму символического

²⁴⁷ Freidson E. The Changing Nature of Professional Control // Annual Review of Sociology. 1984. Vol. 10. Pp. 1–20.

²⁴⁸ Powell M. J., Brock D. Hinings C.R.. The Changing Professional Organization // Restructuring the Professional Organization, D.M. Brock, M.J. Powell and C.R. Hinings. New York: Routledge, 2002.

капитала, то важный смысл приобретает его содержание. Таким образом, появляется возможность проанализировать его с точки зрения роли в контекстах, определяемых властью. Профессиональные сферы встроены в объективные отношения с другими сферами в общем поле власти. В каждой профессиональной сфере законная суть того, что значит действовать «профессионально», постоянно находится под угрозой. И в различных профессиональных областях, в рамках того, что П. Бурдьё описывает как более широкое поле власти, сама идея или «формальное содержание» «профессионализма» является предметом борьбы и повторных переговоров.

Исследования П. Бурдьё указывают на одну важную деталь. Если профессия – это не законченный набор характеристик, а, прежде всего, многообразная структура отношений между людьми, то возникает закономерный вопрос о месте профессионального пространства. Конечным звеном профессионального пространства является агент – носитель мотивов, исполнитель габитуса, адресант символического капитала. Профессиональная деятельность для него – лишь один из аспектов жизненного мира, т.е. совокупности социальных полей, число которых потенциально ничем не ограничено. Носители профессиональных специфических знаний в области конкретной профессии – это профессионалы, опыт которых может быть доступен в результате вторичной социализации. То есть конструирование профессионального пространства или реальности, по сути, связано с процессом вторичной социализации. Следовательно, напряжение различных полей происходит не только и не столько где-то в социальной реальности, сколько в системе жизненного мира конкретного агента.

Таким образом, анализ концепции П. Бурдьё позволяет сделать вывод о свойствах профессионального пространства:

- 1) Открытость для взаимодействия с другими полями социального пространства;
- 2) Самоорганизация и саморазвитие;
- 3) Параллельное развитие профессий, взаимовлияние их друг на друга;
- 4) Конструируемость профессий (как результат вторичной социализации);

5) Историчность.

Структура социального пространства, включающая в себя социальные практики, социальные отношения, субъекта и социально-статусные позиции, может быть проинтерпретирована с точки зрения концептуальной методологии П. Бурдьё и применена по отношению к профессиональному пространству, которое представлено им как одно из полей социального пространства (Рис. 1).

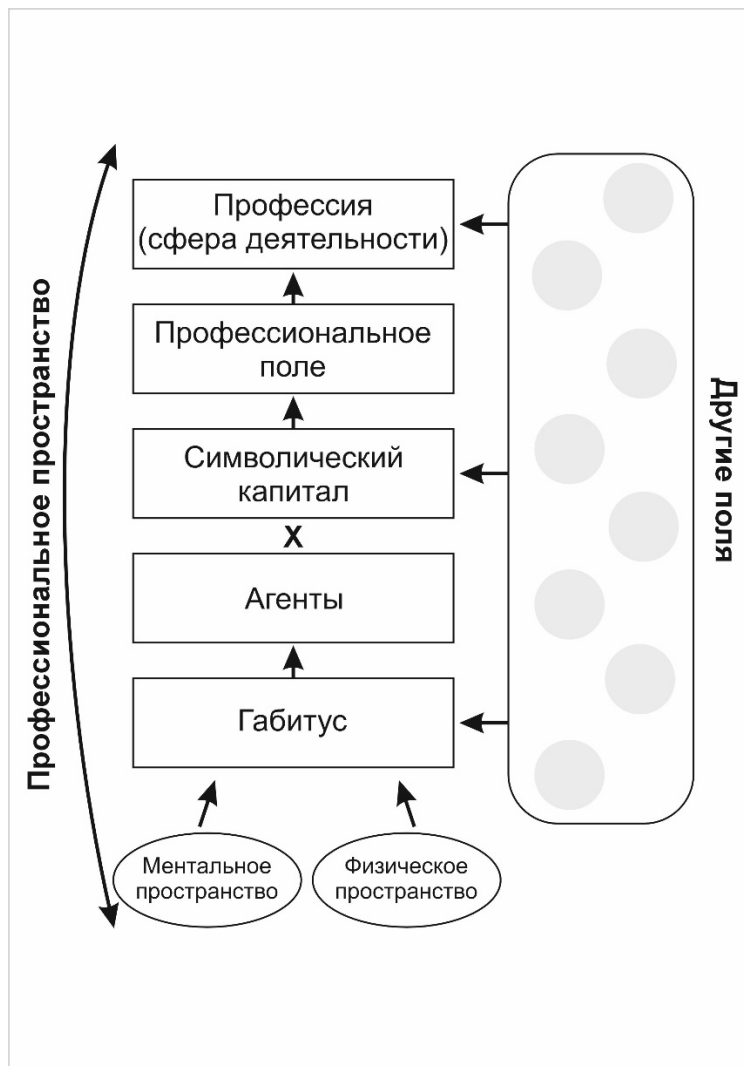

Рисунок 1. Структура профессионального пространства в методологической интерпретации концепции П. Бурдьё.

Профессиональное пространство представляет собой совокупность нескольких действующих величин. Габитусы, образованные взаимодействием физического и ментального пространства через агентов, осуществляющих системы практик на основе символического капитала (который, в свою очередь может быть

сформирован на основе любой из трех форм капитала: экономического, социального, культурного) приводят к конструированию профессионального поля. Все эти факторы дают представление о характере социальных практик агента, которые могут быть представлены как профессии (или сферы деятельности, в терминологии П. Бурдьё). При этом профессиональное поле, как довольно динамическое явление, испытывает влияние остальных полей, и также изменяется исторически. Символический капитал может быть интерпретирован здесь как профессионализм, структура которого, безусловно, включает в себя знания, опыт, автономию, статусы, этические стандарты (в виде формализованных и неформализованных норм). Однако, применение методологии П. Бурдьё позволяет объяснить профессионализм как динамическое явление под влиянием изменяющегося общества; и в таком случае профессионализм может пониматься как дискурсивный социальный ресурс.

Выводы по параграфу 1.2.

Можно утверждать наличие определенного методологического ресурса, содержащегося в концепции П. Бурдьё, необходимого для рассмотрения динамики профессионального пространства в изменяющемся информационном обществе. Бурдьезианский подход, предлагая взгляд на профессию как на сконструированное социальными группами единство габитусов, управляемых единым набором ценностей и определяющих символический капитал, позволяет проанализировать профессиональное пространство в наиболее общем виде как одно из полей социальных взаимодействий, направленных на производство социального.

Методологический подход П.Бурдьё дает возможность акцентировать внимание на идее принципиальной конструируемости профессионального поля под влиянием общественных модификаций и сделать вывод о свойствах профессионального пространства: открытость, самоорганизация и саморазвитие, историчность, конструируемость профессий и их взаимовлияние. То есть концепция П. Бурдьё позволила проанализировать социальное пространство с позиции его конструируемости, историчности и динамичности — основных характеристик, которые задают вектор исследования динамики профессионального

пространства как одного из социальных полей, образующих сферу социального. Профессиональное пространство понимается как исторически изменяющийся конструкт и поле социальных взаимодействий по производству социального в различных сферах деятельности, отражающих динамику социального пространства.

В методологической интерпретации П.Бурдьё формирование профессионального поля происходит посредством габитусов через взаимодействие физического и ментального пространств, осуществляемое с помощью символического капитала. При этом символический капитал интерпретируется как профессионализм, включающий знания, опыт, статусы, этические стандарты

Профессиональное пространство как поле социального пространства также обладает следующими структурными элементами: субъект, взаимоотношения субъектов, физические, обладающие значениями объекты, ценности. То есть в наиболее общем виде профессиональное пространство является не только динамически изменяющимся полем, но и обладает потенциалом влиять на конструирование социального.

1.3. Динамика профессионального пространства: условия трансформируемости в информационном обществе

В последнее время происходят радикальные изменения в сфере функционирования социальных институтов и профессиональных групп: изменения в традиционных структурах общества (социального пространства) влекут за собой и изменения в профессиональном пространстве. Если трудовая деятельность человека индустриальной эпохи описывалась с позиции долга, то информационные процессы диктуют формирование как новых ценностей, новых смыслов, так и создание совершенно иного образа профессионала, а в терминологии П. Бурдьё – создание принципиально других габитусов, для которых применимы совершенно иные формы накопления символического капитала. Подобные социальные процессы в социальной философии следует интерпретировать как социальную трансформацию, которая является наиболее важным проявлением социальной динамики.

В социальной философии и философии истории социальная динамика сформировалась как концепция, в рамках которой анализируются законы, механизмы и направленность изменения и развития общества во времени. Понятие «социальной динамики» появилось благодаря французскому философу-позитивисту О. Конту, который противопоставлял его социальной статике. По О. Конту, социальная динамика (в отличие от статики) изучает «физиологию» общества – его движение, последовательные фазы развития (теологическую, метафизическую, позитивную), то есть как линейный поступательный процесс с четким вектором. О. Конт впервые применил к социальной динамике философский научный подход, позволивший рассматривать общество в постоянном развитии и осуществлять поиск внутренней логики, причин и траекторий изменений. О. Конт определяет социальную динамику как «сферу тех закономерностей, которые не только детерминированы общественными явлениями, но и подвержены различным условиям человеческой жизни, в том числе географически-климатическим, политическим, экономическим. И как следствие трансформация этих

закономерностей подразумевает постоянное обновление различных структур социума, учитывая законы современности»²⁴⁹.

Стоит отметить, что в философской традиции и ранее существовали различные подходы к интерпретации общественных изменений, фундаментально связанные с идеей О. Конта о статике и динамике – на уровне онтологического понимания существования мира и человека, природы реальности. В истории философии можно отметить несколько ключевых парадигм понимания изменений как фундаментальной характеристики бытия. В античности наблюдается противоречие между идеями Гераклита о динамике как первооснове и элеатами, настаивающими на неподвижном вечном. Платон пытается найти компромисс между миром вечных неподвижных идей и миром становления, отмечая при этом вторичность динамики. Аристотель, вводя понятия потенциального и возможного, настаивает на том, что динамичность – это и есть способ существования вещей, онтологический заложенной возможности в самой вещи, в ее стремлении стать чем-то иным, более совершенным (энтелехия).

В средневековой философии наблюдается радикальное изменение онтологии динамики – вследствие появления фигуры Творца. По мысли Августина Аврелия динамика времени и истории понимается как развёртывание Божественного замысла: бытие тварно и динамично, но эта динамика подвижна не внутренней природой вещей, как у Аристотеля, а волей и провидением Бога. Онтологическое основание динамики лежит вне мира – в акте творения и последующем «управлении». Фома Аквинский, ориентируясь на достижения античности, утверждает, что динамика есть путь тварного бытия к своей цели, то есть к Богу, но сам Бог остаётся абсолютно статичным и неизменным. Мир динамичен, но его Первопричина – нет.

В Новое время происходит становление механистического понимания динамики применительно к субстанции. В философии Р. Декарта онтологическая динамика в отношении к протяженной субстанции, лишенная внутренней цели,

²⁴⁹ Конт О. Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении. Ростов н/Д: Феникс, 2003. С. 42.

сводится к перемещению в пространстве по законам инерции. Мышление же нематериально, и понимается статично. Б. Спиноза продолжает развивать идею о неподвижности и статичности самой субстанции; однако, такие ее атрибуты как протяжение и мышление находятся в вечном движении и взаимосвязи причин и следствий. То есть динамика понимается как модус субстанции, связанный с развертыванием необходимых причин.

В соответствии с размышлениями И. Канта динамика понимается как свойство нашего восприятия, не имеющая отношения к вещам-в-себе. Онтологическим основанием кантовской динамики становится априорная структура субъекта и формы созерцания. Мир явлений механически детерминирован, а умопостигаемый мир (ноуменов) свободен. То есть онтология динамики И. Канта основывается на двух несводимых друг к другу реальностях – мире природы, где господствует механическая причинность, и мире свободы, где возможна спонтанность ноуменального "я".

Интересны мысли Г. Гегеля о динамике – применительно уже к социальному развитию. Фундаментальная онтология философа сводится к тому, что и в социальной жизни неизбежно действуют основные диалектические законы развития. В определенное время в обществе постепенно накапливаются значительные изменения (реформы, социальные трансформации), способствующие качественному переходу на новый уровень, то есть по сути – общественному прогрессу. По мысли современных исследователей, идеи «О. Канта о «социальной динамике» и Г. Гегеля о «социальном развитии» имеют много общего, хотя Г. Гегелю удалось выработать более системный подход, учитывающий как прогрессивные, так и регрессивные варианты развития»²⁵⁰.

В постклассической философии происходит отказ от поисков неподвижного центра: идеи Ф. Ницше о вечном возвращении и становлении, размышления А. Бергсона о творческой эволюции, размышления М. Хайдеггера об историчности бытия и онтологии временности. Таким образом на протяжении всей истории

²⁵⁰ Храпов С. А., Вишнякова А.М. Современная социальная динамика: специфика и тренды // Вестник Калмыцкого университета. 2022. № 2(54). С. 114.

философии понимание динамики прошло путь от наблюдаемого движения вещей к внутреннему принципу их существования и к отождествлению самого бытия с событием, процессом и становлением. Ключевой поворот заключается в осознании того факта, что динамика не требует неподвижного субстрата: реальность может быть понята как чистый поток или сеть событий.

В современную эпоху эта линия получает новое развитие, например, в системном подходе, где динамика мыслится как самоорганизация, а устойчивые структуры – только как временные паттерны в непрерывном процессе развития. Понятие социальной динамики, являясь междисциплинарным, вызывает значительное количество дискуссий – вследствие высокой скорости социальных изменений социально-гуманитарное знание зачастую «отстает» в процессе выработки концептуально-методологических оснований для исследования данного феномена.

В широкий научный оборот категория «динамика» введена благодаря работам П. Сорокина²⁵¹, применившем ее в отношении к значительному кругу сложных социокультурных процессов. «В отличие от «эволюции» и «прогресса», термин «динамика» не содержал в себе оценочных коннотаций и не предполагал односторонности изменений. Это создавало концептуальное пространство для анализа циклических процессов, регрессивных тенденций, бифуркаций и других форм социальной трансформации, не укладывающихся в прокрустово ложе линейных схем»²⁵². П. Сорокин предложил принципиально новое понимание в отличие от классических теорий; его подход подразумевал признание неравновесных состояний в общественных системах, оказывающих влияние на процесс перехода между идеациональной, чувственной и идеалистическими этапами развития культуры.

Применительно к социальному бытию концепт динамики рассматривался в рамках теории формаций К. Маркса, где социальная динамика представляет собой

²⁵¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. М.: Академический проект, 2024. – 975 с.

²⁵² Петрова С. И. Генезис понятия «культурная динамика» и социальные потребности // Культура Мира. 2025. Т. 13, № 51(8). – С. 72.

закономерное, основанное на противоречиях, движение через общественно-экономические формации; цивилизационного подхода, где динамика применяется к жизненному циклу культурно-исторических образований; синергетической модели общества (И. Пригожин, И. Стенгерс) – посредством бифуркаций, флуктуаций и самоорганизации; постмодернистских трактовок, связанных со сменой дискурсивных порядков и систем знаков.

Социальная динамика отражает масштабные социальные изменения, охватывающие все сферы общественной жизни. Эти процессы носят необратимый характер и пребывают в непрерывном движении – их траекторию определяет множество разнородных факторов. При этом социальная динамика редко развивается по единому, неизменному сценарию: её формы и характер существенно варьируются в зависимости от типа общества и присущих ему особенностей.

Социальная динамика как процессуальная категория описывает непрерывное движение и изменение общества во времени во всех его формах и проявлениях, включая в себя как постепенные эволюционные изменения, так и быстрые скачки. Конкретное качественное изменение в рамках социальной динамики представляет собой трансформацию, которая акцентирует внимание на ключевом, качественном переходе от одного состояния к другому. Трансформация предполагает изменение самой сути, основ и принципов устройства социальной системы, представляя собой качественное изменение. То есть она является этапом или результатом процессов социальной динамики. Если социальная динамика может описывать почти незаметные сдвиги, то трансформация всегда подразумевает крупномасштабное, системное изменение.

Современное информационное общество представляет собой своеобразное воплощение онтологии динамики без субстанции, предвосхищённой постклассической философией. Социальные процессы здесь разворачиваются как чистое становление, лишённое устойчивых центров и субстанциальных носителей. Социальная динамика выражена категориями современной философии, и характеризуется формированием и распадом идентичностей, постоянным новым

контентом. Социальные структуры могут характеризоваться как временные повторяющиеся паттерны событий, не имеющие субстанциональной основы. Социальная динамика подчиняется логике сложных систем: малые флуктуации могут вызвать глобальные эффекты.

Социальная динамика в отношении информационного общества подразумевает весь процесс изменений, начиная с изобретения персональных компьютеров и распространения интернета, через изменение принципов коммуникации, распространение и потребление информации и новые формы социального взаимодействия. Социальная трансформация – наиболее важные проявления современной социальной динамики. Без исследования конкретных трансформаций и способствующих им условий теория социальной динамики становится довольно абстрактной.

В XXI веке социальная динамика приобретает беспрецедентную скорость и комплексность, а трансформация становится не единичным событием, а перманентным состоянием. Обществам приходится учиться адаптироваться и управлять изменениями в режиме реального времени, что само по себе является новой социальной практикой и предметом изучения. Особенно остро данные процессы, на наш взгляд, проявляются в сфере профессиональных взаимодействий.

Процессы информатизации социальных явлений приводят к изменениям в структуре профессиональных групп, а также – к трансформации профессионального призвания / долга в социально-статусные обязанности или техническое средство для достижения благосостояния. Для того, чтобы выявить основные факторы, определяющие процесс трансформации профессионального пространства, необходимо терминологически прояснить состояние современного этапа развития общества как общества информационного.

Понятие «информационное общество» до сих пор недостаточно определено в научном дискурсе. В исследовании, посвященном истории информационного общества А. Мателларт заявляет, что «неточность, окружающая понятие

информации, увенчает неточность понятия «информационного общества»²⁵³. - Другой исследователь информационного общества Ф. Уэбстер задается вопросом: «Читая литературу об информационном обществе, просто диву даешься, сколь велико число авторов, оперирующих неразработанными определениями предмета, о котором пишут. Им кажется настолько очевидным, что мы живем в информационном обществе, что они беспечно думают, что нет необходимости четко разъяснять, что они подразумевают под этим понятием»²⁵⁴. Ясно, что в целом мыслители, анализируя информационное общество, отмечают принципиальный переход к другому типу рациональности, смещение установок мышления от рационализма и упорядоченности к иррационализму и стохастичности. «Переход от индустриального общества к информационному обществу характеризуется трансформацией роли классической и неклассической рациональности, рационализма в целом, смещением ментальных установок в сторону иррациональных, интуитивных, спонтанных, сотрудничества, воспроизводства, трансляции знания»²⁵⁵. Одновременно происходит переход к «полионтическому мышлению», усиливающему влияние субъективности человека, отмечается тенденция множественного выбора в информационных потоках и коммуникациях, наблюдается постоянная динамика обновления и воспроизводства.

Принимая во внимание размытость понятия информационного общества, на наш взгляд, целесообразно начать с определений некоторых авторов для концептуализации и прояснения его значения. С этой целью необходимо провести краткий исторический экскурс, который будет осуществлен с опорой на исследование С. Кроуфорд, определившей начало исследований информационного общества на Западе в 1962 году, когда экономист Фриц Махлуп начал исследовать производство знаний в Соединённых Штатах Америки как важную составляющую Валового Внутреннего Продукта²⁵⁶. Однако у Ф. Махлупа не встречается

²⁵³ Mattelart A. The information society: an introduction. London, 2003. P. 6.

²⁵⁴ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект-Пресс, 2004. С.12.

²⁵⁵ Гончаров В. Н., Лукьянов Г. И. Социально-философский анализ понятия информационное пространство // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2024. № 2. С. 105.

²⁵⁶ Crawford, S. The origin and development of a concept: the information society // Bulletin of the Medical Library Association. 1983. vol. 71,4. Pp. 380-385.

словосочетание «информационное общество», он использует понятие индустрии знаний, и вскоре после этого, в 1970-х годах, в исследовательскую литературу приходит термин «информационное общество»²⁵⁷.

Помимо термина, употребляемого Ф. Махлупом, можно выделить множество понятий, которые использовались для обозначения общества, не базирующегося более на материальной промышленности как основе экономики. Д. Де Маси считает, что такое терминологическое разнообразие связано, прежде всего, с неопределенностью, которая долгое время существовала относительно преобладающей характеристики общества, возникшего вслед за индустрией материального капитала: «ярлыков, приписываемых нынешнему обществу, эволюционным стадиям перехода и транзитивным обществам, насчитывается более трехсот, основные из которых: «общество в тупике» (М. Крозье) и «неподготовленное общества» (Д. Майкл), «эпоха гармонии» (Л. Мамфорд), «Сознание III» (Ч. Рейч), «состояние энтропии» (Г. Хендерсон), «культура нарциссизма» (К. Лэш), «запрограммированное общество» (А. Турен), «постмодернистское общество» (Ж. Ф. Лиотар), «префигуративная культура» (М. Мид), «постцивилизация» (К. Боулдинг). А еще к этому списку можно добавить «посткапиталистическое общество» Р. Дарендорфа, «общество позднего капитализма» К. Оффе, «общество развитого капитализма» К. Гэлбрейта, «здоровое общество» Э. Фромма, «активное общество» А. Этциони, «постматериалистическое общество» Р. Инглхарта, «технотронное общество» З. Бжезинского, «третью волну» А. Тоффлера, «общество обслуживания» Дж. Гершуни и «эпоху разрыва» П. Друкера²⁵⁸.

Указав на историческую панораму контекстуализации понятия информационного общества в западной научно-исследовательской литературе, стоит отметить, что оно возникло в результате экономического изучения знаний, что проявляется во взаимосвязи информации с экономикой и позволяет понять, что современное общество переживает исторический момент, когда материальная

²⁵⁷ Там же Р. 281.

²⁵⁸ См.: De Masi D. A sociedade pós-industrial. Senac, 2003.

промышленная экономическая база осталась позади, уступив место новой нематериальной экономической базе – информации.

Учитывая противоречивые тенденции в дефинициях информационного общества необходимо учитывать смысловые особенности понятия «информация». При этом в социальной интерпретации важно использовать не количественный, а качественный подход, поскольку нужно придавать значение социальным оценкам, ценностям и последствиям информации, то есть наблюдать за социальными трансформациями²⁵⁹.

По мнению А. Маттеларта, в связи с технологическим прогрессом, существует обеспокоенность по поводу ограниченного взгляда на «информацию» как на концепцию, зависящую от технологии, поскольку, таким образом, концепция информационного общества становится чисто инструментальным понятием: «Хотя новые технологии внесли значительные изменения в развитие информационного общества, мы должны быть уверены, что одна концепция является независимой от другой. Со временем тенденция ассимилировать информацию с термином, используемом в статистике (данные) и видеть информацию только там, где есть техника, будет усиливаться. Таким образом, формируется чисто инструментальная концепция информационного общества. При социальной атопии понятия закрепляют социально-политические последствия выражения, которое якобы обозначает новую судьбу мира»²⁶⁰.

С учетом описанных условий возникает необходимость в поиске концепции информационного общества, апеллируя к ряду авторов. Французский исследователь Б. Лавлак утверждает, что «информационное общество, таким образом, будет соответствовать «экономике знаний», что, в свою очередь, будет следствием «промышленного капитализма»²⁶¹. Л. Амарал выходит за рамки экономического подхода к проблеме и полагает, что информационное общество

²⁵⁹ Гончаров В. Н., Лукьянов Г. И. Социально-философский анализ понятия информационное пространство // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2024. № 2. С. 106.

²⁶⁰ Mattelart A. The information society: an introduction. London, 2003. P. 6.

²⁶¹ Loveluck B. Redes, liberdades e controle. Uma genealogia política da internet, Petrópolis, RJ, Vozes. 2018. P. 8.

связано не только с экономическими, но и с социальными изменениями: «С технологической точки зрения информационное общество представляет собой углубление электронных технологий и цифровой этап Третьей промышленной революции, но с социально-экономической точки зрения это нечто большее. Информационное общество приносит новую модель экономического развития, одновременно вызывая глубокие и обширные изменения в поведении, отношениях и ценностях социальных и политических структур нашего времени»²⁶².

В дальнейшем дискуссия об информационном обществе развивалась в два этапа. Эпохальная книга Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» повлияла на характер обсуждения на первом этапе в 1970-е гг.²⁶³. Согласно дефиниции Д. Белла знания и информация характеризуют такой этап развития общества, который автор называет постиндустриальным – тем этапом общественного развития, где в результате научно-технической революции фокус экономики сместился с товарного производства на предоставление услуг. При этом работу Д. Белла можно было считать не просто прогнозом, а весьма реальным вектором социальной динамики будущего общества. Автор обратил внимание на такие особенности постиндустриального развития, которые условно можно разделить на две группы. Первые являются суммой обстоятельств, позволяющих нам констатировать изменения, необходимые в дальнейшем для анализа профессионального пространства:

- 1) увеличение значения теоретического знания и социальной потребности в нем;
- 2) производство услуг;
- 3) ценность информации важнее материальных благ;
- 4) появление новых технологий, позволяющих более эффективно и рационально решать социальные и экономические вопросы;
- 5) минимизация классовых различий;

²⁶² Amaral L. M Economia Tech Da Indústria à Sociedade da Informação e do Conhecimento Bookeconomics 2008. P. 41.

²⁶³ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. - Москва : Academia, 2004. С. 76.

- 6) изменение положения социально-демографической группы женщин;
- 7) изменения значения науки для практики и государства;
- 8) приоритет сотрудничества как основной формы социального взаимодействия.

Вторая группа характеристик постиндустриального общества позволяет обратить внимание на трансформацию профессионального пространства; причем, можно заметить прямые зависимости с указанной первой группой особенностей:

- 1) изменения в структуре профессиональных групп;
 - увеличение доли технических специалистов,
 - социальное значение женщин как профессиональной группы, их занятость в экономической сфере,
 - появление новых групп специалистов, занятых в сфере услуг и интеллектуальных технологий.
- 2) трансформация трудового процесса: увеличение доли взаимодействий профессионалов друг с другом (диада «человек-машина» заменяется диадой «человек-человек»);
- 3) влияние личных профессиональных достижений на престижность социального статуса;
- 4) значение образования для получения высокой квалификации.

Таким образом, появление новых аспектов социального взаимодействия непосредственно оказало влияние на изменение структуры профессионального пространства как поля социального и его динамику: если основой классовой структуры индустриального общества был рабочий класс, то в постиндустриальном обществе появляется «класс» (скорее, «ситосы», как их называет Д. Белл, характеризующие вертикальную стратификацию общества) исполнителей услуг, чья деятельность направлена на социальное взаимодействие. Изменения в экономике, производстве, социальной сфере, по мнению исследователя, должны способствовать гуманизации общественного бытия в целом, повлияв на развитие гражданского правового сознания, трансформируя также политическую и культурную сферы.

В дальнейшей дискуссии исследователи опирались на концепцию информационного общества и концепцию общества знаний (П. Друкер). Идея общества знаний, уже транслируемая Д. Беллом, получает усиленную аргументацию в работах П. Друкера, Ф. Махлупа, Р. Лэйна.

По мнению П. Друкера, знания на современном этапе развития общества становятся важнейшей экономической и ресурсной ценностью, и данный факт символизирует уникальность современного общества, где профессионалом является тот, кто обладает способностью применять информацию в конкретных сферах деятельности²⁶⁴. То есть меняется гносеологическая парадигма: если в эпоху классического рационализма знание определяется как соответствие информации объективной реальности, то в эпоху «общества знания» можно говорить о практической возможности профессионала реализовать полученные знания на практике – в конкретной деятельности. В дальнейшем, на наш взгляд, эта идея найдет свое отражение в концепциях цифровизации и в требовании цифрового общества – не просто применять знания (скорее, глубокие знания уже оцениваются как атавизм, не позволяющий быстро и активно ориентироваться в социальной среде), но управлять собственными профессиональными траекториями, формируя так называемые «мягкие навыки».

Становится ясно, что П. Друкер предлагает нам отмежевать понятие «знание» от понятия «информация» (предположение, основанное на определении знания через умение применять информацию). По мнению современных исследователей, П. Друкер «отличает работника знаний от работника умственного труда», когда «использует термин *«mind work»*, характеризуя умственную работу, «а не *«knowledge work»*, характеризующий труд работника знаний»²⁶⁵. На этом основании А. Карпов отмечает, что «работнику знаний», скорее присуща и умственная и умственно-физическая формы труда²⁶⁶, поскольку работник может работать со знаниями, производя как материальное, так и не материальное. При

²⁶⁴ Друкер П. Управление в обществе будущего. М.: Вильямс, 2007. 320 с.

²⁶⁵ Карпов А. О. Общество знаний: знание vs информация // Философские науки. 2017. № 12. С. 22.

²⁶⁶ Там же. С. 22.

этом «работнику знаний» присущи смешанные формы труда: умственная и умственно-физическая работа.

П. Друкер пишет, что переход к «обществу знания» фактически начинается с периода Второй мировой войны, затронув такие сферы деятельности общества как управление, медицина, строительство и т.п. – в силу развития в послевоенный период основных социальных институтов и структур общества, с новой системой разделения труда, основанной на развитии образовательной системы.

Стоит отметить еще одну знаковую в этой сфере работу Ф. Махлупа «Производство и распространение знаний в США», в которой автор развивает концептуальные аспекты для обоснования анализа общества знаний²⁶⁷. Вводя понятие «индустрия знания» Ф. Махлуп подразумевает экономическую роль знания как самостоятельной силы, непосредственно производящей материальные продукты. При этом понятие «информация» автор использует только как вспомогательное, настаивая на необходимости новой терминологической детерминанты современного общества. А. О. Карпов полагает, что «от Махлупа идет традиция измерять рост знания через рост производства знака. Весьма часто гетерогенные популяции знаковых форм необоснованно идентифицируются как знание или информация»²⁶⁸.

В целом в этих учениях поднимались вопросы глобальных экономических и технологических трансформаций, подчеркивалась роль экономики услуг, знаний и информации, которые должны были заменить производство товаров; и особое внимание – процессу изменения и динамики профессиональных структур.

Следующая волна обсуждений данных концептов (информационного общества и общества знаний) продолжилась уже в 1960-е годы, поддерживаемая международными организациями и правительствами разных стран. В частности, это отражено в целом ряде документов, направленных на поддержание стратегий экономического и политического управления. Например, в США создана

²⁶⁷ Machlup F. The Production And Distribution Of Knowledge In The United States. Literary Licensing, LLC, 2012. 436 p.

²⁶⁸ Карпов А. О. Общество знаний: знание vs информация // Философские науки. 2017. № 12. С. 27

программа «Национальная информационная инфраструктура» (1993 г.); в Европейском Союзе – «Белая книга Европейского Союза по экономическому росту, конкурентоспособности и занятости» (1993 г.). В данных программах отражена поддержка в развитии общества с высокоразвитой информационной инфраструктурой, в связи с этим предлагаются весомые инвестиции в будущие технологии.

Современные исследования информационного общества развиваются в контексте социологических, философских, политологических и даже утопических проектов. Также весьма характерен высокий интерес политических элит к развитию информационного общества – что позволило данному концепту получить значительную дискуссионную поддержку у самых разных социальных групп. Особенно в XXI веке, когда широко распространились новые виды массмедиа, исследователи обращают внимание на возможность использования информационных технологий в освещении публичной политической активности и влиянии этого на принятие управленческих решений на международном и внутригосударственном уровнях.

Тем не менее в научной среде существует некоторая неопределенность в отношении оценки эвристического потенциала концепции информационного общества и ее оценки как адекватной репрезентации современных социальных процессов.

Информация в современном мире зачастую нивелирует географические расстояния и пространства, «поэтому понимание глубоких последствий виртуальных пространств для социально пространственной структуры становится важным как для политиков, ученых, так и для граждан»²⁶⁹. Цифровые технологии интегрируются в физическую реальность, стираются границы между физической и виртуальной реальностью, что меняет способы взаимодействия людей друг с другом и окружающей действительностью. В виртуальном пространстве информационного общества формируется виртуальный дискурс, определяющий

²⁶⁹ Насибуллин Р. Р. Виртуальные пространства и цифровые общества: социально-пространственные аспекты // Матрица научного познания. 2024. № 4-1. С. 616-626.

положение человека не только в виртуальной, но и в реальной социальной структуре общества, когда человек обладает «определенным уровнем власти не только внутри виртуального сообщества, но и в более широком социокультурном контексте, тем самым стирая границы между цифровой и физической иерархиями»²⁷⁰.

Опираясь на идеи П. Друкера, Ф. Махлупа, Д. Белла и т.п. Ф. Уэбстер предлагает несколько рабочих дефиниций информационного общества ²⁷¹. Многозначность и количество существующих определений провоцируют вопросы ученого о самом факте достигнутого информационного общества. Самое распространенное определение, по мнению Ф. Уэбстера, основано на развитии технологий. Внедрение информационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества представляется наиболее очевидным фактом, особенно учитывая конвергентные взаимосвязи телекоммуникационной сети, открывшей возможности для связи между различными социальными инфраструктурными объектами и социальными институтами. Вопрос заключается только в необходимом объеме информационных технологий для идентификации общества как информационного. По мнению исследователя, авторы, использующие данный подход, не предлагают адекватного ответа на данный вопрос²⁷².

Еще одно определение информационного общества основано на понимании места информации и информационного сектора в экономике. Ф. Уэбстер также скептически относится к подобного рода определениям – в основном, из-за вопросов, связанных с классификацией информационных доменов и выявления характерных особенностей информационного общества – важных для экономики. Автор полагает, что эти проблемы требуют решения, а их наличие пока что не позволяет сделать выводы об информационном секторе экономики²⁷³.

²⁷⁰ Там же. С. 622.

²⁷¹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.

²⁷² Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 17-18.

²⁷³ Там же. С. 18-19.

Попытка определить информационный сектор экономики как доминантный может свидетельствовать о том, что информационное общество достигнуто, а значительная часть профессиональной деятельности оказывается связана с информатизацией или информационной деятельностью. В подобном определении возникают примерно те же проблемы, что и в предыдущем случае.

Еще один подход, связанный с пространственным фактором обращает наше внимание на значение соединяющих сетей информации, организующих пространственно-временной континуум. Ф. Уэбстер, обозначая важность информационных сетей в современном обществе, призывает обратить внимание на отсутствие адекватных объяснений их роли, определяющей новое общество²⁷⁴.

Следующий класс определений связывается с культурными особенностями жизнедеятельности общества. С точки зрения культуры можно отметить наличие новой медиа среды, детерминирующей повседневность и определяющей информационность повседневного социального взаимодействия. Данное направление исследовано менее всего.

Таким образом, Ф. Уэбстер, опираясь на существующие подходы, обращает наше внимание на их ограниченность и возможность только системного их использования для описания информационного общества; поэтому можно выделить следующие критерии, характеризующие данный феномен: технологический, экономический, профессиональный (сфера занятости), пространственный, культурный.

Несмотря на то, что существуют различия в понимании информационного общества, основной исследовательской темой становится обозначение значимости информации для всех сфер деятельности в современном мире. Сторонники концепции информационного общества полагают, что современное понимание информации и ее значение существенно отличается от предыдущих этапов существования общества. Так, М. Кастельс, защищая данную позицию, полагает, что в информационном обществе развитие технологий и культуры в целом зависят

²⁷⁴ Там же. С. 20-21.

от того, насколько активно осуществляется обмен знаниями и информацией в сети «глобальных обменов»²⁷⁵. При этом мыслитель утверждает, что главным образом информатизация касается технологического развития, способствуя переходу на более сложные уровни²⁷⁶. В отличие от предшественников М. Кастельс совершенно по-новому рассматривает информационное общество: информационность присуща обществу на протяжении всего его исторического развития; и только на современном этапе информация, способы ее передачи и обработки становятся источниками производства и управления. Современный этап – тоже информационный, однако, отличающийся реализацией всех функций и процессов по принципу сетей. Поэтому в 1996 г. М. Кастельс вводит в научный оборот термин «сетевое общество», утверждая, что «сети конституируют новую социальную морфологию общества, и внедрение сетевой логики значительно модифицирует процессы и их результаты в культуре и политике»²⁷⁷. Основные характеристики сетевого общества, по мнению М. Кастельса, заключаются в следующем:

- 1) наличие информационной экономики, зависящей от технологий и знаний – больше, чем когда-либо;
- 2) детерминированность местных (региональных, национальных и т.п.) экономических систем мировыми экономическими трендами через систему сетей и рынков;
- 3) ослабление социальных институтов и организаций, представлявших интересы социальной группы рабочих; как следствие наблюдается социальная поляризация и изменение в социальной стратификации;
- 4) информационная трансформация государства как политического института: национальные государства становятся сетевыми;
- 5) культурные изменения: возникновение виртуальной культуры и нового информационного метаязыка.

²⁷⁵ Кастельс. М. Информационная эпоха. Экономика, общество культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 78.

²⁷⁶ Там же. С. 143.

²⁷⁷ Кастельс М. Власть коммуникации / Пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 500.

Современные процессы социальной динамики повлияли не только на формирование новой социальной структуры, но и на становление новой экономической системы (глобальная информационная экономика) и культуры (виртуальная реальность). Серкина Н. Е., исследуя концепт сетевого общества М. Кастельса, отмечает, что «сетевые структуры в условиях постиндустриальной экономики становятся основой устойчивого развития всех общественных сфер, позволяющих сочетать высокие темпы общественного развития и устойчивость базовых социальных институтов»²⁷⁸. То есть сетевые структуры становятся условием функционирования всех сфер развитых обществ: прежде всего, экономики, политики, социальной сферы взаимодействий, культуры.

Учитывая значение информации в современном обществе, С. Лэш акцентирует внимание на изучении особенностей самой информации, понимании ее влияния на пространственно-временные взаимодействия²⁷⁹; при этом автор утверждает предпочтительность понятия «информационное общество», в описании современности, поскольку оно свидетельствует о принципах, на которых базируется общество²⁸⁰.

Что касается широкого значения информационного общества, то П. Химанен отмечает: «С теоретической точки зрения ключевая концепция включает сетевую организацию и рост, основанный на инновациях. Информационная экономика основана на росте производительности труда, базирующемся на инновациях, в отличие от так называемой «новой экономики»²⁸¹. Таким образом, основываясь на этих теоретических положениях, можно сделать вывод, что информационное общество – это исторический момент глобального характера, организованный в сеть, ядром которой является информация и в которой экономика и социальные

²⁷⁸ Серкина Н.Е. Понятие сетевого общества М. Кастельса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 2. С. 161-169.

²⁷⁹ Lash S. Critique of Information. London, Thousand OAKS (Ca.): Sage Publications, 2002.

²⁸⁰ Там же. Р. 15.

²⁸¹ Himanen, P. Challenges of the global information society. Helsinki: Parliament of Finland. 2005. Retrieved from: http://web.eduskunta.fi/dman/Document.phx_documentId=br11307103930385&cmd=download (PDF) A practical perspective on the developing information society – case studies. Available from: https://www.researchgate.net/publication/264707164_A_practical_perspective_on_the_developing_information_society_-_case_studies [accessed Feb 2 2024].

отношения были реструктурированы на основе информации. Данное общество, несмотря на независимость от новых технологий, обладает сформированными этими технологиями характеристиками, выстраивая свою оперативную базу.

Социально-философский подход к пониманию информационного общества предполагает обращение к человеку как активному началу в создании социальной сферы своей жизни и констатация значения информационных потребностей человека, которые можно отнести к духовным²⁸².

Таким образом, можно определить информационное общество как исторический и социально-экономический этап, в котором нематериальная сущность, являющаяся объектом коммуникативного процесса, то есть информация как знание, является средством и целью рыночных отношений, поскольку они представляют собой ресурс и продукт. В этот период информация способна придавать ценность, которая будет по-разному сравниваться в разных временных контекстах, а отношения (организованные в сети), как и экономика, становятся глобальными, основы которых опираются на новые информационные технологии: «исчезают ментальные и этнокультурные различия членов информационного пространства, что выступает непосредственной характеристикой глобализационных процессов»²⁸³.

Современные авторы также подчеркивают неоднозначность воздействия информационных процессов на социальную динамику и социальные структуры. С одной стороны, увеличение возможностей коммуникативных взаимодействий, а с другой – деградация традиционных связей, нарастающий конфликтный потенциал, социальное и ресурсное неравенство²⁸⁴. Воздействуя на экономику, культуру, образование, «цифровые сервисы меняют образ жизни»²⁸⁵. Вызовы современного

²⁸² Лобовикова Е. А. Антропологический аспект социальной реальности в пространстве информационной культуры // Культура и цивилизация (Донецк). 2020. № 1(11). С. 56-60.

²⁸³ Котлярова А. С., Кушев Д. В. Социально-философские характеристики социальной виртуализации человека в пространстве информационного общества // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 1-2(100). С. 87. DOI 10.24412/2500-1000-2025-1-2-87-91.

²⁸⁴ Роль новейших цифровых технологий в трансформации социального пространства / М. П. Яценко, С. В. Максимов, Н. Н. Равочкин [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2023. – № 1. С. 117-121. DOI 10.37882/2500-3682.2023.01.21.

²⁸⁵ Григорьев А. Ф., Григорьева М. А. Цифровизация в современном социально-гуманитарном пространстве // Kant. 2020. № 4(37). С. 7. DOI 10.24923/2222-243X.2020-37.1

общества, сопровождаемые, с одной стороны увеличением качества жизни и технологизацией многих сфер бытия, а с другой стороны разрушением традиционных ценностей и духовных социальных ориентиров, актуализирует научный поиск новых ресурсов, практик и гуманитарных технологий, способных реализовывать новые задачи. Некоторые авторы предельно однозначно в негативных коннотациях оценивают влияние цифровых технологий на человека. Развивая определенную свободу и функциональность человеческой деятельности технические приспособления («гаджеты») изменяют отношение человека к информации, влияют на его когнитивные способности, заменяют реальное общение виртуальным²⁸⁶, - в итоге трансформируя социальную идентичность человека.

Проведенный анализ информационного общества позволяет сделать вывод о некоторых внешних условиях, определивших трансформацию профессионального пространства. При этом внешние условия оказываются связаны с научно-техническими изменениями, политическими установками и смещением экономических процессов:

- 1) Технология развития, приводящая к изменению социальных взаимосвязей;
- 2) Увеличение роли знаний, как следствие научно-технического прогресса;
- 3) Становление и развитие информационной экономики;
- 4) Трансформация социальных отношений и их развитие как сетевых;
- 5) Изменение моделей социального управления и организации власти.

Внешние изменения обуславливают и внутреннюю трансформацию профессионального пространства. Изменение значения информации, ее пространственное и временное сжатие воздействует на появление новых элементов профессионального пространства и трансформацию его статуса, а также – провоцирует конфликты между смыслообразующими конструктами профессионального пространства.

²⁸⁶ Кручинин С.В. Философский анализ влияние гаджетизации на социальное бытие // КАНТ. №4 (33), 2019. С. 166-170.

На наш взгляд, основой конфликта является разногласие (в результате трансформации) между существующей социальной моделью профессионального пространства и локальной реализацией профессиональных практик. В качестве устойчивой модели социальных представлений о профессиональном пространстве можно рассмотреть предложенный американским ученым Д. Ритцером вариант четырехуровневой социальной реальности, включающей в себя реализацию профессиональной деятельности в макро- и микро- срезах, а также реализуемых в субъективном и объективном планах²⁸⁷. По мнению Д. Ритцера, «проблему взаимосвязи микро-, макроуровней нельзя рассматривать в отрыве от объективно-субъективного континуума. Все социальные явления как микро-, так и макропорядка – объективны или субъективны...Каждый из этих четырех уровней важен сам по себе, однако наибольшее значение имеет динамическая связь между ними»²⁸⁸.

Поскольку профессиональное пространство понимается нами как поле социального пространства, представляется закономерным рассмотрение данной модели, опираясь на предложенную логику. Социальная модель профессионального пространства позволяет нам рассмотреть последнее не только как экономическую деятельность, но как сложную социальную систему, где ключевую роль играют взаимоотношения, ценности, нормы и идентичность.

1. Макросубъективный уровень (здесь и далее – по Д. Ритцеру). В контексте профессионального пространства данный уровень включает в себя то, что называется профессиональным этосом (профессиональные нормы, ценности, требования к уровню компетентности работников и их образованию).

2. Микросубъективный уровень. Наличие значительного количества субъектов профессиональной среды и многообразие их взглядов определяет плюрализм в понимании их собственной профессиональной компетентности.

²⁸⁷ Ритцер Д. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. 688 с.

²⁸⁸ Там же. С. 420.

3. Микрообъективный уровень. На данном уровне формируются социальные представления о конкретной профессии, степени ее значимости и допустимых нормативных особенностях профессиональной деятельности.

4. Макрообъективный уровень. Закономерности общественного развития, интегрированные в конкретную социальную сферу и способствующие получению знаний для успешной социализации, в профессиональном пространстве реализуются в пределах системы образования.

По мнению современных исследователей, смысл и значение данной «модели состоит в том, что она позволяет установить существующие взаимосвязи между различными уровнями социальной реальности профессионального пространства и его роль в формировании социально-профессиональной компетентности специалиста»²⁸⁹. Интегративное значение данной модели профессионального пространства заключается в том, что профессиональное пространство, включая систему социальных институтов, выполняет системные функции, подразумевающие влияние на профессиональное развитие субъектов профессиональной деятельности. Данная модель представляет, на наш взгляд, некоторый идеальный конструкт, отличающийся от действительной реализации на различных ее уровнях.

В условиях влияния информационной среды наблюдается рассогласованность между абстрактным социальным представлением о профессиональном пространстве и его локальной реализацией, что может выражаться различным образом, включая в себя разнообразные аспекты. Во-первых, неравномерность доступа к информации и знаниям: классическая социальная модель предполагает, что все члены профессионального сообщества (равно как все уровни организации профессионального поля) имеют одинаковые возможности в получении актуальной информации о практиках, нормативных актах, последних тенденциях. На уровне реализации и локально могут существовать разнообразные барьеры, например, социально-экономические,

²⁸⁹ Карицкая И. М. Профессиональное пространство как система социальных институтов // Научный альманах. 2016. № 1-3 (15). С. 292.

технологические, образовательные (подразумевается различный уровень освоения новых знаний и навыков, необходимых для соответствия каким-либо стандартам или требованиям).

Во-вторых, необходимо учитывать некоторую асимметрию в распространении инноваций и лучших практик: как правило, предполагается, что инновационные подходы и улучшенные методики должны быстро распространяться по всей профессиональной среде; однако, в разных организациях, отраслях или даже регионах темп и масштаб внедрения новых технологий, методик, могут сильно различаться. Информационная среда ускоряет распространение, но одновременно создает и фрагментирует информацию, затрудняя выделение действительно ценной и авторитетной.

В-третьих, различия в интерпретации и адаптации стандартов. Для разных профессиональных полей существуют формальные стандарты, кодексы этики, требования к компетенциям, которые должны применяться единообразно. На практике локальные условия (экономические, социальные, культурные, организационные) заставляют профессионалов адаптировать или искажать эти стандарты. Информационная среда предоставляет множество примеров и образцов, что может привести к разной интерпретации и смещению лучших практик из разных контекстов.

Четвертое, - это влияние онлайн-пространств на профессиональную идентичность и реализацию профессиональных практик. Как правило, профессиональная идентичность формируется через формальные институты и общепринятые стандарты деятельности. В виртуальной среде в отношении конкретной профессии могут формироваться свои сообщества, свои нормы поведения, иногда не связанные с официальными стандартами. Успех в онлайн-пространствах может влиять на карьерный рост независимо от соблюдения формальных требований, что создает дисбаланс, то есть обратная связь и формирование репутации в информационной среде могут отличаться от стандартных требований профессии.

В свою очередь, это актуализирует противоречия между цифровой и нецифровой реальностью: информационная среда воспринимается как инструмент для развития и унификации профессиональной деятельности (например, общие платформы для обучения или повышения квалификации). Однако, традиционные практики, основанные на личном взаимодействии, могут по-прежнему сохранять свою актуальность и существовать параллельно, особенно в определенных профессиях, требующих учета физической реальности – тем самым создавая двойные стандарты в понимании норм и ценностей профессионалами или снижая эффективность деятельности, за счет игнорирования или недопонимания формальных требований.

И, наконец, можно отметить существование проблемы цифрового неравенства как препятствия для профессионального роста: абстрактная социальная модель профессионального пространства предполагает одинаковый доступ профессионалов к онлайн ресурсам и сетевым возможностям, но на уровне локальной реализации фактически существуют разрывы в доступе к технологиям и сетевым «благам», что ограничивает возможности профессионального развития для части специалистов, живущих в регионах с низкой цифровой инфраструктурой или с более низким уровнем цифровой грамотности.

Таким образом, информационная среда потенциально способна сократить разрыв между социальной моделью профессионального пространства и ее реализацией, но сама по себе может создавать новые типы разногласий и противоречий из-за асимметрии доступа, фрагментации знаний, возникновения новых профессиональных нарративов и способов поведения, отличных от формальных стандартов.

Кроме этого нами было отмечено, что трансформация смыслового статуса информации, ее сжатие во времени и пространстве воздействует на появление новых элементов профессионального пространства и его принципиальное изменение.

Среди новых пространственных элементов, характеризующих современную профессию можно отметить:

1) Цифровые инструменты коллективной работы, позволяющие обеспечивать и ускорять коммуникацию, повышая эффективность коллективной деятельности и преодолевая тем самым пространственные и временные барьеры. Например – системы управления проектами, мессенджеры, специализированное программное обеспечение для автоматизации задач. В том числе здесь можно отметить коллаборативные инструменты и практики, такие как виртуальные рабочие пространства, платформы для совместного проектирования.

2) Электронные информационные среды, обеспечивающие доступ к огромным массивам информации в реальном времени, и способствующие распространению знаний и более эффективной организации практической деятельности (профессиональные базы данных, научные репозитории, форумы, блоги, онлайн-библиотеки, архивы нормативно-технической и правовой документации).

3) Информационные потоки, позволяющие фильтровать и упорядочивать огромный поток информации, фокусируясь на наиболее релевантном и значимом для конкретного профессионала: сервисы новостей, алгоритмы рекомендации контента, подписки на блоги / авторов / издания.

4) Цифровая профессиография, создающая динамичную и многогранную цифровую идентичность профессионала, легче поддающуюся демонстрации при поиске работы или продвижении (онлайн-визуализация опыта работы, навыков, проектов, платформы для хранения и демонстрации портфолио).

5) Онлайн-коммуникационные и социальные пространства, формирующие новые каналы для профессионального диалога, получения обратной связи, содействия в создании профессиональной репутации вне формальных институтов (профессиональные сети, тематические форумы, группы в социальных сетях, онлайн-конференции, вебинары).

Эти инструменты позволяют не просто продемонстрировать набор профессиональных знаний, а обозначают умение быстро осваивать новые технологии, адаптироваться к новым инструментам, критически оценивать информацию, анализировать данные, работать с цифровой средой в целом.

Дигитализация добавляет к профессиональному пространству цифровые инфраструктуры для коммуникации, хранения знаний, работы и презентации себя. Это не просто новые инструменты, а формирование нового слоя пространства, влияющего на характер взаимодействий, организацию труда и даже определение новых профессий (цифровые двойники, таргетологи, создатели контента и т.д.).

Указанные элементы, на наш взгляд, имеют неоднозначные коннотации с точки зрения применимости к конкретным профессиональным полям: с одной стороны, они имеют созидательный характер и служат форсированию информационных потоков, а с другой стороны предъявляют новые требования к формированию профессионального этоса и профессиональной социализации. В результате профессиональные стандарты, практики и теории могут становиться устаревшими значительно быстрее. Это требует от специалистов постоянного обучения и адаптации, когда каждый профессионал должен постоянно обновлять свои знания, – так появляется «цифровой профессионал», обладающий способностью не только модернизировать свой гносеологический профессиональный статус, но и потенциальной возможностью их оперативной актуализации.

В большей степени это сказывается на системе образования, которое «перестает быть стабильным и прогнозируемым во времени и пространстве, оно приобретает ситуативный и малопрогнозируемый характер»²⁹⁰. То есть традиционные образовательные институты и системы аккредитации вынуждены конкурировать с новыми моделями профессионального становления личности, а ценность понятия «учебное заведение» определяется зачастую комплексом более гибких параметров – системой компетенций, рекомендаций, результатов тестирования; таким образом трансформируется концепт «профессиональной квалификации». Современные нейросетевые преобразования профессионального пространства подвергают риску существование системы образования в целом:

²⁹⁰ Дедов Н. П., Кохова И. В. Актуальные проблемы цифровой адаптации в высшей школе в условиях неопределенности // Вестник Евразийской науки. 2023. Т.15, № s2. Available at: <https://esj.today/PDF/01FAVN223.pdf>.

«Если первым этапом трансформации в системе образования становится вытеснение классического университета цифровым, то вторым может стать исчезновение и цифровых университетов по мере делегирования профессиональных обязанностей напрямую нейросетям»²⁹¹.

В результате появляются новые формы сотрудничества и координации, в которых традиционные иерархии и личные связи все меньше влияют на эффективность работы, а также возрастает значимость горизонтальных форм коммуникации, сетевых структур, навыков работы в удаленных профессиональных командах. А возможность географического распределения профессионалов меняет логику профессиональных ассоциаций. Появляются новые «цифровые» профессии, нивелирующие значение традиционных компетенций: умение обрабатывать информацию, решать нестандартные задачи и творчески подходить к работе приобретает большую ценность. Профессиональная идентичность начинает формироваться вокруг определенного набора *digital- и meta-* компетенций.

Цифровые инструменты также способствуют глобализации профессионального пространства и сокращению границ профессиональной коммуникации. Вследствие глобализации профессиональных рынков создаются новые возможности для сотрудничества между разнообразными группами специалистов из разных регионов, усиливая конкуренцию и определяя динамику оплаты труда и карьерных траекторий локальных специалистов; однако, в то же время – способствуя гомогенизации стандартов в определенных профессиональных областях.

Новые элементы профессионального пространства определяют и динамику традиционных профессиональных организаций, вынужденных или адаптироваться к новым реалиям (организовывать онлайн-мероприятия, использовать цифровые инструменты для взаимодействия с членами сообщества), или рискующих утратой релевантности. Таким образом, появляются новые модели управления и самоуправления профессиональными группами.

²⁹¹ Сычев А. А. Искусственный интеллект как вызов системе образования: этико-прикладные аспекты // Ведомости прикладной этики. 2024. № 2(64). С. 74-81

Фокус профессиональной деятельности смещается с локальных коллективных целей на индивидуальный результат и карьерный рост. Информационная среда предоставляет инструменты для более точного определения сильных и слабых сторон, планирования профессиональных траекторий; в результате возрастает ответственность самого профессионала за вектор своего развития (персонализация и результативность).

Таким образом, новые элементы не только дополняют системную социальную модель традиционного профессионального пространства, сколько создают его новую «конструкцию», в которой информационные технологии становятся не просто инструментами, но претендуют на определяющую организационную роль и влияют на саму природу профессиональных взаимодействий, организаций и институтов. Это приводит к ускорению изменений, повышению требований к специалистам и трансформации самой концепции «профессионального пространства».

Необходимо отметить, что все эти тенденции, связанные с социальными изменениями, вполне могут быть прокомментированы с помощью методологического подхода П. Бурдьё, в объяснительной модели которого ранее мы указывали на идею принципиальной конструируемости профессионального поля под влиянием общественных модификаций. Представленная через призму методологического подхода П. Бурдьё структура профессионального пространства принципиально подразумевает влияние различных факторов, в том числе экзогенных, т.е. данная теория содержит в себе методологический потенциал для рассмотрения структуры профессионального пространства в информационном обществе.

Структура социального пространства претерпевает изменения с точки зрения содержательного наполнения физического и ментального пространства габитуса, а символический капитал становится фрагментированным, как и влияние на профессиональное пространство других социальных полей. Профессиональное поле становится полем некоторой деятельности, для которого необязательно условие устойчивости составляющих его элементов. А само понятие «профессия»

все чаще заменяется «сферой деятельности» или «практикой» – это в принципе полностью соответствует концепции П. Бурдье.

Однако, анализ профессии, основанный только на методологическом подходе П. Бурдье, высвечивая важные аспекты системы общественного поведения и жизнедеятельности, не позволяет учитывать только силу воздействия внешних факторов. Как и в случае с социальным пространством, вхождение в профессиональное поле является важным элементом профессионального пространства, и снова возвращает нас к идее конструируемости профессии.

Профессионализм существует, когда работники являются частью профессиональной ассоциации, которая институционализирует техническую базу (знания и навыки), а также этику служения (своего рода призвание или высшая цель). Это, в свою очередь, требует автономного пространства или юрисдикции, позволяющей членам ассоциации контролировать свое собственное поведение и практику. Профессионалам удается реализовать так называемый «профессиональный контроль»: они контролируют самих себя. Профессионализм, в этом смысле, это вопрос внутренней организации профессии и защиты профессиональных практик от внешних воздействий. В случаях классических или «истинных» профессий это происходило в значительной степени, тогда как другие современные сферы профессиональной деятельности (например, полицейская служба или преподавание), подвергаются большей внутренней фрагментации и внешним воздействиям.

Конструирование индивидом своего профессионального пространства начинается с его самоопределения²⁹², которое происходит под влиянием множества факторов. Имеет место не только желание индивида, его способности, но и общественное мнение, транслируемое в СМИ, а также возможное следование семейным традициям (как часто бывает в семьях бывших интеллигентов: врачей, преподавателей).

²⁹² Зуева Е. Н. Опасные профессии: конструирование профессиональной реальности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 46.

Стоит отметить, что П. Бурдье, настаивая на том, что профессия – не более чем совокупность отношений между людьми, не учитывает то, как даже сконструированная профессия рассматривается индивидом. В этом заключается особенность позиции мыслителя; хотя, стоит заметить, что для решения интересующих П. Бурдье задач это было не слишком необходимо. Но для того, чтобы выявить все факторы изменения профессионального пространства, на наш взгляд, необходимо проанализировать его элементы с учетом позиции субъекта.

В современном информационном обществе профессиональное пространство раскрывается перед индивидом двояким образом, благодаря чему формируется профессиональная идентичность²⁹³. Исследователи предлагают выделять две сферы в пространстве конструируемой профессии: «физическое поле профессии и действия, без которых невозможно социальное поле профессии»²⁹⁴. Отдельный субъект, включенный в профессиональное поле, основывается в своей деятельности на «физических» особенностях профессии и пространственных характеристиках конкретного места работы. К ним, помимо собственно здания и объектов манипуляции (рабочего стола, станка, компьютера), также относятся стереотипы поведения.

Физическое поле профессии является внешним по отношению к человеку; индивид, взаимодействуя с обществом, экстернализует его составляющие, вписывает их значения в свой жизненный мир и в профессиональное пространство. В этом случае в профессиональное пространство неизбежно проникают идеи, ценности и тенденции других, смежных областей человеческой жизни.

Профессиональное пространство взаимопроникает в сферы жизни, напрямую не связанные с выполнением какой-либо работы. Поэтому дальнейший анализ профессионального пространства требует учета взаимодействия характеристик как внешней среды, так и внутренних факторов.

Выводы по параграфу 1.3

²⁹³ Бойчук С. С. Культурная и профессиональная идентичность в современном образовательном и социальном пространствах // Педагогика и психология: теория и практика. 2020. № 1(17). С. 44-51.

²⁹⁴ Романов П. В. Антропологические исследования профессий. Саратов: Научная книга, 2005. С. 30.

Современные социальные процессы, связанные с влиянием информатизации и формированием новых элементов профессионального пространства рассматриваются как качественные трансформационные изменения в контексте социальной динамики общественной системы.

Подчеркнутые автором историчность, конструируемость и открытость профессий, проанализированные ранее через призму методологии П. Бурдье, позволяют в рамках исследования профессионального пространства утверждать наличие условий, оказывающих влияние на его динамику в современной информационной среде. Проведенный анализ информационного общества позволяет сделать вывод о некоторых внешних условиях, определивших трансформацию профессионального пространства: научно-технические изменения, политические установки, социально-экономические процессы. Внешние изменения обуславливают и внутреннюю модификацию профессионального пространства. Изменение значения информации, ее пространственное и временное сжатие воздействует на появление новых элементов профессионального пространства и изменение его статуса, а также – инициирует конфликты между смыслообразующими конструктами профессионального пространства. Основой конфликта является разногласие между существующей социальной моделью профессионального пространства и локальной реализацией профессиональных практик. Информационная среда, с одной стороны, потенциально способна сократить разрыв между социальной моделью профессионального пространства и ее реализацией, но с другой стороны, сама по себе может создавать новые типы разногласий и противоречий из-за асимметрии доступа, фрагментации знаний, возникновения новых профессиональных нарративов и способов поведения, отличных от формальных стандартов.

Трансформация смыслового статуса информации способствует появлению новых элементов профессионального пространства и его принципиальному изменению. Новые элементы имеют неоднозначные коннотации с точки зрения применимости к конкретным профессиональным полям: с одной стороны, они имеют созидательный характер и служат для формирования информационных

потоков, а с другой стороны – предъявляют новые требования к созданию профессионального этоса и профессиональной социализации. Новые элементы не только дополняют социальную модель традиционного профессионального пространства, но и создают его новую «конструкцию», в которой информационные технологии становятся не просто инструментами, но претендуют на определяющую организационную роль, оказывая влияние на саму природу профессиональных взаимодействий.

Глава 2. Динамика профессионального пространства в эпоху информатизации: институциональное и личностное измерения

2.1 Риск-факторы институциональной трансформации профессионального пространства

Особое значение в оценке динамики профессионального пространства имеет его институциональное измерение, предполагающее особый порядок социума, в котором действуют нормы, стандарты, знаки, особые поведенческие практики, которые формируют человека как профессионала.

В профессиональном пространстве институциональное измерение представлено в виде организаций и профессиональных сообществ, как основных элементов порядка, формирующих принципы, нормы, стандарты и содержание той или иной профессиональной деятельности. Порядок профессионального пространства воплощается в форме профессиональной морали, которая состоит из моральных требований, предъявляемых к профессии и налагаемых на всех ее членов, а также этических дилемм, возникающих, когда требования противоречат друг другу или слишком расплывчаты, чтобы служить руководством в деятельности.

В классическом смысле институциональный срез профессионального поля формировался при непосредственном взаимодействии трех основных составляющих. Организационный уровень представлен, с одной стороны, внешними по отношению к профессии институтами (федеральные, региональные, муниципальные управления, комитеты, центры и т.п.) – то, что в конструктивистской методологии П. Бурдьё может быть связано с другими полями, действующими на формирование профессий. С другой стороны, – это внутри-профессиональные институты (например, образовательные организации, а также организации непосредственного выполнения трудовой деятельности и коммуникации) – составляющие физическое пространство влияния.

Второй элемент – это профессиональные сообщества, исторически сформированная роль которых всегда заключалась в развитии и сохранении

основных составляющих профессии. Концепт профессиональных сообществ, являясь достаточно разработанным, может быть определен как «организации или группы людей, которые регулярно вступают между собой в коммуникации в целях обмена опытом и поиска новых подходов к решению профессиональных задач»²⁹⁵. По мнению современных авторов, основные функции профессиональных сообществ, игравших в ряде стран значительную роль вплоть до XX века, могут быть сведены к экономической, образовательной, социально-коммуникативной, регулятивной.

В мировой литературе профессиональные сообщества довольно часто получают название сообществ практики (*community of practice*). Согласно Э. Венгеру и соавторам, - это «группы людей, объединённых общими интересами и опытом, и представляемых как идеальное средство для реализации стратегий управления знаниями и создания устойчивого конкурентного преимущества»²⁹⁶. В данном контексте сообщества практиков можно соотнести с понятием агента, введенному П. Бурдьё в противоположность субъекту. Именно социальные агенты осуществляют системы практик, влияющих на изменение социального порядка. Профессиональное сообщество, по нашему мнению, - это не только отдельный индивид, действующий под влиянием различных диспозиций, но и профессиональное сообщество практики, которое руководствуется нормативными требованиями к профессии, профессионально-этическим содержанием профессии.

Профессиональные сообщества как агенты связывают внешнее физическое поле профессий с его ментальным пространством, позволяющим сформировать систему предрасположенностей, способствующих функционированию отдельного индивида в сфере определенной профессии (что, собственно, и есть габитус в категориальной матрице П. Бурдьё). То есть речь идет о третьем элементе институционального измерения профессионального пространства, непосредственно влияющем на порядок профессионального поля и

²⁹⁵ Хромова Т. С., Шевченко П. В. Роль профессионального сообщества в карьерном развитии молодого специалиста // Наука в Мегалополисе Science In A Megapolis. 2021. № 7 (33).

²⁹⁶ Wenger E., McDermott R. A., Snyder W. Cultivating Communities of Practice: A Guide to Managing Knowledge. Boston MA: Harvard Business Review Press, 2002. 284 p.

воплощающегося в форме профессиональной морали, нормативных требований конкретной профессии. Современная профессиональная этика представляет собой не просто совокупность норм и кодексов поведения для конкретного сообщества профессионалов, но «исторически обусловленный социальный институт, в рамках которого реализуются функции согласования и защиты интересов социальных групп по профессиональному признаку»²⁹⁷. В. А. Бобров, аргументируя институциональность профессиональных норм, акцентирует внимание на формах ее репрезентации: развитие самосознания и моделей карьеры профессионалов, влияние общего контекста социокультурной ситуации, создание организационных структур, кодификация требований к профессии, наличие практик социального признания конкретных профессиональных групп, создание внешней символической самопрезентации, включение в образовательные программы.

Необходимо отметить, что институты вошли в пространство философских дискуссий в эпоху Просвещения. Несмотря на очевидность их существования и важное социальное значение, они вряд ли воспринимались просветителями как объекты для научного исследования. Основоположники методологической революции в науке Ф. Бэкон и Р. Декарт признавали безоговорочную автономию научного исследователя, а апелляция Ф. Бэкона к методу наблюдения элиминировала институты из области эмпирического научного исследования как абстрактные сущности.

Субстанциальный дуализм Р. Декарта имея в своей основе только протяженную и мыслящую субстанции, по сути, сделал институты второстепенными явлениями, не заслуживающими сколь-нибудь серьезного внимания. Картезианская онтология легла в основу индуктивизма, и все идеи философов, отрицающих субстанциальность материи, были объявлены антинаучными. Метафизические дискуссии эпохи Просвещения сводились к утверждению, что индивидуализм согласуется со здравым смыслом и с научным

²⁹⁷ Бобров В. А. Структурная модель профессиональной этики как социального института // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8, № 3 (31). URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/bobrov_va_2020_3_24.pdf (Дата обращения: 15.09.24 г.)

методом, а поскольку теоретические конструкции возможны только на основе индуктивного метода посредством наблюдения, то, следовательно, институты не заслуживают внимания, поскольку они не наблюдаемы.

В XVIII веке исследователи в области политики и экономики избегали обращения к институтам, рассматривая не рынок, а торговлю между индивидами, не государство, а отношения между правителями и управляемыми. Представление о том, что институты выступают в качестве ролевых структур, возникло в начале XX века в социальной антропологии, однако в рамках концептуального анализа данная точка зрения игнорировалась.

Исторические последствия революционного движения во Франции продемонстрировали несостоятельность абсолютизации научных знаний. Романтическое движение в философии выступило в качестве реакции на провал революции и стремилось заменить индивидуализм коллективизмом. Гегелевская философия является ярким примером такого стремления, поскольку он считал государство первичным институтом, а общество – организмом, членами которого являются индивиды. Г. Гегель отдавал приоритет общине перед гражданским обществом и обычаю перед законом, который считал «чистой формальностью». Эгалитаризм эпохи Просвещения философ пытался заменить своей «диалектикой раба и господина», полагая, что «отношение обоих самосознаний, следовательно, определено таким образом, что они подтверждают самих себя и друг друга в борьбе не на жизнь, а на смерть»²⁹⁸. Таким образом, признавая наличие институтов, Г. Гегель существенно ограничивал их роль в обществе.

Представители романтизма как реакционного движения, полагали, что научно-моральный взгляд на социальные науки является слишком абстрактным и оторванным от реальной истории. Начиная с Г. Гегеля в XIX веке и заканчивая Г.- Г. Гадамером в конце XX века большинство придерживалось точки зрения, что социальные науки необходимо заменить политической историей, а от социального прогнозирования в принципе отказаться. Причиной негативного отношения

²⁹⁸ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука., 1999. С. 101-102.

романтизма к социальной теории является ее универсализм и эгалитаризм. Представители индивидуализма стремились предать ценность социальной теории посредством обращения к обсуждению институтов и различных типов человеческого поведения в различных институциональных обстоятельствах, считая, что это поможет возродить социальные науки и вернуть им прежний универсализм.

Дж. Милль был одним из тех мыслителей, которые обратили пристальное внимание на институциональную природу человека и прибегли в своей теории к исследованию институтов. Дж. Милль опирался в своей критике на методологический индивидуализм, который был ближе к подходу, предложенному М. Вебером. Описывая методологический индивидуализм в своей работе «Система логики», он утверждал: «Законы общественных явлений суть законы активных и пассивных проявлений людей, объединенных в общественное состояние. Но люди и в общественном состоянии остаются людьми, а потому их активные и пассивные проявления остаются подчиненными законам индивидуальной человеческой природы. Соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто другое В общественной жизни люди обладают лишь такими свойствами, которые вытекают из законов природы отдельного человека и могут быть к ним сведены»²⁹⁹. Благодаря Й. Агасси данный подход в рамках методологического индивидуализма был назван институциональным индивидуализмом, наряду с психологическим и субъективистским индивидуализмом³⁰⁰.

Институциональный индивидуализм Дж. Милля строится, с одной стороны, на анализе индивидуальных действий, а, с другой стороны, на институциональном анализе, поскольку отдельный человек меняется вместе с социальными институтами. Таким образом, институты необходимо рассматривать в качестве объясняющих переменных наряду с целями индивидов. Именно «институты выступают в качестве причины объяснения поведения людей»³⁰¹. Обращение к

²⁹⁹ Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. М., 1911. С. 798.

³⁰⁰ Agassi J. Methodological Individualism // British Journal of Sociology. 1960. Vol. 11. № 3. Pp. 244–270.

³⁰¹ Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. М., 1911. С. 798.

институтам в процессе социального объяснения имеет два аспекта: во-первых, институциональная среда влияет на индивидуальное поведение, и, во-вторых, действия индивидов, помимо ожидаемых индивидуальных результатов, также имеют непредвиденные социальные последствия.

Серьезный аргумент в пользу изучения институтов в социальных науках был предложен К. Поппером в работе «Открытое общество и его враги». Идея о том, что человеческая природа лишена институционального измерения, поскольку оно апостериорно этой самой природе и создано благодаря ей и может быть объяснено только посредством обращения к ней, подразумевает изначальную досоциальность человека: «...поскольку мы имеем все основания полагать, что человек или, скорее, его предок стал сначала социальным, а затем уже и человеческим существом (учитывая, в частности, что язык предполагает общество). Однако из этого следует, что социальные институты, а с ними и типические социальные регулярности или социологические законы должны были существовать до возникновения того, что некоторым людям нравится называть «человеческой природой» или человеческой психологией»³⁰². И это достаточно сильный аргумент, который мало кто из аналитических философов может отрицать; в дальнейшем данное направление мысли стало одним из тезисов «Философских исследований» Л. Витгенштейна 1953 г.

Сторонников либеральной теории широко критиковали за их точку зрения, согласно которой индивид является конечной единицей объяснения в социальных науках и что социальные институты можно объяснить исключительно с точки зрения действий индивидов. Пытаясь преодолеть подобную критику, К. Поппер отмечал, что «действие, осуществляемое в полном соответствии с замыслом, не создаёт проблемы для науки об обществе»³⁰³. Проблемы, на которые [социальные науки] пытаются ответить, возникают только в той мере, в какой сознательные действия многих людей приводят к непреднамеренным результатам, в той мере, в какой наблюдаются закономерности, которые не являются результатом чьего-либо

³⁰² Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2-х т. М., Т. 2, 1992. С. 111.

³⁰³ Там же. С. 114.

замысла. Если бы социальные явления не демонстрировали никакого порядка, кроме тех случаев, когда они были сознательно спроектированы, то действительно для социальной теории не было бы места и, как часто полагают многие исследователи, все сводилось бы к психологическим проблемам. Только в том случае, если какой-то порядок возникает в результате индивидуального действия, а не задуман кем-то изначально, возникает проблема, требующая теоретического объяснения³⁰⁴.

Теорию спонтанных порядков исследовали многие видные мыслители («эмпирический функционализм» Р. Мертон и теория «структуризации» Э. Гидденса). Его также подробно разрабатывали три крупнейших либеральных теоретика последних трехсот лет: А. Смит в XVIII веке, Г. Спенсер в XIX веке и Ф. А. Хайек в XX веке. Значение теории спонтанных порядков для методологического индивидуализма состоит в том, что она предлагает в качестве альтернативы третий путь между двумя крайностями психологизма и холизма. Представитель методологического индивидуализма с легкостью признает, что «общество» (т. е. социальные институты в целом) возникает в результате чего-то большего, чем просто индивидуальные действия. Также можно утверждать, что институты обладают эмерджентными свойствами – если под ними понимать свойства, возникшие спонтанно, совершенно независимо от намерений отдельных акторов.

А. Ло в своей статье сравнивает теорию спонтанных порядков с теорией конфигурации Н. Элиаса, утверждая, что конфигурации представляют собой «незапланированные, но упорядоченные процессы все более сложных и менее ясных социальных взаимозависимостей и функциональной демократизации»³⁰⁵. Таким образом, он обращается к вопросу о потенциальной возможности субъективной свободы в определении собственного нормативного регулятивного поля, при этом понимая его как обусловленное социальными порядками. «Для

³⁰⁴ Там же. С 114.

³⁰⁵ Law A. Spontaneous order and relational sociology: from the Scottish Enlightenment to human figurations // The Russian Sociological Review 2017. Vol.16. Pp. 14-36.

позиции отдельного человека внутри своего сообщества характерно именно то, что вид и величина пространства выбора, которое открывается отдельному индивиду, зависят от структуры общества и положения общественных дел в том человеческом объединении, в котором он живет и действует»³⁰⁶. Н. Элиас подчеркивает, что такое индивидуальное пространство выбора существует объективно, но при этом указывается на различные исторические формы институционального пространства индивида. «В различных обществах, различных фазах и позициях одного и того же общества индивидуальное пространство выбора является разным по своему виду и размеру»³⁰⁷. Следовательно, институциональное пространство индивида характеризуется исторической динамикой и определяется теми властными полномочиями и социальным статусом, которыми человек был наделен или добился сам.

Таким образом, в современной науке институциональное пространство изучается в рамках целого ряда дисциплин – социальной философии, социологии, экономики, политологии и т. п., все чаще становясь объектом внимания и дискуссий общественных наук. Опираясь на вышеизложенные позиции институционального измерения профессионального пространства последнее можно определить как «объективно и непрерывно существующую, перманентно расширяющуюся сферу образования, реализации и воспроизводства совокупности локализованных институциональных норм, институтов и институциональных процессов, представляющую способ их существования и образующую некий институциональный континуум, характеризующуюся функциональностью, пластичностью, структурностью»³⁰⁸.

Однако, как полагает В. Б. Устьянцев, господствующая в социально-гуманитарном знании традиция научного понимания институциональности человека, связанная с существующими социальными нормами, может быть охарактеризована как довольно схематичный подход: «философская,

³⁰⁶ Там же. Р.17.

³⁰⁷ Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001. С. 83.

³⁰⁸ Коблова Ю. А. Институциональное пространство в предметном поле экономической науки // Экономические науки. 2015. № 1(122). С. 19.

социологическая, правовая методологии чаще всего упускают из виду возможность создания образов институционального человека не только в связи с уровнями организованности социальных сообществ или распространяемых типичных действий, одобряемых системой, но и через отношение к рискогенным ситуациям. Попадая в сложные ситуации, требующие инновационных решений, институциональный человек постоянно сталкивается с рисками, имеющими психологические, социальные последствия не только для него, но и для корпоративных структур, интересы которых он реализует»³⁰⁹. Таким образом институциональное измерение общественных структур предполагает анализ ситуаций, требующих антропогенного вмешательства и разрешения, а также преодоления последствий в результате предполагаемого воздействия неблагоприятных факторов. А. В. Иванов подчеркивает, что исследование самого риска должно осуществляться с позиции социального конструктивизма, поскольку данный феномен представляет собой «продукт взаимодействия различных систем – когнитивных, социокультурных, природных, технических – тесно связан с коммуникативными процессами, а также с особенностью различных ментальных, ценностных и стратегических установок субъектов»³¹⁰. То есть применительно к профессиональному пространству, где особая роль принадлежит субъектам действия, важно учитывать как институциональные, так и субъектные характеристики.

Институциональное измерение профессионального пространства предполагает его исследование в том числе с точки зрения целого спектра рисков, среди которых центральное место занимают институциональные риски. На современном этапе развития общества особое значение приобретает учет тех аспектов, которые влияют на трансформацию институционального поля

³⁰⁹ Устьянцев В. Б. Институциональный человек в рискогенных микроструктурах современного социума // Восток, Запад, Россия: философские и социокультурные основания взаимодействия цивилизаций, Саратов, 28–29 сентября 2016 года / сборник научных трудов. Саратов: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «КУБиК», 2017. С. 70-74.

³¹⁰ Иванов А. В. Коммуникация риска: теоретические основания и современные дискуссии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. № 3. С. 255.

профессионального пространства и могут быть рассмотрены как риск-факторы, актуализирующие возможность изменения как самого субъекта профессии, так и институциональных структур, составляющих пространство профессии.

В данной логике можно отметить некоторый синтез теории социального поля П. Бурдьё и концепции общества рисков. На наш взгляд, динамику и трансформируемость профессионального пространства, рассматриваемых в данной работе с позиции П. Бурдьё, можно анализировать как потенциал для рисков. Сама трансформация может рассматриваться как риск – вследствие непредсказуемости и нелинейности социальных преобразований, влияющих на институциональные и индивидуальные траектории развития.

По мнению В. Б. Устьянцева «институциональные истоки человеческих рисков ... вытекают из стремлений человека как субъекта власти установить жесткий социальный контроль за отклонениями от привычных стандартов, задать регулятивы, уменьшающие неопределенность ожидаемых последствий рискогенных действий. В обществе риска привычная связь индивида и институтов нарушается»³¹¹.

В исследовательской практике распространена теория, согласно которой под институциональным риском понимается вероятность наступления неблагоприятных событий, порождаемых социальными институтами, или вероятность невыполнения определенными институтами своих интегрирующих функций. В первом направлении стоит отметить концепции, связанные в том числе с институционализацией самого риска (У. Бек, Э. Эллиот, Э. Гидденс, О. Н. Яницкий) и процессами, отмеченными изменениями институциональных систем, подменой универсальных управленческих организаций сообществами, которые навязывают экономические или политические цели.

Применительно к анализу институциональных рисков концепция П. Бурдьё может быть проанализирована через призму взаимодействия различных социальных структур, капитала и власти. При рассмотрении различных

³¹¹ Там же. С. 74.

социальных рисков важное значение имеет как физическое пространство, определяющее топологию и воздействие рисков, так социальное пространство. Например, социальная структура может и не производить риски как таковые, однако, их восприятие агентами и осознание последствий значительно связано с их конструированием. Так, объясняя через призму теории социального пространства П. Бурдьё производство экологических рисков К. А. Платонов ссылается на двухуровневую модель их формирования «как опосредованного «побочного эффекта» развития реальности первого порядка за счёт жизнедеятельности людей и управляемого человеком роста производства. В реальности второго порядка формируются представления об экологической ситуации, которые для конкретного человека будут зависеть от характера его деятельности, занятости, сферы интересов и компетенций»³¹². Второй уровень задает вектор реализации габитуса, позволяющего согласно устоявшимся моделям действия применять определенные стратегии и тактики. При этом габитусные установки предполагают, что один риски могут восприниматься как имеющие первостепенное значение, а восприятие других может быть размытым, периферийным или вообще исключенным из осознанной социальной реакции – поскольку согласно приобретенным установкам их опасность приобретает характер определенной «нормы».

Опираясь на методологию П. Бурдьё исследователи анализируют проблемы социального неравенства, то есть стратификационные риски, поскольку социальные позиции определяются не столько индивидуальными характеристиками, сколько системой отношений между агентами. Это, в свою очередь, позволяет проводить исследование рисков, связанных с неравномерным распределением ресурсов, неравнозначностью между социальными позициями агентов взаимодействия³¹³. Впрочем, П. Бурдьё указывал, что в социальной

³¹² Платонов К. А. Социальные последствия экологических рисков для населения промышленного моногорода: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Санкт-Петербург, 2017. 197 с.

³¹³ Батуренко С.А. Социальная стратификация в социологической теории П. Бурдьё // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология И Политология. 2021. Т. 27. № 2. С. 26-43. DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-26-43

действительности классы как таковые не существуют, поэтому вместо классового пространства мыслитель анализирует отношения агентов в социальном пространстве.

Другим примером институционального анализа рисков с учетом методологии П. Бурдьё является сфера науки и образования. В частности, риски, связанные с неравномерностью распределения ресурсов для осуществления научной деятельности, распределения символического капитала между отдельными агентами (учеными, научными группами, научными сообществами), а также — между отдельными регионами и странами. Как пишет в своем диссертационном исследовании И. Г. Неделевская, «неравномерное распределение различных форм капитала, обусловленное спецификой институционального устройства [науки – авт.], способно производить различия в объемах и стратегиях агентов по аккумулярованию символического капитала в дисциплинарном, организационном и профессиональном разрезе»³¹⁴. При этом автор указывает на эвристический потенциал теории П. Бурдьё для исследования проблемы неравенства в науке на самых разных ее уровнях, а также демонстрирует роль различных форм капитала в формировании такого риска как неравенство³¹⁵.

Система образования становится зачастую областью наиболее высокого социального напряжения (или риска), поскольку именно она имеет ресурсы для воспроизводства идеологии, трансляции ценностей, необходимых властным структурам: «чрезвычайно значимая в социальном структурировании символическая власть проявляет себя в модусе символического насилия, понимаемого как навязывание доминантными группами зависимым от них социальным слоям номинаций, ценностей и принципов социального

³¹⁴ Неделевская И. Г. Методология социологического изучения неравенства в науке в контексте теории поля П. Бурдьё : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / Белорусский государственный университет, 2023. 24 с.

³¹⁵ Nedelevskaya I. G. The social topology of science in national and transnational contexts: the case of social sciences // Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2021. № 3. P. 55–63.

структурирования при полном сокрытии или маскировке механизмов скрытого силового воздействия»³¹⁶.

Кроме упомянутых примеров применимости методологического потенциала теории П. Бурдьё для анализа институциональных рисков, можно указать еще на одну достаточно часто анализируемую социальную сферу с позиции теории рисков: а именно рисков, связанных с принятием властных решений. П. Бурдьё также исследует каким образом риски политических решений, зависимые от распределения символических капиталов в обществе, различаются по своему действию в полях властного пространства. Поскольку властное пространство представляет собой достаточно динамичное образование, «динамичное поле сил», и имеет сложную структуру ресурсов, это становится «источником возникновения самых различных рискогенных моделей поведения, не поддающихся однозначной оценке или универсальной минимизации»³¹⁷.

В частности, используя, например, систему образования государство навязывает «легитимную модель конструирования социального пространства, используя при этом средства социального контроля над содержанием образовательных программ, поощрения и субсидирования наиболее успешных агентов системы образования и отсева наименее приспособленных, воспроизводя социальную иерархию в образовательном поле»³¹⁸.

Также в современном исследовательском поле довольно часто обращение к тематике социальных конфликтов и рисков коммуникации, рассматриваемых через призму методологии П. Бурдьё. Логика рассуждения здесь схожа с упоминаемой логикой изучения стратификационных рисков, возникающих между различными социальными слоями. «Конфликты проявляются в разных полях деятельности и обусловлены различием позиций и видов обладаемой собственности [капитала –

³¹⁶ Добрин О.А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции П. Бурдьё // Системная психология и социология. 2019. № 3 (31). С. 113. DOI 10.25688/2223-6872.2019.31.3.10.

³¹⁷ Устьянцев В.Б. Риски в пространстве власти: концепты и проекты // Вестник ВолГУ. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 2 (14). С. 109.

³¹⁸ Добрин О.А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции П. Бурдьё // Системная психология и социология. 2019. № 3 (31). С. 112. DOI 10.25688/2223-6872.2019.31.3.10.

авт.] в соответствии с модальностями восприятия и габитусов»³¹⁹, – по мнению авторов научной работы (К. М. Оганян, К. К. Оганян) категориальный аппарат П. Бурдьё позволяет объяснять природу конфликтов и производящимися ими рисков социальной коммуникации и практики агентов, осуществляемых благодаря габитусу, практическому чувству и стратегиям действия.

Таким образом, понимание концепции институционального риска возможно посредством рассмотрения аналогичного концепта социального риска. В результате растущего последние полвека общественного скептицизма в отношении минимизации последствий и регулирования крупномасштабных социальных рисков научная область анализа рисков превратилась в междисциплинарное исследовательское сообщество, объединяющее технический и социальный научные подходы к анализу рисков.

Стоит отметить, что «теория общества риска согласуется с концептом информационного общества и не противоречит в своих выводах общепринятой теории поэтапной смены общественных отношений»³²⁰. В современной литературе информационное общество довольно часто объясняется как общество риска, что получило определенную популярность среди зарубежных исследователей-гуманитариев в XXI веке³²¹. Информация часто выступает как риск-фактор, оказывающий влияние на динамику социальной жизни.

Понятие риска достаточно амбивалентно, и часто определяется вероятностью наступления неблагоприятных последствий. Хотя в современной науке риск определяется как «многозначный и полисемичный словарь и комплекс практик»³²², связанный с наделением ответственностью за собственные риски всех субъектов социального действия (индивиды, группы, сообщества). Митчелл Дин, исследователь современных социальных процессов, отмечает, что кроме

³¹⁹ Оганян К. М., Оганян К. К. Анализ социального конфликта с позиций конструктивистско-структуралистической методологии Бурдьё // Научные исследования XXI века. 2021. № 2(10). С. 371.

³²⁰ Шепелев И. А. Информационные риски с позиции теории общества рисков: социально-философский анализ // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 12. С. 2713.

³²¹ Pinter R. Conceptualizing Information Society as Risk Society // Periodica Polytechnica. Series «Soc. Man. Sci». 2003. № 1 (11). P. 35-44.

³²² Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах/ Митчелл Дин; пер. с англ. А. А. Писарева; под науч. ред. С. М. Гавриленко. - М.: Дело, 2016.

общепринятого научного употребления риска как неопределенности или неблагоприятного следствия, существует еще один значимый подход, предлагаемый Эвальдом, согласно которому риска как такового не существует: «В самой реальности такой вещи, как риск, не существует. Это исходная точка цепочки, определяющей риск. Риск – это способ или, скорее, набор способов упорядочивания реальности, придания ей исчислимой формы»³²³. Поэтому значение риска должно пониматься в отношении того, с чем он связан и как он интерпретируется в отношении к разным процессам. Автор пишет о необходимости преодолеть нарративы исчислимости или неисчислимости риска – с целью понимания того факта как невычислимое становится вычислимым³²⁴. Основным подходом здесь должно быть сочетание методология анализа общества риска У. Бекон и аналитики управления риском.

С момента своего появления в языке в эпоху Позднего Средневековья, и особенно с развитием теории вероятностей в XVII–XVIII веках, концепция риска стала фундаментальным основанием для принятия решений в условиях неопределенности. Согласно Н. Луману, концепция риска предлагает возможность управлять неудачами при принятии решений предсказуемым и рациональным способом, создавая таким образом ситуацию, когда даже будущие неудачи «рационализируются» в качестве элемента решения³²⁵. Подобная позиция направлена на защиту субъекта, принимающего решения, от будущих неблагоприятных последствий. Данный способ контролирования неблагоприятных последствий посредством рационального подхода, основанного на риске, с одной стороны, предлагает эффективное решение для регулирования А с другой стороны, довольно часто такое решение оказывается иррациональным, например, в результате зависимости от традиций, привычек и давления со стороны властных институтов.

³²³ Там же. С. 419.

³²⁴ Там же. С. 420.

³²⁵ Луман Н. Понятие риска // Thesis, 1994. Вып 5. С. 148.

Понятие риска включает в себя как социальное измерение, так и эпистемическое. При этом социальное измерение связано с различными аспектами последствий принимаемых решений для человека и общества. Социальные риски подвержены различного рода регулированию или управлению с целью сдерживания их потенциально неблагоприятных последствий. В вопросе общественного принятия социальных рисков возникает значительный разрыв между восприятием риска профессионалами, отличающемся рациональностью, и аффективным и предвзятым восприятием непрофессионалами. Различные социальные акторы, такие как средства массовой информации и группы лоббирования, способствуют социальному усилению восприятия риска, приводящему к повышению уровня его влияния на общественное мнение. Институты, регулирующие социальные риски сталкиваются с дилеммой: с одной стороны, регулирование рисков направлено на достижение наилучшего баланса между общественными выгодами и потерями. В процессе принятия данного решения крайне важен экспертный анализ технических рисков, осуществляемый профессиональным сообществом. С другой стороны, общественное недопонимание научных выводов в целом и риска в частности порождает напряженность, характеризующуюся недоверием со стороны общества.

Эпистемическое измерение риска по отношению к профессиональному пространству можно охарактеризовать как научно-обоснованную оценку социального риска, проводимую профессиональным сообществом. В этом аспекте предполагаемое недопонимание риска непрофессионалами иногда называют дефицитом знаний, а более ранние модели информирования о рисках ясно подчеркивали важность корректировки «воспринимаемых рисков» для общественности так, чтобы они соотносились с «реальными рисками» описанными профессионалами. «Главное, что привносит риск в качестве эпистемологического феномена, - это ситуация неопределенности, которая задается субъектом для быстрого преодоления настоящего момента общественного развития»³²⁶. Тем

³²⁶ Ардашкин И. Б. Риск как эпистемологический феномен // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2 (26). С. 66-75.

не менее, дихотомия реального и предполагаемого риска находит свое отражение в дебатах по поводу онтологического статуса риска как социального конструкта.

Указанные различия в понимании риска играют важную роль в процессе интерпретации институционального риска как вторичного, с которым сталкиваются институты, регулирующие социальные риски. Поскольку институты выступают в качестве регуляторов рисков на различных институциональных уровнях, следовательно, их неспособность достичь организационных и политических целей фактически означают, что они не в состоянии держать риски под контролем, становясь объектом общественной критики. Таким образом, термин «институциональный риск» можно охарактеризовать как риск потери легитимности или репутации субъектами управления рисками. Проблема потери репутации связана с разрывом в восприятии риска профессионалами и непрофессионалами: недоверие к институтам управления рисками коррелирует с большинством факторов восприятия риска непрофессионалами.

Репутационные риски отличаются от других категорий рисков по своей социальной конструкции, поскольку они носят искусственный характер, опирающийся на процесс общения. Репутационные риски выступают в качестве рисков субъективного восприятия. Следовательно, нынешняя практика регулирования имеет тенденцию превращаться в «управление рисками всего»³²⁷.

Таким образом, одним из институциональных рисков профессионального пространства становится риск, связанный с общественной оценкой профессионалов и профессионального сообщества. Если рассматривать в целом профессию как социальный институт, как некую систему, способствующую обобщению и передаче профессионального опыта, то основной риск (как в социальном срезе, так и в эпистемологическом) связан с потерей социальной значимости конкретной профессии (репутационный риск) и разрушением созданного профессионального поля.

³²⁷ Гриффин Э. Управление репутационными рисками: стратегический подход. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. 237 с.

Данная тенденция, на наш взгляд, обусловлена не только подчеркиваемой многими исследователями рискогенностью современного общества, но и господством информационных процессов, когда «глобальная деревня» предполагает информационную коммуникацию всех со всеми³²⁸ (М. МакЛюэн). В результате происходит трансформация профессионального пространства. М. МакЛюэн в работе «Галактика Гутенберга» подчеркивает значение электронных средств связи, позволяющих передавать информацию независимо от географического положения человека³²⁹. В профессиональном пространстве, с одной стороны, это означает возникновение новых форм взаимодействия, возникновение цифрового профессионального пространства, а с другой – риск трансформации уже имеющихся профессиональных традиций, сообществ, разрушение основополагающих особенностей и связей внутри профессий.

В информационном пространстве с появлением новых возможностей и инструментов нарушается самоидентичность личности, появляются этические вопросы, связанные с новой моральной ответственностью за репрезентацию человека, пониманием особенностями конструирования цифровой идентичности³³⁰. Человек «являет собой совокупное единство образа и текста и в таком виде предъявляет себя через посредничество своего alter ego - цифрового образа, аватара»³³¹, как сочетание объективного и субъективного, реального и воображаемого, внешнего и внутреннего, то есть репрезентация себя как единства мира виртуальной и реального в сочетании с самосознанием и переживанием образа идеального «Я». На наш взгляд, все перечисленные проблемы справедливы и для сферы профессиональной деятельности человека. Профессиональное пространство становится все более цифровым, заменяя личную достигнутую профессиональную идентичность набором определенных цифровых навыков. «В

³²⁸ МакЛюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / пер. И.О. Тюриной. 2-е изд. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2013. 496 с.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Чубаров И. М., Попова Т. А., Сенцова К. А. Цифровой Другой: проблемы идентичности в парадигме искусственного интеллекта // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 3 (141). С. 1-6.

³³¹ Соловьева Л. Н. Цифровая идентичность как феномен информационной современности // Общество: философия, история, культура. 2020. №12 (80). С. 53-56.

цифровую эпоху под вопрос попадает идея субъектности»³³², - мысль, которая звучала среди ученых и философов начиная со второй половины XX века (М. Фуко, М. Хайдеггер, Р. Барт, Ю. Хабермас). Постструктуралистский концепт «смерти субъекта» инициировал альтернативные социальные конструкты, «в том числе социальные актанты, в принципе не обладающие антропологической или социальной природой»³³³. В результате конструируется не только искусственная личность, но искусственный профессионал, действующий в измененном информационном пространстве.

Таким образом, подчеркнутая амбивалентность информатизации является одним из проявлений институционального кризиса постиндустриализма³³⁴, актуализируя важнейшую рискогенную тенденцию, характерную для институциональной трансформации профессионального пространства – а именно явление депрофессионализации.

Депрофессионализация, по мнению А. Эбботта, выражается в отсутствии контроля над определенным комплексом профессиональных обязанностей³³⁵, провоцируя разрушение институциональных основ профессионального пространства таких как нормы, ценности, традиции, профессиональные стандарты и способствует их подчинению внешним властным структурам без возможности сохранения автономии.

Теоретики депрофессионализации утверждали, что организационная занятость позволяет капиталистам увеличить свою власть над профессиональной рабочей силой, фактически лишая профессионалов возможности контролировать свою деятельность. Теория депрофессионализации сосредоточилась на позиции, что власть и автономия профессионалов будут резко снижаться по мере ослабления статуса и автономности профессий.

³³² Пеннер Р.В. Цифровая идентичность: теория и методология // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2024. №2. С. 100. DOI : 10.55959/MSU0201-7385-7-2024-2-98-113.

³³³ Там же.

³³⁴ Фатеев В. С., Гаркавая В. Г., Корбут Л. В., Тетеринец Т. А., Рожковская Е. А. Риски, связанные с процессами цифровизации и цифровой трансформации в регионах // Риски устойчивого развития регионов: причины, оценка, предотвращение под ред. В. С. Фатеева, В. Г. Гаркавой, Е. А. Рожковской. – Минск: А. Н. Вараксин, 2022. – 236 с.

³³⁵ Abbott A. The order of professionalization. An empirical analysis. *Work and Occupations*. 1991. 18 (4).

Депрофессионализация означает ослабление профессий в результате снижения их автономии, статуса, власти и профессиональной идентичности. Данное понятие можно концептуализировать в соответствие с пятью основными измерениями, которые способствуют стиранию границ между представителями профессии и «чужаками», сопровождаемому падением авторитета профессии:

- 1) автоматизация и алгоритмизация работы и обработки знаний и связанная с этим рутинизация деятельности;
- 2) социальное распространение, демонополизация и фрагментация знаний и конкретных технических компетенций;
- 3) бюрократизация: усиление иерархического контроля и ослабление эффективного самоконтроля поведения посредством добровольных объединений и этических кодексов;
- 4) маркетизация и коммерциализация: сдвиг основной ориентации с интересов сообщества на индивидуальные интересы;
- 5) падение престижа и доверия профессии.

Первый фактор автоматизации работы может быть связан с процессом компьютеризации профессионального пространства. Компьютеризация послужила средством рационализации и бюрократизации, направленными на противодействие автономным, гуманистическим профессионалам, поскольку обеспечивала десакрализацию и кодификацию технических знаний с целью использования непрофессионалами в бюрократических условиях. Так, М. Хауг указывает на данный факт: «Извлечение данных из памяти, а также вычисление и составление отчетов о сложных совместных вероятностях – это сильная сторона современного компьютера, поскольку научные профессиональные знания можно «кодифицировать», разбить на биты, хранить в памяти компьютера и вызывать по мере необходимости. Больше нет необходимости хранить его в головах профессионалов или только в книгах. Таким образом, значительная часть знаний, передаваемых обучающимся специалистам, может стать доступной <...> Доступность этого интеллектуального хранилища уже отняла у профессионала

часть знаний»³³⁶. На рынке труда наблюдается явление поляризации, когда масса производственных работников в первые десятилетия XXI века оказались вытеснены компьютерными технологиями, а рутинная деятельность некоторых специалистов оказалась программируемой.

Второй фактор, связанный с фрагментацией знаний и технических компетенций, обусловлен, на наш взгляд, процессом, который М. Хауг связывает с тенденцией доступности массового образования. Поскольку высшее образование стало доступно гораздо большей части общества, профессиональные знания оказались повсеместно доступны для клиентов и парапрофессионалов. Данная тенденция способствовала снижению авторитета профессионала, сделав его ненужным для значительной части общества, поскольку люди могли заботиться о своих потребностях самостоятельно или с помощью парапрофессионалов, чьи знания базировались на практике и были более обширными (например, практикующих медсестер) благодаря обучению по программам профессионального образования, а также опыту работы с клиентами.

К слову, развитие постиндустриального общества и связанных с ним процессов информатизации потребовали трансформации системы высшего образования и перехода к массовому образованию. Данный процесс сопровождается доступностью высшего образования, формированием мирового рынка образования, девальвацией классического знания, снижением уровня подготовки кадров из-за вынужденного упрощения и массовизации образовательного «продукта».

Следующий аспект, продуцирующий падение авторитета профессии, связан с таким неоднозначным феноменом как бюрократизация. С одной стороны, с наступлением общества риска возникает необходимость в более жестком контроле отклонений от имеющихся в профессии стандартов и норм, утверждении четких регулятивов, минимизации последствия рискованных ситуаций. А с другой стороны, из-за ослабления взаимосвязи между профессионалами и институтами, появляется

³³⁶ Haug M. R. Deprofessionalization: An Alternate Hypothesis for the Future // The Sociological Review. 1972. № 20 (1_suppl). Pp. 195-211. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1972.tb03217.x>

тенденция к усилению воздействия власти на профессиональное пространство индивидов.

Усиление бюрократизации стало заметным во второй половине XX века: по мнению Р. Х. Холла в ходе этого процесса профессионалы включаются в крупные бюрократические организации и становятся элементом их иерархии, теряя значительную часть своей власти и престижа³³⁷. Бюрократизация превращает профессионалов в офисных клерков, выстраивая их иерархически в соответствии с четко определенными функциями, обязанностями и обязательными процедурами. По мнению М. Вебера, бюрократизация является последней стадией деперсонализации³³⁸. Бюрократ следует принципу «без гнева и пристрастия»; он стремится устранить из работы любовь, ненависть и все личные, эмоциональные аспекты, не поддающиеся рационализации. Умение рационально рассчитывать, планировать и осуществлять деятельность считается величайшей добродетелью бюрократа. Такое устранение чувств, подчинение человека «правилам расчета» М. Вебер назвал дегуманизацией³³⁹. Утрата автономии профессии, утрата монополии знаний, деперсонализация в деятельности рассматривается как часть процесса депрофессионализации³⁴⁰.

Бюрократ, в отличие от эксперта, зависим, теряет власть и значимость – имеет ограниченные права принимать решения, формулировать задачи и делегировать полномочия. Те, кто оказался на самом низком уровне, становятся работниками: они только выполняют задачи, но не формируют их. М. Оппенхаймер назвал этот процесс пролетаризацией и сформировал его идеальный тип³⁴¹. М. Оппенхаймер выделил четыре признака пролетаризации: а) мелкое разделение труда, когда рабочий выполняет одну или несколько задач в общем процессе; б) темп работы, характеристики рабочего места, характер продукции, ее применение

³³⁷ Холл Р. Х. Организации: структуры, процессы, результаты [Текст] / Р. Х. Холл; пер. с англ. Е. Нестерова, Т. Принцева ; Под общ. ред. И. В. Андреевой. СПб.: Питер, 2001. 512 с.

³³⁸ Weber M. Bureaucracy // From Max Weber: Essays in Sociology / translated, edited and introduced by H. H. Gerth and C. Wright Mills. London : Routledge, 1948. P. 215.

³³⁹ Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. Illinois: The Free Press, 1947. P. 333.

³⁴⁰ Там же. P.334.

³⁴¹ Oppenheimer M. The Proletarianization of the Professional // The Sociological Review, 1972. № 20(1_suppl). Pp. 213-227. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1972.tb03218.x>.

и условия рынка определяются не работником, а вышестоящими органами (бюрократией); в) основным доходом работника является заработная плата, определяемая рыночными условиями и экономическими процессами, а не индивидуальными прямыми переговорами; г) работник, чтобы защитить свое положение в связи с ухудшением условий жизни и/или труда, прибегает к коллективным переговорам.

Бюрократические структуры приводят к более сильным и многочисленным формам эксплуатации: стоящие выше в иерархии чиновники, руководствуясь логикой рациональности и стремясь к максимально возможной эффективности, регулируют работу до мельчайших деталей³⁴².

Управление разрушает способности и мастерство человека: разделение процесса трудовой деятельности на части, контроль менеджера и корректировка действий лишают профессиональное пространство автономии, знания профессионала становятся бессмысленными³⁴³. Вынужденный повышать квалификацию работник участвует в обучении, приобретает знания, которые в результате приносят только разочарование, поскольку нет возможности их применить. Кроме того, не все знания и навыки, приобретенные в ходе обучения, обоснованно рассматриваются как показатели более высокой квалификации. Например, умение пользоваться компьютером или принтером не означает, что человек стал более умелым – он лишь приобрел механический навык, который используется по инструкции. Такие навыки превращают индивида в работника-производителя, а не в творческого, автономного профессионала. Рабочий отделен от конечного результата своего труда, и таким образом он отчуждается от него, не ценит его как свое творение, как предмет, с которым он имеет некоторую связь³⁴⁴. В отрыве от личного отношения к деятельности работника можно сравнить с рабочим животным. Благодаря такой работе усиливается тенденция к дегуманизации, которая и подчеркивалась М. Вебером³⁴⁵.

³⁴² Там же. Р.213

³⁴³ Там же. Р. 220.

³⁴⁴ Там же. Р. 222.

³⁴⁵ Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. Illinois: The Free Press, 1947. P. 333.

Маркетизация и коммерциализация различных систем и социальных процессов проявляются, прежде всего, в превращении профессиональных знаний в определенный товар (коммодификация) – что является характерной особенностью современного общества потребления. Наиболее характерным примером данного процесса является коммодификация процесса получения высшего образования, когда ценностью становятся не столько знания, а диплом как необходимый элемент будущего трудоустройства³⁴⁶. Поскольку знания, получаемые в процессе образования, становятся товаром, в обществе возникает система предпочтений, которая определяет схемы потребления – то, что в концепции П. Бурдьё определяется как *габитус*³⁴⁷. В условиях цифровизации, как отмечают С. А. Данилов и В. А. Ручин, образование как социальный институт находится в довольно противоречивой ситуации: несмотря на мобильность и доступность образования изменяется его значимость и ценность. «Динамично развиваются риски девальвации образования. Образование десакрализовано и представлено многообразием организаций, проектов, курсов»³⁴⁸. Система знаний, умений и навыков, характеризующих определенную профессию, становится символом конкретных социальных установок и получает соответствующую маркировку, выделяющую эту систему среди других товаров. В методологической терминологии П. Бурдьё институт образования становится довольно частым объектом анализа современных исследователей³⁴⁹.

В совокупности описанные факторы приводят к потере престижа и доверия к профессии. В современном обществе можно наблюдать тенденцию, которую М. Хауг в своих исследованиях описывает как феномен «эрозии» профессиональной автономии, касающийся напряженных отношений между

³⁴⁶ Панькова Н. М., Погукаева Н. В., Халдеева М. А. Коммодификация знания в системе высшего образования // Вестник науки Сибири. 2017. №. 3(26). С. 81-89.

³⁴⁷ Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 43-54.

³⁴⁸ Данилов С. А., Ручин В. А. Рискогенность образования и социокультурный потенциал общества в условиях цифровизации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 10-14.

³⁴⁹ Баранов А. В. Прикладная польза социологии П. Бурдьё для изучения института высшего образования // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2024. № 1-1. С. 153-157.

профессионалами и их клиентами. Профессиональная автономия предполагает свободу профессиональных субъектов определять характер профессиональной деятельности с точки зрения ее формального содержания, критериев качества, входных барьеров, формального образования, механизмов контроля, этики и т.д. Потеря профессиональной автономии обычно рассматривается как отличительная черта депрофессионализации, процесса, в ходе которого профессиональные акторы теряют способность влиять и определять содержание и формы своей собственной работы, а также не могут поддерживать границы своей профессиональной сферы по отношению к другим профессионалам, властям, рыночным силам или др.³⁵⁰.

Тезис о депрофессионализации, хотя и разрабатывался достаточно активно в области социальных исследований, все же был подвергнут критике и поставлен под сомнение. В середине 1980-х годов Э. Фридсон, исследовав идеи о депрофессионализации и пролетаризации, обнаружил, что профессии фактически сохранили свою автономию в обществе благодаря развитию легальных поддерживающих и управляющих структур, и что история о депрофессионализации надумана. Но он видит способы «спасти душу профессионализма». Исследователь предлагает способы, с помощью которых сторонники профессионализма могли бы восстановить часть своего авторитета и заявить эффективную стратегию для выбора социальной политики, которая принесет пользу всем. По его мнению, важно, чтобы профессионалы обладали монополией на определенный объем интеллектуализированных знаний и навыков. Критики профессионализма игнорируют тот факт, что профессионализм также является социальным явлением обучения, развития и применения знаний и навыков, контроля, сертификации, а также поддержки и организации создания и совершенствования знаний и навыков³⁵¹. Кроме того, по мнению Э. Фридсона, важна достоверность профессий, обусловленная профессиональными нормами и кодексами этики. «Если мы хотим, чтобы профессионализм был восстановлен и

³⁵⁰ Haug M. R. Deprofessionalization: An Alternate Hypothesis for the Future // The Sociological Review. 1972. №20(1_suppl). Pp. 195-211. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1972.tb03217.x>.

³⁵¹ Freidson E. Professionalism, the third logic: On the practice of knowledge. – University of Chicago press, 2001. 250 p.

вернул себе часть своего влияния, он должен не только разработать и усовершенствовать свои этические кодексы, но и усилить свои методы вынесения решений и исправления их нарушений»³⁵². Автор различает «практическую» и «институциональную» этику. Первая ориентирована на отдельные профессии. Институциональная этика посвящена «моральной легитимности политики и институтов, которые ограничивают возможность практиковать таким образом, чтобы это приносило пользу другим и служило трансцендентной ценности дисциплины»³⁵³. Эта институциональная этика является наиболее важной, поскольку позволяет самостоятельно выбирать цели деятельности, что выражает саму «душу профессионализма».

Э. Фридсон утверждает, что в конечном счете, будущие общественные интересы должны быть направленными: «обязанность, которая позволяет им быть чем-то большим, чем пассивными слугами государства, капитала, фирмы, клиента или даже широкой публики»³⁵⁴. Таким образом, институциональная этика в отношении профессий должна гарантировать такие нормы, которые, с одной стороны, позволяют ответственно выполнять трудовые обязанности, а с другой стороны – ограничивать казусы и перипетии бюрократических элементов социума. Ценности, положенные в основу такой институциональной этики, должны быть трансцендентными, влияя на техническое содержание профессии: «Профессионалы претендуют как на моральное, так и на техническое право контролировать использование своей профессии, поэтому они должны сопротивляться экономическим и политическим барьерам, которые произвольно ограничивают ее преимущества для других. Хотя они не должны иметь права быть владельцами знаний и методов своей профессии, они обязаны быть их моральными хранителями»³⁵⁵.

Тем не менее, исследование Э. Фридсона было сосредоточено на профессиональных организациях, а не на отдельных специалистах, работающих в

³⁵² Там же.

³⁵³ Там же.

³⁵⁴ Там же.

³⁵⁵ Там же.

учреждениях, и ограничивалось такими профессиями как медики и юристы, исключая анализ полупрофессий, которые имеют гораздо меньше юридического влияния и меньше монополии на знания.

Анализ процесса депрофессионализации под влиянием цифровых технологий как риска трансформации профессионального пространства необходимо дополнить исследованием потенциальных или реальных последствий, ведущих к размыванию основных характеристик профессии.

Так, тенденция к депрофессионализации влияет на динамику роли профессионала внутри учреждений и на напряженность между профессионалами и администраторами. Через призму марксистского подхода профессионализацию и депрофессионализацию рассматривал в своей статье Р. Панди³⁵⁶. Он описал происхождение и структуру напряженности, возникшей между профессионалами и менеджерами в учреждениях. Так, коммерческие структуры экстернализовали затраты на образование, перенеся их на систему государственных университетов, что со временем привело к привитию профессионалам и профессиям заботы о коллективном общем благе. В результате сформировавшейся базы знаний и общественных ценностей профессионала (который, по мнению Р. Панди, является идеологией) он претендует на техническое и моральное превосходство над классом богатых и находится с ним в конфликте. Таким образом, Р. Панди характеризовал активный процесс депрофессионализации, характерный для современного общества.

Данный процесс можно объяснить посредством категориального аппарата марксистской концепции пролетаризации (связанной с последующей теорией депрофессионализации), в которой основной причиной является переход от самозанятости к статусу наемного работника, лишаящего профессионалов независимого экономического положения. Это соответствует пролетаризации ремесленников в раннюю индустриальную эпоху. Описывая современную тенденцию депрофессионализации, Р. Панди писал: «Депрофессионализация

³⁵⁶ Pandey R. Whither Professionalism? // Sociological Bulletin. 1985. № 34(1-2). Pp. 1-38. <https://doi.org/10.1177/0038022919850101>.

влечет за собой размывание характеристик профессии, деквалификацию и классообразование. Процесс депрофессионализации идет всегда: эрозия монополии технических знаний; начало профессиональной ответственности; подозрение в ориентации на сферу услуг; нарушение профессионального этического кодекса; опровержение заявлений профессионалов о том, что они либеральны и гуманны; прекращение контроля со стороны профессионалов; и создание классового антагонизма»³⁵⁷.

Следующее, что необходимо отметить – это тенденцию к ослаблению институциональных связей в профессиональном пространстве современного цифрового общества. Например, появление неэффективных норм и правил, имеющих автономный характер, формальный подход к процессу подготовки профессиональных кадров. Современные исследователи полагают, что «глобальное и бездумное внедрение информационных технологий в профессиональное развитие может привести к множеству проблем и в конечном итоге к серьезному обеднению профессионализма, превратив его из сложного творческого процесса профессионального развития в примитивную, хотя и высокоскоростную, передачу массивов информации, в «операционализм» вместо профессионализма»³⁵⁸.

Также можно обозначить еще одну тенденцию – под влиянием развития информационных технологий происходит смещение профессионального и личного пространства. Наиболее ярко данный процесс проявился в росте платформенного капитализма и возникновении культуры гиг-экономики. На основе этих феноменов формируется новая категория нестандартных работников, так называемых, независимых профессионалов, которые активно стремятся к автономии и свободе выбора на рабочем месте. В этом контексте понятие автономии в профессиональной деятельности становится важной особенностью. Это не только структурный компонент современных рынков труда, часто создаваемый

³⁵⁷ Там же. Р. 27.

³⁵⁸ Tsvyk V. A., Tsvyk I. V. Individual professionalization in information society: challenges and prospects // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Vol. 18. № 3. Р. 418-430.

технологиями, но также результат агентного поиска свободы со стороны индивидов, отвергающих традиционно подчиненные рабочие отношения³⁵⁹.

В результате под влиянием автономизации появляются независимые профессионалы, так называемые *E*-профессионалы, сохраняющие свою профессиональную автономию посредством участия в проектной работе: «общей чертой ее является то, что она напоминает мелкосерийное или ориентированное на клиента производство, поэтому интенсивный контроль часто невозможен»³⁶⁰. Работники, выполняющие проекты, обычно берут на себя ответственность за отдельные, сложные задачи, ограниченные по времени и объему. В подобной ситуации процесс депрофессионализации приобретает противоречивый и скрытый характер, поскольку некоторые базовые основания профессии трансформируются настолько радикально, что их значение в условиях гиг-экономики становится непрозрачным.

Однако, подобная автономия может иметь и обратную сторону, которая никак не связана со свободой самореализации профессионалов в гиг-экономике, а скорее может быть представлена как самоэксплуатация, базирующаяся на добровольных основаниях. Сетевые технологии и цифровые платформы продвигают идею постоянной самооптимизации и становятся высокоэффективной формой доминирования. Б. Хан отмечает, что *e*-профессионал не делает различия между «самооптимизацией и подчинением, свободой и эксплуатацией»³⁶¹. Вместо этого свобода и эксплуатация, самооптимизация и подчинение становятся, по сути, одинаковыми. В гиг-экономике профессионал постоянно испытывает принуждение к самооптимизации, которое представляется как свобода и становится чрезвычайно эффективным. Самоэксплуатация также обеспечивает гораздо более высокую инвестиционную отдачу, чем традиционная эксплуатация. Б. Хан называет общество, где господствует подобная логика, «обществом выгорания», где

³⁵⁹ Han Byung-Chul. Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power. London, UK: Verso, 2017. 96 p.

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Там же.

выгорание является следствием добровольной самоэксплуатации: субъект, который «эксплуатирует себя, пока не сгорит»³⁶².

Таким образом, важнейшая тенденция, актуализированная в результате воздействия процессов цифровизации – стирание границ между экспертами и не экспертами и ускорение динамики дифференциации профессий и представлений о профессионализме. Данный факт приводит к широкой гетерогенности профессиональной идентичности и профессиональной деятельности. Цифровизация усиливает неравенство и актуализирует внимание на процессах гибкости и нестабильности, одновременно открывая новые возможности для трудоустройства или профессиональной интеграции.

Таким образом, можно констатировать, что в процессе формирования современного профессионального поля проявляется еще одна черта процесса депрофессионализации, а именно – деинституализация профессии. Традиционные профессиональные связи заменяются новыми, основанными на информационных технологиях и удаленном взаимодействии работников; происходит виртуализация профессиональной коммуникации, зачастую допускающая анонимность профессиональных агентов. Такие агенты уже не могут продуцировать профессиональную ответственность – в силу деинституционализации профессиональных норм (профессиональной этики), их превращения в гибридный конструкт, который не содержит в себе потенциала обязательности для агентов.

Выводы по параграфу 2.1:

Институциональное измерение профессионального пространства вызывает необходимость его анализа как особого социального поля, представленного организациями, профессиональными сообществами, а также нормами и стандартами конкретной профессиональной деятельности (профессиональной этикой). Институциональное пространство, становясь все чаще объектом внимания и дискуссий представителей общественных дисциплин, может быть охарактеризовано с позиции методологического подхода П. Бурдьё: ему присущи

³⁶² Там же.

постоянное расширение и воспроизводство институциональных норм, институтов и процессов, перманентное конструирование и функциональная трансформация.

На современном этапе развития общества трансформация институционального поля профессионального пространства может быть охарактеризована с точки зрения риск-факторов, продуцирующих изменение как субъекта профессии, так и институциональных структур профессии. При этом центральное место занимает категория «институциональный риск», понимаемый как риск потери легитимности со стороны агентов управления рисками.

В современную эпоху существование профессии как социального института, способствующего обобщению и передаче профессионального опыта, связано с риском потери его социальной значимости и разрушением созданного профессионального поля. Данная тенденция обусловлена господством информационных процессов.

Риск институциональной трансформации профессионального пространства связан, прежде всего, с таким явлением как депрофессионализация, характеризуемой с точки зрения монопольного контроля над совокупностью специализированных знаний. Эта проблема проявляется, прежде всего, в том, что все более образованная общественность требует большей ответственности профессионалов, что обусловлено развитием технологий и доступностью технической информации, которая закрывает «информационный разрыв» между общественностью и профессионалами.

Депрофессионализация связана с автоматизацией и алгоритмизацией в работе, фрагментацией знаний, неоднозначным влиянием бюрократизации, коммерциализацией общественных интересов и как следствие – падением престижа профессии и социального доверия к ней.

Потенциальные последствия депрофессионализации, ведущие к размыванию основных характеристик профессии, в эпоху развития цифровой коммуникации приобретают реальный характер. Данная тенденция влияет на роль профессионалов в организациях и в обществе, приводит к ослаблению институциональных связей, продуцирует смещение профессионального и личного

пространств, приводит к появлению гибридных профессионалов, а также способствуют стиранию границ между экспертами и не экспертами, ускоряя динамику дифференциации профессий и представлений о профессионализме в целом.

2.2. Социально-философские основания динамики профессионального становления личности

Специфика социально-философского анализа профессионального пространства заключается в его интерпретации не только с позиции институционального подхода к самой профессии, но и как системы интеракций между профессиональными субъектами. Такими субъектами могут быть как профессиональная группа в целом (профессиональное сообщество), так и отдельная личность. Напомним, с точки зрения методологического подхода П. Бурдьё коммуникация и в целом взаимодействие возможны только с позиции агентов, формирующих социальный капитал для выполнения определенной деятельности. То есть в этом заключается некоторая ограниченность данного методологического обоснования, несмотря на ранее продемонстрированный потенциал концепции, позволяющей описать профессиональное пространство с точки зрения его трансформируемости.

На наш взгляд, поскольку именно личность является основным субъектом выполнения профессиональной деятельности, обоснованным будет обращение к социально-конструкционистской мысли. Конструкционистская методология корректирует ход исследования социальных полей, заложенных П. Бурдьё, и направляет его к уровню отдельного субъекта для выявления точек нестабильности существующих габитусов, закреплённых на институциональном уровне.

Данный факт обусловлен рядом обстоятельств.

Во-первых, социальное пространство состоит, прежде всего, из более-менее стабильных паттернов взаимодействия (в терминологии П. Бурдьё – габитусов). Учитывая это, оно напрямую зависит от социализации субъекта, то есть освоения субъектом социальной реальности. По этой причине изучение социального пространства не только может, но и должно сопровождаться учетом творческого потенциала, заложенного в самой социализации. Освоение социальной реальности субъектом выражено в понятии жизненный мир. В контексте данного исследования интересной представляется формулировка В. Б. Устьянцева: под жизненным миром

понимается жизненная стратегия субъекта ³⁶³. Социальное пространство, представляемое в данной работе в контексте исследования профессионального пространства, интерпретируется как совокупность всех жизненных миров людей и имеет интерсубъективный характер.

Кроме того, социальный конструкционизм учитывает те причины, по которым общество остается стабильным, а именно – агенты поддержания социальных образцов ³⁶⁴. Агенты поддержания – социальные институты в виде устоявшихся объективных практик поведения и систем ценностей, будь то религия или школьное образование, участвуют в социализации индивида, то есть буквально формируют его представления о мире.

Так, в статье «Общество в человеке» П. Бергер фактически отождествляет освоение социальных ролей и практик с личностным становлением. Социальная личность не является данной устойчивой сущностью, но скорее представляет собой процесс постоянного изменения в каждой социальной ситуации, которая собой представляет ничто иное как сплетение ролей, позиций и траекторий ³⁶⁵. Поскольку становление и развитие профессиональной деятельности происходит в социально-историческом контексте, она может быть представлена как постоянно трансформирующийся конструкт, а личность, выполняющая профессиональные обязанности, устойчиво воспроизводит профессиональные нормы, в то же время создавая и пересоздавая их. Конструкционистский анализ реальности позволяет говорить о профессиональном пространстве как о социальном феномене, который, в свою очередь, невозможен без включения в это пространство личности, осваивающей различные системы сконструированных ценностей.

Профессиональное пространство как социальный конструкт функционирует на основе знаний и представлений людей о характере и специфике данной деятельности; будучи включенными для исполнения и воспроизводства другими

³⁶³ Устьянцев В. Б. Жизненный путь личности: современные проблемы социализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 4(59). С. 18-22.

³⁶⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.

³⁶⁵ Бергер П. Общество в человеке // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 162-180.

членами сообщества, эти когнитивные системы создают фундамент для формирования институциональной структуры профессионального пространства.

Методология, предложенная П. Бергером и Т. Лукманом, основываясь на идее разделения труда, объясняет усложнение профессиональной дифференциации общественных ролей и видов деятельности, появляющихся по мере типизации представлений о специфических социальных задачах, закрытых для неспециалистов: «Но особо нам здесь хотелось бы указать на социальное распределение «специального знания», которое возникает в результате разделения труда и «носители» которого институционально определены»³⁶⁶. Данный процесс возможен только в результате вторичной социализации, к которой, на наш взгляд, относится именно профессиональная социализация и ресоциализация. В результате происходит «интернализация семантических полей», позволяющих выстроить систему знаний, поведения и ценностного поля в отношении конкретной деятельности.

Идея социального конструирования, изложенная П. Бергером и Т. Лукманом, восходит к феноменологическим концепциям А. Шюца, М. Хайдеггера и Э. Гуссерля, а также к работам Р. Фуллера и Р. Майерса, служащих основой концепции ценностного конфликта. Как, например, полагал А. Шюц, «наши знания о мире, как обыденные, так и научные, содержат конструкции, то есть наборы абстракций, идеализаций, особенных для каждого соответствующего уровня организации мысли»³⁶⁷. Применительно к профессиональной сфере реальности человек одновременно принимает неизбежные ее формы и в то же время пытается модифицировать окружающий его мир («жизненный мир» - в терминологии А. Шюца).

Р. Фуллер и Р. Майерс, признавая объективное влияние внешних условий на социальные конструкторы, придавали большое значение субъективному фактору,

³⁶⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности...С. 93.

³⁶⁷ Schutz, A. Collected papers 1: The Problem of Social Reality/ A.Schutz. The Hague, Martinus Hijhoff, 1973. 364p.

имеющему зависимость от когнитивных предпочтений людей³⁶⁸. Причем данные когнитивные предпочтения имеют ценностную природу и детерминируют любые социальные трансформации. Несмотря на то, что авторы размышляют, прежде всего, о социальных проблемах, на наш взгляд, это имеет важное методологическое значение для данной работы: во-первых, изменения, происходящие в профессиональном пространстве, имеют не только институциональную, но ценностную природу; во-вторых, конструирование профессионального пространства зависит от личностно-интериоризированного семантического поля; в-третьих, изменение ценностных профессиональных ориентиров может быть рассмотрено как важная социальная проблема, связанная с риском неопределенности современных профессиональных структур.

Гибридные исследования, посвященные концептуальному аппарату П. Бурдье в преломлении к конструкционистской парадигме, не являются чем-то абсолютно новым и уже имеют прецеденты в работах отечественных ученых³⁶⁹. При этом исследователи подчеркивают методологический потенциал данной теории для анализа различных социальных феноменов и ситуаций. Поскольку для конструкционистов важно, скорее то, что считается социальными проблемами (а не столько объективные факторы, действующие на них), то и при исследовании профессионального пространства, определения его специфики и факторов, влияющих на его трансформацию, значительную роль, на наш взгляд, играют ценностные установки профессиональных субъектов, и, прежде всего – личности.

Ранее уже отмечалось, что в философии социальный конструкционизм восходит к феноменологическим концепциям М. Хайдеггера и Э. Гуссерля, и в большей степени нашел свое отражение в философии языка³⁷⁰. Однако, на наш взгляд в обсуждении проблемы профессиональных ценностей

³⁶⁸ Фуллер Р., Майерс Р. Стадии социальной проблемы // Контексты современности. II. Казань: Изд-во Казанского университета, 2001. 188 с.

³⁶⁹ Куярова П. И. Интерпретация понятия социальный конструкционизм в социологии // Вестник СамГУ. 2007. № 1; Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологи. 2009. № 2. С. 35-45.

³⁷⁰ Челнокова Е. А., Казначеева С. Н., Коровина Е. А., Агаев Н. Ф. Социальный конструкционизм и философия языка // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 12-3. С. 549-552.

конструкционистский подход также может рассматриваться в качестве дискурсивной методологии анализа ценностных трансформаций. Различные ценностные конструкции оказываются тесным образом связаны с легитимизированными со стороны личности и профессионального сообщества ценностно-нормативной системы. То, что считается приемлемым, достойным и ценным, конструируется в социальных взаимодействиях с другими людьми – в том числе посредством языка. Как утверждают современные исследователи «Социальный конструкционизм находится в оппозиции к традиционной для западной философии и когнитивной науки трактовке знания как продукта восприятия и рационального мышления познающего субъекта»³⁷¹. Данное утверждение позволяет анализировать профессиональное пространство как конструируемый феномен, где определяющее значение имеет дискурс между ценностным «я» и другими профессиональными субъектами (в том числе институциональными), предполагающий принципиальный отказ от абсолютных истин и эталонов.

Существенным аргументом конструируемости профессионального пространства выступает взаимовлияние его элементов: институционального измерения, в том числе – функционирования профессиональных сообществ, а также профессионального становления отдельной личности. Напомним, что в концепции П. Бурдьё понятие субъекта/ личности заменяется понятием агента (в качестве попытки преодолеть структуралистский или феноменологический подходы к социальной реальности), что позволяло мыслителю рассуждать о специфическом структурировании и закономерностях такой формы капитала как идеология. «Идеологическое поле является таким же полем, как и любое другое, со свойственным ему соотношением сил и монополиями, борьбой и стратегиями, интересами и прибылями, однако в этом поле все эти неизменные составляющие

³⁷¹ Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 38.

облекаются в специфическую ему форму»³⁷². На наш взгляд, в этом и заключается некоторая ограниченность методологического подхода П. Бурдьё при попытке анализа социальных явлений современного общества, поскольку они представляют собой более сложные социальные конструкты, формируемые под влиянием процессов цифровизации и дигитализации. Агенты «бессознательно» реализуют стратегии действия, поскольку это обусловлено усвоенными ими диспозициями. П. Бурдьё при этом отмечает, что человек в принципе, являясь природным существом, сочетает в себе биологическое и социальное. Но, как подчеркивают современные исследователи, «Бурдьё нигде обстоятельно не анализирует инстинктивное поведение, потребности и мотивацию, сходство между человеком и животными. Он анализирует социальную составляющую человеческого существа»³⁷³.

Стоит отметить, что действия отдельного субъекта в социальном пространстве могут быть обусловлены не только внешними объективными факторами, усвоенными образцами или биологическими ритмами жизни, а через усвоение – изменяться и трансформироваться через интериоризацию норм, ценностей, социальных моделей действия. Несмотря на то, что в разработанной концепции габитуса французский мыслитель упоминает о двух этапах его (габитуса) формирования (первичный – под влиянием семьи, вторичный – под воздействием институтов) – через процесс интериоризации ценностей и норм, тем не менее можно отметить наличие в данной теории представлений о социальных рисках и угрозах идентичности: «Разорванность во времени, предполагающая различие приоритетов, препятствует формированию целостной и внутренне непротиворечивой идентичности»³⁷⁴.

³⁷² Полубояринов А.Р. Идеология в социальном пространстве: характеристика структуры идеологического поля на основе социальной теории Пьера Бурдьё // Социодинамика. 2023. № 4 С. 35-43. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.4.40021.

³⁷³ Парамонова С.П., Мишарин К.Д., Тимербулатова Е.Ф., Шмыков К.Е. Методология анализа личности и общества в работах П. Бурдьё // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2020. №. 2. С. 21.

³⁷⁴ Добринина О. А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции П. Бурдьё // Системная психология и социология. 2019. № 3 (31). С. 110-111. DOI 10.25688/2223-6872.2019.31.3.10.

Современные процессы, связанные с явлением самоопределения и самоактуализации личности, а также обуславливающие их факторы – весьма актуальное направление для научного социально-философского дискурса. Особенно это прослеживается в исследовании профессиональной среды – пространства, в котором личность, осуществляя свободу выбора, проходит процедуру инициации, формируя свой профессиональный этос и характер взаимосвязей с полем деятельности и его субъектами, а также – идентифицирует себя с определенным профессиональным сообществом. «На профессиональное самоопределение личности воздействует ряд факторов экономического, социального, политического, культурного характера (существуют различные их классификации в зависимости от того или иного критерия), механизмы влияния которых достаточно глубоко описаны и проанализированы»³⁷⁵.

Важную роль в данном контексте играет профессиональная социализация, которая формирует профессиональные качества человека и его бытие, связанное с господствующими в профессиональном сообществе ожиданиями, ценностями, убеждениями, обычаями, традициями и неписаными правилами, а также пониманием иерархии и структуры власти, своей ответственности как профессионала.

Посредством профессиональной социализации происходит интериоризация норм, предписаний, стандартов профессиональной деятельности. Кроме того, на наш взгляд, именно профессиональная социализация выступает в качестве фундамента формирования институционального компонента профессионального пространства индивида.

Понятие профессиональной социализации строится на понимании того, что порядок, господствующий в профессиональном сообществе, формирует необходимые для индивида формы социализации, в том числе и профессиональной, понимаемой в качестве процесса усвоения предписаний

³⁷⁵ Этос социальных групп, локальных и профессионально-педагогических сообществ в социокультурном пространстве России XVIII - начала XXI вв : коллективная монография / Ю. Б. Дроботенко, Л. М. Карпова, В. П. Корзун [и др.] - Омск : Омский государственный педагогический университет, 2020. – 136 с.

различных политических и правовых институтов, профессиональной культуры, а также – как объединение способов познания и принципов поведения в единую структуру. В рамках научного анализа профессиональной социализации можно выделить достаточно много подходов в контексте социологической, психологической и педагогической науки. Однако, важное методологическое значение для социально-философского обоснования профессиональной социализации имеют два подхода: структурный функционализм и символический интеракционизм. В рамках первого подхода профессиональная социализация есть результат пассивного усвоения индивидом ценностей и установок профессионального сообщества. Суть данного подхода можно выразить словами Н. Смелзера, определившим процесс социализации с точки зрения «формирования умений и социальных установок индивидов, соответствующих их социальным ролям»³⁷⁶. Применительно к профессии индивид осваивает определенные установки и нормы, выполняя в дальнейшем ожидаемые обществом социальные действия в рамках профессионального поля.

Представители второго подхода полагают, что профессиональная социализация есть процесс, главной характеристикой которого выступает интерактивность, а результатом является профессиональная идентичность. Профессиональные нормы, выступая в качестве символических знаков, воспроизводятся индивидом и понимаются им как специфические знаки, необходимые для успешных взаимодействий внутри профессионального сообщества, то есть происходит профессиональная идентификация³⁷⁷.

С точки зрения Д. О. Труфанова, социализация – «это инструмент включения индивида в различные социальные пространства – организации, группы, сообщества. Условием пребывания индивида в том или ином социальном пространстве является принятие им определенной поведенческой культуры – норм и правил, обеспечивающих социальный порядок и регулирующих социальные

³⁷⁶ Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер; пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С. 652.

³⁷⁷ Емченко А. В., Горбачева Д. А., Ворожейкина О. И. Парадигмальная основа проблемы профессионально-трудовой социализации личности // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2(87). С. 196-198.

процессы в этом пространстве»³⁷⁸. То есть профессиональная социализация анализируется с позиции идентификации индивида с профессиональным пространством, его элементами и способами существования в социальной среде, а также – усвоения нормативно-ценностного содержания профессии, детерминирующего личную деятельность в данном «субсоциальном» пространстве. В свою очередь, в процессе социализации можно выделить, по мнению исследователя, рациональный и иррациональный компоненты. Рациональный компонент предполагает обращение к формализованным в естественном или искусственном языке институциональным выражениям нормативной составляющей культуры. Иррациональный компонент не подлежит непосредственному схватыванию и подразумевает эмоции, ценностные переживания, связанные с физическими, социальными или духовными потребностями.

Выстраивая подобную логику в отношении профессионального пространства, можно предположить, что рациональный компонент профессиональной социализации связан с системой профессиональных знаний и навыков, которые осваивает индивид в процессе вхождения в профессиональное сообщество. С другой стороны, иррациональный компонент предполагает ценностные переживания индивидом своих отношений с реальностью, то есть с профессиональной деятельностью, которую он осуществляет.

Методология социального конструкционизма позволяет рассматривать профессиональное самоопределение и дальнейшую профессиональную социализацию личности как многомерный социальный конструкт. На формирование данного конструкта оказывают влияние самые разнообразные факторы. Е. В. Витенберг выделил три основных группы таких условий, среди них: внеличные, межличностные и внутриличностные факторы³⁷⁹. К первым автор отнес то, что можно назвать физическими условиями трудовой деятельности, ко

³⁷⁸ Труфанов Д. О. Социология: конспект лекций. - Ростов н/Д: Феникс, 2009. С. 125.

³⁷⁹ Витенберг Е. В. Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям. СПб.: Питер, 2004.

второй группе – различные аспекты взаимодействия внутри конкретного социально-профессионального сообщества, третья группа факторов содержит как психологические особенности личности, так и ее когнитивные составляющие. Стоит отметить, что данный подход имеет выраженный психолого-педагогический характер. С социально-философской точки зрения к факторам, обосновывающим конструируемость профессиональной социализации необходимо отнести также влияние институциональных элементов профессионального пространства, процесс интериоризации профессиональных ценностей отдельной личностью, а также ценностные ориентации личности вообще.

Таким образом, становление личности в профессии – это всегда ее «включение» в ценностное поле профессии (т.е. профессионализация). Если рассматривать данный процесс не только как психолого-педагогический или исключительно с социологической точки зрения, но с учетом методологического потенциала философии, то профессиональное становление личности можно проанализировать через призму нескольких основных измерений:

1. Онтологическое измерение.
2. Гносеологическое измерение.
3. Аксиологическое измерение.
4. Праксиологическое измерение.

Онтологическое измерение позволяет представить профессиональное становление личности как некоторую структурную организацию, представляющую собой совокупность «данных, содержащей совокупность объектов, их классов, связей между ними и правил, принятых в данной области»³⁸⁰. Онтологический анализ высвечивает специфику структуры определенной профессиональной сферы и направлен на обнаружение объективного статуса теоретических и идеализированных конструкторов. В отечественной научной литературе в целом можно отметить применимость онтологического подхода в исследовании различных аспектов профессионального пространства или анализе моделей

³⁸⁰ Меньшенина С. Г. Онтологические основы формирования готовности к профессиональной деятельности // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 8 (17). С. 121-123.

профессионального становления специалистов³⁸¹. Так, например, Федоров О. Д., анализируя профессиональное становление педагогов, обращает внимание на сущность, структуру процесса профессионального становления специалистов, ключевые элементы коммуникативные взаимодействия профессионального пространства, - выстраивая таким образом онтологическую исследовательскую модель³⁸².

Й. Сандберг и А. Пиннингтон, изучая профессиональное становление личности, предлагают рассмотреть данный процесс как ее экзистенциальный способ бытия, что выражено в таком понятии как профессиональная компетентность³⁸³. Ссылаясь на М. Хайдеггера и его фундаментальную онтологию, авторы приходят к выводу, что профессию можно рассматривать как человеческий способ бытия-в-мире, где в конкретных способах деятельности обнаруживают себя экзистенциальные маркеры, позволяющие личности понимать и принимать себя в качестве конкретного профессионала (субъекта, выполняющего компетентно определенную работу). То есть речь идет о фундаментальных вопросах сущности и бытия личности в профессии, когда профессиональный опыт становится не просто набором знаний и навыков, а переосмыслением собственной природы, ценностей, отношения к миру и к себе в контексте профессиональной деятельности. Профессиональное становление не просто придает личности новую роль (например, «Я – врач», «я – учитель»), а преобразовывая эту роль в сущность личности, формируя таким образом профессиональную идентичность как неотъемлемую часть индивидуального бытия. Человек становится тем, кем он делает себя в своей профессиональной деятельности: благодаря профессиональному становлению утверждается новый способ быть, существование личности как специалиста. Личность начинает действовать в мире

³⁸¹ Федоров О. Д. Онтологическая модель профессионального становления учителя // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. Т. 1. № 1. С. 43–63; Попова В.В. Онтологическая модель профессионального имиджа // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2014. № 2(92). С. 218-221.

³⁸² Там же.

³⁸³ Sandberg J., Pinnington A. Professional Competence as Ways of Being: An Existential Ontological Perspective // Journal of Management Studies. 2009. № 46(7). P. 1138-1170.

как профессионал, обладая специфической позицией и способностью решать определенные проблемы.

При этом в онтологическом измерении важное значение приобретает взаимодействие с другими субъектами данного пространства: «то, что мы делаем и кем являемся как профессионалы, по большей части определяется теми, с кем мы взаимодействуем в конкретных человеческих способах бытия»³⁸⁴. Ранее, описывая институциональное измерение профессионального пространства, в нашей работе бытие-с-другими было представлено как профессиональное сообщество, объединенное общим ценностно-смысловым полем профессии. *Со-бытие* с другими имеет важное значение в профессиональном становлении личности и в конечном итоге – формировании профессиональной компетентности, как единстве личностного и социального.

Таким образом профессиональное становление связано с фундаментальным выбором жизненного пути, экзистенциального выбора в пользу определенного образа жизни, способа быть в мире, предполагая коренные изменения в самосознании и бытии человека в процессе его профессионального развития.

Гносеологическое измерение профессиональной социализации связано с освоением знаний, навыков и норм профессиональной деятельности. В данном процессе особое значение имеет процесс формирования профессиональной компетентности через осознание внешнего уже созданного мира профессии, и профессионального мышления (через идентификацию личности с определенными нормами и ценностями профессиональной группы). Для личности значимый контекст профессии существует только через субъективное осознание «совокупности критериев, с помощью которых организуется чувственный опыт и передаётся из поколения в поколение в процессе социализации»³⁸⁵. Когнитивный аспект профессионального становления в таком ракурсе может быть рассмотрен через призму феноменологического подхода, с точки зрения которого

³⁸⁴ Там же.

³⁸⁵ Шумилова Е. А., Андреева Е. В. Организационные и содержательные особенности профессиональной социализации личности // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2016. № 3. С. 101-106.

интериоризация знаний и норм происходит при условии признания существования внешней совокупности обуславливающих данный процесс факторов, но субъективное значение имеет только в случае выработки профессионального мышления через осознанное принятие.

Когнитивный смысл профессиональной социализации предполагает ее принципиальную социальную сконструированность, что определяется практиками коммуникации и включенности личности в образовательный процесс – процесс научения профессиональным нормам. Например, в таких традиционных сферах профессиональной практики как медицина профессиональная компетентность (вырабатываемая в процесс профессионального становления личности) понимается как конкретизированная совокупность формализованных научных знаний. В подобных сферах деятельности это представляет собой то, что М. Полани называл явным знанием, одним из видов личностного знания ³⁸⁶. Поскольку профессионализация не может быть просто усвоением объективных закономерностей профессии, но связана с непосредственным личным вкладом и интеллектуальной самоотдачей познающего субъекта, то правомерно предположить актуальность концепции М. Полани применительно к профессиональной социализации личности, где не каждое знание оформляется логически и выражается вербально («неявное знание»). М. Полани настаивает, что неявное знание уже само по себе является личностным по определению. Неявное согласие <...> определяет наше виденье природы вещей и на которые мы опираемся, осваивая эти вещи. Никакой интеллект – ни критический, ни оригинальный – не может действовать вне этой системы взаимного общественного доверия» ³⁸⁷. То есть эта та область является артикулируемой, но невыразимой, поскольку может быть основана на личных переживаниях и впечатлениях. Формальные правила в профессиональном поле безусловно полезны и отражают характер деятельности и уровень социальных притязаний к профессии, однако, не определяют успешность деятельности и самого процесса профессионального

³⁸⁶ Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

³⁸⁷ Там же. С. 276.

становления. Неявное личностное знание противостоит рациональному знанию о профессии, поддающееся концептуализации средствами научной рефлексии.

Большую роль в трансляции неявного знания играет диада «учитель-ученик», или, по-другому, концепт наставничества. Как отмечают современные исследователи передача неявных знаний наставниками имеет большое значение для любой социальной группы, поскольку обновление опыта происходит посредством общения и интерактивных действий, а не остаются фактическим балластом неявных знаний отдельного человека³⁸⁸. Многие исследователи при этом сходятся во мнении, что можно выделить два измерения в передаче неявных знаний: экстернализация и интернализация³⁸⁹. Экстернализация знаний в профессиональной социализации личности – это переход от неявных знаний к явным, а интернализация – противоположный процесс, представляющий собой переход от явных знаний к неявным. Наставник передает знания через рабочие взаимодействия, собственные убеждения и деятельность. Таким образом данный процесс представляет собой диалектический конструкт, воссоздаваемый каждый раз в динамическом взаимодействии наставника и обучаемого (рис. 2).

³⁸⁸ Ritesh C. Tacit Knowledge Transfer in Australian Universities: Exploring the Barriers and Enablers // WSEAS Trans. Adv. Eng. Educ. 2018. № 15. Pp. 7–15.

³⁸⁹ Rosellini A., Hawamdeh S. Tacit knowledge transfer in training and the inherent limitations of using only quantitative measures // Proc. Assoc. Inf. Sci. Technol. 2020. P. 57.; Xu J., Wei X., Hisrich R.D., Yu M. and Li X. Mentoring and Tacit Knowledge Transfer in Novice Teachers From Chinese Middle Schools: Mediating Effect of Job Crafting // Front. Educ. 2022. № 7. Pp. 1-10.

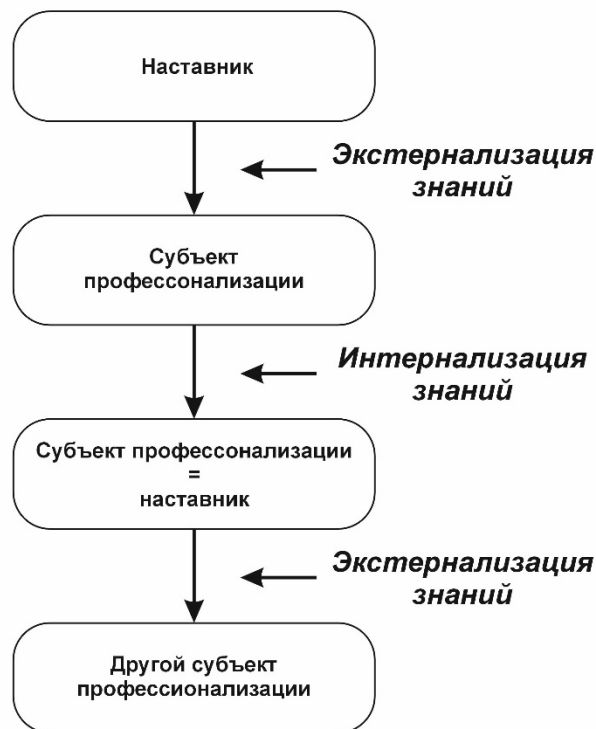

Рисунок 2. Трансляция неявных знаний в процессе профессиональной социализации личности.

Аксиологическое измерение профессионального становления личности акцентирует наше внимание на ценностной составляющей данного процесса, однако непосредственным образом связано с онтологическим и гносеологическим измерениями. Описанный выше процесс передачи знаний имеет эксплицитное отношение к профессиональному этосу, ядро которого составляют профессиональные ценности. Необходимо отметить, что в рамках каждой науки (психологии, педагогики, социологии, философии), предметом интереса которой становится профессиональная социализация личности, аксиологический аспект занимает важное место. Аксиологический анализ подразумевает учитывать:

1) во-первых, внешние и внутренние ценностные факторы, детерминирующие профессиональное самоопределение личности (общечеловеческие и групповые ценности и процесс их личностного освоения);

2) во-вторых, ценностное поле профессионального пространства, предназначенное для личностной интериоризации и складывающееся под воздействием объективных факторов исторического развития конкретных видов деятельности;

3) в-третьих, профессиональные ценности, выработанные в результате экстернализации и интернализации знаний, и реализуемые в дальнейшем в практической деятельности профессионала.

Система ценностных предпочтений определяет содержательную сторону ориентаций личности, представляя фундамент его взаимодействий с обществом в целом, с другими субъектами профессионального пространства, а также взгляд на мир и основу смысложизненных позиций. Конструкционистская парадигма П. Бергера и Т. Лукмана предполагает определение ценностей через призму дотеоретического знания – «то, что знает каждый». Это знание имеет решающее значение для формирования и укрепления институционального порядка профессионального пространства, и представляет собой основу смысловых мотиваций для профессиональной деятельности. В целом, значительное количество исследовательской литературы содержит анализ ценностей как «результата социальной оценки различных фактов реальности, предназначенных для регуляции социальных действий»³⁹⁰. Ценностная система и ее конкретное содержание зависит от исторического периода социального развития и сформировавшихся доминантных типов ценностей.

Так, Т. Парсонс в своей теории действия полагает, что профессиональный выбор личности зависит от ее ценностных ориентаций, определяющих стандарты и модели субъективной деятельности: «Ценности занимают ведущее место в том, что касается исполнения социальными системами функции по сохранению и воспроизводству образца, так как они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулирует процессы принятия

³⁹⁰ Mróz B. Professional competences: Personality and Axiological Model (MOA) in verifying the sense of life quality // Polish Journal of Applied Psychology. 2016. № 14(2). Pp. 113-132.

субъектами действия определенных обязательств»³⁹¹. То есть ценности – это важный элемент в построении профессиональной социализации, если ее рассматривать как трансформирующийся социальный конструкт.

Таким образом, общественные ценности влияют на индивидуальное сознание, выполняя регулятивную функцию поведения личности, и определяют ее целостность. Профессиональный выбор в таком случае становится некоторой «пространственной ориентацией» отдельного индивида в устойчивой системе социально-профессиональных ценностей.

К социально-философским основаниям концептуализации профессионального становления личности относится понимание природы человека вообще. Так, в классической философии (в теоретических построениях Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж. Ж. Руссо, И. Канта) природа человека была связана с его самосознанием и разумностью вообще, что послужило для формирования представлений и об образовательном контексте в жизни человека, развитию идей о правах и свободе. В неклассической традиции XIX века (в философии психоанализа, философии жизни, экзистенциальной традиции) человек понимался как незавершенный и открытый для изменений, то есть появились элементы творческой спонтанности и иррациональности. В XX веке отмечается превалирующее господство социального редукционизма, что определялось успешным развитием естественнонаучного знания (прежде всего, биологии и генетики) – это повлекло за собой совершенно иные выводы о человеческой природе с учетом медико-биологических открытий и разработок в сфере исследования сознания. Данная историко-философская реконструкция позволяет проблематизировать трансформацию аксиологического поля профессии, детерминированного пониманием природы человека; при этом она и имеет методологический потенциал для дальнейшего анализа модификации профессиональных ценностей личности в контексте современных изменений, связанных с цифровизацией общественных структур.

³⁹¹ Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева. Под ред. М. С. Ковалевой. – М.: Аспект-Пресс, 1998. С. 17.

Праксиологическое измерение профессиональной социализации резюмирует описанные выше аспекты, выражаясь в категориях деятельности и поступка. Практико-ориентированный аспект профессиональной социализации сосредоточен на практике и целесообразности профессиональной деятельности, отвечая на вопросы о том, как и каким образом профессиональные социальные нормы, инструменты и процедуры влияют на личность и ее профессиональное поведение?

Праксиологическое измерение позволяет продемонстрировать, что изучаемое явление – это не только процесс, но и механизм, направленный на формирование личностных, социальных и профессиональных качеств специалиста, результирующим вектором которого является онтологически и аксиологически осознаваемая деятельность. К ценностным компонентам практики можно отнести профессионализм, трудовую активность, профессиональное совершенствование, исполнительность и т.п.

Поскольку праксиологический подход подразумевает рассмотрение разных видов деятельности с точки зрения их эффективности, стоит обратиться к пониманию данного аспекта исследования в философии. Считается, что современное значение праксиологии придал французский философ А. Эспинас, впервые обозначивший философию деятельности данным термином (1890 г., в журнале «Философское обозрение»)³⁹². А. Эспинас обосновывает праксиологию и как философию действия, и как экономически обоснованную технологию. При этом технология понималась в самом широком смысле слова, заложенном еще древними греками (в смысле искусных действий, требующих знания, научения и мастерства)³⁹³.

Идея эффективности деятельности также связана с именем американского мыслителя Ч. Пирса, который, анализируя человеческую деятельность, полагал, что она должна осуществляться для преодоления проблемных жизненных ситуаций, в которых находится человек. В противоположность идеям Ч. Пирса его последователь У. Джеймс считал, что в философии деятельности главное внимание

³⁹² Чуешов В. И. Праксиология в зеркале метафилософии // Южный полюс. 2024. № 12(2). С. 101-106.

³⁹³ Espinas A. V. Etude sociologique: les origines de la technologie Paris : Nabu Press, 2014. 306 p.

должно быть сосредоточено не на преодолении неопределенности, а на самом действии, более предпочтительным, чем бездействие ³⁹⁴. Применительно к профессиональной социализации в классическом ее понимании более предпочтительной выглядит концепция Ч. Пирса, поскольку профессиональная деятельность должна быть эффективной в контексте ее включенности в социальное пространство вообще, и служит одним из способов преодоления социальных проблем, а также гарантом научного, технологического, экономического развития общества. То есть профессиональная социализация в праксиологическом контексте до определенного этапа развития общества не может рассматриваться как «действие ради действия». Оно подразумевает повышение эффективности и качества выполнения профессиональной работы. Это включает поиск оптимальных путей достижения целей, использование ресурсов (времени, средств, информации) с максимальной пользой и минимизацией ошибок. Профессиональная социализация направлена на то, чтобы личность стала более производительной и более результативной в рамках своей профессии.

Праксиологическое измерение также подразумевает способность личности оценивать успешность своего профессионального действия, определять, соответствует ли результат ожидаемому уровню качества, и детерминировать свою мотивацию к дальнейшему совершенствованию. Это связывает внешние ожидания (нормы группы, стандарты профессии) с внутренней мотивацией и саморазвитием личности, которое заключается в способности гибко реагировать на профессиональные вызовы, самостоятельно осуществлять выбор и решать задачи, осваивая специфику профессионального поля, и приобретая умение пользоваться инструментальными и организационными инструментами для достижения эффективности в определенных профессиональных средах и ситуациях.

³⁹⁴ Чуешов В. И. Указ.соч.; Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М: Логос, 2000. 448 с.; Джеймс У. Прагматизм: Новое назв. для некоторых старых методов мышления: Попул. лекции по философии / пер. с англ. П. Юшкевича с прил. ст. пер. о прагматизме. Санкт-Петербург: Шиповник, 1910. 237 с.

Праксиологический подход применительно к профессиональной сфере становится предметом анализа в психолого-педагогических науках³⁹⁵. Так, Монаховой Л. Ю. и Федотовой В. С. обосновывается применимость праксиологического подхода в образовательной среде, что является вполне действенным механизмом для описания как деятельности профессионального педагога, так и профессионально-личностных характеристик: «Праксиология раскрывает как оптимальный образ действия, так и необходимый образ мысли о действии. Выполняя функцию методологического ориентира, она помогает педагогу выйти на новый уровень осуществления профессиональной деятельности за счет включения его в иной тип отношений: осознанного конструктивного выполнения действий, направленных на достижение цели с минимальными ресурсными затратами»³⁹⁶.

Праксиологическое измерение тесно связано с онтологическим (сущностные аспекты профессии), эпистемологическим (знание и методы его приобретения) и ценностным (нормы и ценности профессии), так как результаты практической деятельности (ее эффективность и качество) актуализируют формирование экзистенциального бытия профессионала, обоснование его знаний и компетенций, усвоение ценностного поля профессии.

Данная социально-философская модель профессиональной социализации личности позволяет проанализировать ее трансформацию в информационной среде и подчеркнуть сдвиг от традиционных практик (конкретного действия) к постоянному «перепрограммированию» личности в профессиональном контексте.

В онтологическом аспекте профессиональная социализация становится более длительным, непрерывным и субъектно-активным процессом, требующим от личности не только пассивного усвоения знаний, но и активного поиска, адаптации и создания собственных смыслов в условиях динамично изменяющегося профессионального мира. Она выходит на новый качественный уровень, где важен

³⁹⁵ Монахова Л. Ю., Федотова В.С. Праксиоцентризм в профессиональном стандарте педагога // Образование и наука. 2017. № 4. С. 9-38.

³⁹⁶ Там же. С. 12.

не только результат, но и способность к гибкому восприятию реальности и быстрому изменению своей позиции внутри профессии и профессионального пространства в целом.

В гносеологическом контексте трансформируется традиционная система трансляции знаний. Классическая модель, где знания и навыки передаются через формального наставника или узкую группу экспертов, дополняется (и во многих случаях заменяется) доступом к глобальному потоку информации, онлайн-курсам, виртуальным сообществам интереса и платформам для совместной работы. Профессиональная социализация становится более автономизированной, индивидуализированной и требует от личности навыков самоорганизации, критической оценки информации и способности сочетать разнообразные источники знаний. Таким образом происходит «сдвиг» от классического концепта «учитель-наставник» к концепту «модератор», а в ряде случаев – к бессубъектным цифровым алгоритмам.

Многие этапы социализации могут сокращаться, становиться параллельными или выходить за рамки формальных образовательных программ. Процесс социализации профессионала становится более динамичным, но требует высокой готовности к адаптации и способности к *«lifeline learning»*; появляются специфические метакомпетенции для работы с потоком информации и технологическим прогрессом.

В аксиологическом аспекте социализации изменения происходят в плане расширения и усложнения доступа к нормам, ценностям и моделям профессионального поведения. Личность имеет доступ не только к устоявшимся профессиональным нормам через формальные каналы (система традиционного образования, курсы), но и к огромному количеству разнородных мнений, практик и сообществ в глобальной сети. Возникает множество точек соприкосновения с «профессиональным языком», кодексами этики и моделями поведения.

На праксиологическом уровне социализации цифровые изменения профессионального пространства отражаются на усложнении социального контроля и регуляции профессионального поведения субъектов. Процесс

социализации может включать элементы самодисциплины и взаимодисциплины (например, через отзывы и оценки), а также новые вызовы в регулировании онлайн-поведения. Возникает новый вид праксиса, специфичного для виртуального пространства: социализация происходит не только в рамках традиционного институционального поля, но и в рамках различных онлайн проектов и новых локальных сообществ, существующих как виртуальные локусы, детерминирующие особые для онлайн-пространства способы взаимодействия, знания и задачи.

Таким образом, напомним, что методологическое соединение концепции П. Бурдье и социального конструкционизма позволяет нам описать профессиональное пространство, во-первых, с точки зрения его трансформируемости, а, во-вторых, при непосредственном участии человека как личности, проходящей разные грани профессиональной социализации. В концепции П. Бурдье основной единицей анализа, позволившей упорядочивать разные социальные взаимодействия, стал габитус. П. Бурдье, настаивая на том, что профессия не более чем совокупность отношений между людьми, не учитывает то, как даже сконструированная профессия рассматривается индивидом³⁹⁷.

Выводы по параграфу 2.2

Анализ профессионального пространства через призму конструкционистского подхода позволяет не только рассматривать его как социальный феномен, но и с точки зрения включенности в это пространство конкретного субъекта – личности, осваивающей различные системы сконструированных ценностей.

Фундаментом формирования профессионального пространства выступает процесс профессиональной социализации, связанный с «включенностью» индивида в ценностное поле профессии. Методология социального конструкционизма позволяет рассматривать профессиональное самоопределение и дальнейшую профессиональную социализацию личности как многомерный

³⁹⁷ Аленин П. Н. Оценка влияния процесса цифровизации и новейших технологий на структуру профессионального пространства в современном информационном обществе // Общество: философия, история, культура. 2024. № 9. С. 51–57.

социальный конструкт. С философской точки зрения профессиональное становление личности можно проанализировать через призму нескольких основных измерений: онтологического, гносеологического, аксиологического, праксиологического.

Онтологический анализ высвечивает специфику структуры определенной профессиональной сферы и направлен на обнаружение объективного статуса теоретических и идеализированных конструктов. То есть речь идет о фундаментальных вопросах сущности и бытия личности в профессии, когда профессиональный опыт становится не просто набором знаний и навыков, а переосмыслением собственной природы, ценностей, отношения к миру и к себе в контексте профессиональной деятельности.

Гносеологическое измерение профессиональной социализации связано с освоением знаний, навыков и норм профессиональной деятельности. В данном процессе особое значение имеет процесс конструирования профессиональной компетентности через осознание внешнего уже созданного мира профессии, и профессионального мышления.

Аксиологический анализ профессионального становления личности акцентирует внимание на ценностной составляющей данного процесса и включает в себя: внешние и внутренние ценностные факторы, влияющие на профессиональное самоопределение; ценностное поле профессионального пространства, предназначенное для личностной интериоризации и складывающееся под воздействием объективных факторов исторического развития конкретных видов деятельности; профессиональные ценности, выработанные в результате экстернализации и интернализации знаний.

Праксиологическое измерение профессиональной социализации резюмирует остальные аспекты, выражаясь в категориях деятельности и поступка, и позволяет продемонстрировать, что изучаемое явление – это не только процесс, но и механизм, направленный на формирование личностных, социальных и профессиональных качеств специалиста, результирующим вектором которого является онтологически и аксиологически осознаваемая деятельность.

Данная социально-философская модель профессиональной социализации личности позволяет проанализировать ее трансформацию в информационной среде и подчеркнуть сдвиг от традиционных практик (конкретного действия) к постоянному «перепрограммированию» личности в профессиональном контексте.

2.3. Модификация профессиональных ценностей личности в условиях цифровизации

Трансформация профессионального пространства в информационном обществе (под влиянием процессов информатизации и дигитализации) происходит не только в институциональном плане, но в отношении личностного понимания включенности в профессиональное поле. В исследовательском поле социальной философии проблему становления личности как субъекта-профессионала в результате влияния цифровых трансформаций исследует А. А. Залевская, осмысляющая в своем диссертационном исследовании и научных работах происходящие изменения в профессиональной деятельности личности, которая уже «не подчиняется прежним критериям успешности и профессионализма»³⁹⁸. Основным риском влияния процесса цифровизации автор считает рост зависимости человека от цифровых технологий в профессиональной деятельности: профессиональный успех больше не определяется исключительно пространством индивидуальности, а требует набора специализированных цифровых знаний и компетенций, предъявляя новые требования относительно готовности субъекта к профессиональной деятельности в целом³⁹⁹.

Современная профессиональная реальность должна быть осмыслена в контексте влияния цифровизации на все сферы жизни. Цифровые инструменты встраиваются в новые способы осуществления профессиональной деятельности, сотрудничества и общения в профессиональном пространстве. Понимание современных процессов, связанных с депрофессионализацией (описанные в предыдущем параграфе) в отношении к личности также должны быть рассмотрены в контексте рискологической парадигмы, поскольку влияние данного процесса на совокупность транслируемых личностью профессиональных ценностей – не так однозначно.

³⁹⁸ Залевская А. А. Профессиональная деятельность личности в условиях цифровизации общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2023. №. 3(130). С. 14.

³⁹⁹ Залевская А. А. Риски цифровизации в становлении профессиональной субъектности личности // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 99. № 4. С. 20. doi: 10.18522/2070-1403-2023-99-4-17-23.

Число задач, выполняемых с помощью информационных систем, для многих рабочих функций значительно возросло, а появление интеллектуальных устройств существенно повлияло на рабочие процессы. В современной исследовательской литературе информатизация применительно к профессиональному пространству личности оценивается как амбивалентный процесс. Данная неоднозначность может рассматриваться, с одной стороны, в отношении социальных последствий, изменяющих институциональную структуру профессиональных групп; а с другой, стороны – даже с учетом положительной оценки цифровизации – как риск трансформации ценностного поля профессии, то есть усваиваемых и транслируемых личностью профессиональных ценностей.

Цифровизация способствует развитию общества, упрощает разные процессы, но при этом происходит снижение числа компетентных специалистов, готовых применять на практике результаты дигитализации, возрастают процессы неравенства среди профессиональных групп и актуализируется безработица как социальная проблема⁴⁰⁰. Современные исследователи показывают, что роль цифровых технологий в трансформации профессионального пространства может носить парадоксальный характер: они, с одной стороны, обеспечивают гибкость и независимость специалистов, но с другой – создают ограничения и зависимости. Несмотря на планомерный характер процессов цифровизации, резкий скачок произошел в 2020 году в результате влияния пандемии COVID-19, что привело к значительным изменениям в субъективной трудовой деятельности. Удаленная, мобильная работа, в частности работа на дому, стала единственным вариантом для многих организаций и их сотрудников. В связи с этим большое значение приобретают навыки, связанные с владением цифровыми технологиями – то, что позволяет индивиду быть включенным в новое измененное профессиональное пространство.

Помимо основных видов капитала, выделенных П. Бурдьё, на уровне личности большое значение приобретает такой капитал как цифровой,

⁴⁰⁰ Ярмач В. Е. Осмысление цифрового капитала как фактора трансформации профессиональных сообществ // Дискурс. 2023. Т. 9. № 2. С. 93-102.

актуализация внимания к которому произошла, очевидно, под влиянием цифровизации. Современные исследователи по-разному рассматривают данный феномен. Например, в понимании В. Е. Ярмач «цифровой капитал определяется как совокупность цифровых компетенций, ресурсов и средств, позволяющих повысить личную результативность в процессе деятельности, а в конечном итоге способствующих успешной социализации индивида в цифровом обществе»⁴⁰¹. То есть, с одной стороны, данный вид капитала имеет значение для различных видов деятельности современного человека в целом. С другой стороны, цифровой капитал можно рассматривать в контексте применимости к профессиональной деятельности и в этом смысле – компетентности специалиста. Так, С. Пак понимает цифровой капитал как механизм взаимодействия личности и цифровых технологий с точки зрения его влияния на профессиональную деятельность⁴⁰². Способность адаптироваться к новой технологической среде и то, как человек принимает ее – становится очень важным для благополучия и качества жизни, и только эффективное взаимодействие с цифровыми технологиями принесет человеку определенную пользу. То есть овладение / не-овладение этим видом капитала знаменует цифровой разрыв и цифровое неравенство в доступе к определенным видам деятельности. Цифровой капитал становится фактором трансформации профессиональных установок субъектов профессиональной деятельности, описывающим комплекс ресурсов, навыков, данных и онлайн-присутствия, которые формируют и поддерживают профессиональную репутацию и возможности индивида в цифровой среде.

Овладение / не овладение цифровым капиталом акцентирует внимание, на наш взгляд, на одной из главных проблем современной социальной философии – изменение структуры социальных отношений и векторов дальнейшего развития больших социальных групп, демаркационной линией между которыми становится способность к гибкости и адаптации в процессе интеграции цифрового капитала в личностное профессиональное пространство. «NBIC-технологии, прежде всего,

⁴⁰¹ Там же. С. 96.

⁴⁰² Park S. Digital capital. London: Palgrave Macmillan, 2017. - 260 p.

общий искусственный интеллект и большие данные, совмещенные с интернетом вещей, приведут в ближайшем будущем к разделению общества на две большие группы людей: группу креаторов, прогрессоров, техно-пассионариев и группу пассивных потребителей технологических новшеств»⁴⁰³.

Тем не менее, следует понимать, что цифровой капитал личности – это актив, который требует осознанного управления, не менее важного, чем традиционный профессиональный опыт и знания. Являясь важным элементом стратегии карьерного роста в цифровой эпохе, он неизбежно связан с идентификацией личности в цифровом пространстве и ее репутацией.

В целом, можно отметить следующие положительные и негативные измерения влияния процесса информатизации на личностную идентификацию с конкретным профессиональным пространством.

1) *Социальная дистантность как эффективное преимущество?*

Социальные коммуникации индивида в результате информационных процессов оказываются ограничены социальной дистанцией, что изменяет как профессиональное пространство индивида, так и социальное. Еще Г. Зиммель отмечал, что социальное дистанцирование создает не только порядок, но и социальную форму коммуникаций в социуме. Индивид попадает в новые условия жизни, к которым он вынужден адаптироваться, а дистанция становится не столько ограничением, а преимуществом, поскольку становится возможным дистанционное осуществление трудовой деятельности⁴⁰⁴. То есть новейшие технологии создают более благоприятные условия для профессиональной деятельности человека, тем самым давая ему новые возможности в рамках профессии. А с другой стороны, современный человек живет в новой социальной реальности, в довольно разобщенном пространстве, которое закрепляется социальными сетями, выбранным контентом и потоком информации. «Сегодня большинство населения живет в индивидуальных информационных пузырях,

⁴⁰³ Лауфер К. М. К вопросу о развитии человека в эпоху искусственного интеллекта // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2025. № 1(44). С. 51.

⁴⁰⁴ Зиммель Г. О скрещении социальных кругов // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996. С. 410–428.

закапсулированное изначально выбранными темами интересов»⁴⁰⁵. В профессиональном плане это схематизирует траектории личностного развития, а также влияет на непосредственный профессиональный обмен знаниями и умениями, определяя контекст эпистемологического измерения профессиональной социализации личности.

2) *Новые способы личной цифровой идентичности в профессиональной среде.*

Благодаря персонализированному использованию смартфонов подчеркивается особый статус индивидов в личном и профессиональном пространстве, создавая определенную недоступность для социального окружения (друзей, коллег и членов семьи). Более того, в последние годы наблюдается значительное расширение применения различных программных приложений, в частности социальных сетей, выступающих идеальными инструментами формирования рабочих отношений для специалистов, которые заняты в интеллектуальной сфере⁴⁰⁶. В профессиональной среде личная цифровая идентичность принимает новые формы, которые выходят за рамки традиционного резюме или корпоративного профиля. Данные способы не только демонстрируют компетенции, но и создают многогранное представление о личности, её ценностях и возможностях в цифровой экономике; например, цифровые портфолио, профили на профессиональных платформах, цифровые персональные презентации и бренды (Digital Persona, Personal Branding), онлайн-репутации, цифровые системы верификации, Open Data – активность, интеграция с «Интернетом вещей».

Современные исследователи обращают внимание на такую особенность личной идентичности в цифровой среде, которая связана с неспособностью «влиять на собственную цифровую идентичность, так как во многих случаях в ее формировании принимают участие другие люди и компьютерные системы»⁴⁰⁷.

⁴⁰⁵ Лауфер К. М. К вопросу о развитии человека в эпоху искусственного интеллекта // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2025. № 1(44). С. 61.

⁴⁰⁶ D'Arcy P. CIO strategies for consumerization: The future of enterprise mobile computing: Dell CIO Insight Series. 2011. Pp. 1–15

⁴⁰⁷ Крайнов А. Л. Проблема формирования цифровой идентичности в цифровом обществе // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2024. № 2 (42). С. 12.

А. Л. Крайнов предлагает выделить таких участников формирования идентичности как автор, автоматические системы обработки данных, программисты и искусственный интеллект.

Взаимодействие этих «субъектов» детерминирует различия между собственной цифровой идентичностью (аутоидентичность) от гетероидентичности той же самой личности. В результате появляется множество практик идентификации себя, требующих учитывать гетерогенные представления и цифровые образы определенного субъекта, их влияние на образ самого себя. В профессиональном пространстве аутоидентичность связана с индивидуальными представлениями о своих компетенциях, достижениях, ценностях, уникальном вкладе в профессиональную деятельность, позиции в конкретной сфере деятельности. Цифровые элементы профессионального поля (рассмотренные ранее) определяют личную готовность формировать свои идентификационные маркеры посредством цифровой среды, рефлексивное отношение к себе в профессии и профессиональному пространству в целом, стимулирует конкуренцию и развитие компетенций.

Гетероидентичность в профессиональном контексте включает в себя внешние ожидания, репутацию, признание, статус, соответствие профессиональным стандартам и нормам, отзывы, количественные параметры эффективности, то есть «внешний образ» профессионала. Цифровая среда повышает прозрачность современных специалистов: многие аспекты гетероидентичности оказываются стандартизированными и публичными. Даже без формального образования или традиционного опыта, цифровое присутствие может формировать гетероидентичность. Это то, что выражается в емком *soft skills*, качествах и атрибутах личности, которые определяют ее способность эффективно взаимодействовать с другими в процессе выполнения профессиональных задач. В отличие от профессиональных умений (*hard skills*), они связаны с тем, как человек мыслит, общается и адаптируется к изменениям под влиянием дигитализации.

Под влиянием цифровой среды аутоидентичность профессионала становится более инструментализированной и демонстрируемой, тогда как

гетероидентичность становится более измеримой, мультимедийной и глобальной. Профессионал вынужден постоянно конструировать себя как с точки зрения самовосприятия, так и посредством контроля внешних проявлений и оценок в постоянно меняющемся цифровом профессиональном пространстве.

3) Личная профессиональная мобильность (топономическая и хронологическая)

Сложные мобильные устройства позволяют индивиду выполнять интеллектуальную работу в любое время и в любом месте. Это не просто расширяет границы профессионального пространства, но во многих случаях устраняет различия между «рабочим местом и местом, отличным от работы»⁴⁰⁸. Фактически появляется все больше работников, положение которых в современном профессиональном пространстве характеризуется как «цифровой нomaдизм», предполагающий участие в трудовой деятельности в разных местах в зависимости от наличия ресурсов, необходимых для ее выполнения⁴⁰⁹. Цифровое кочевничество в некотором смысле может быть интерпретировано как новая форма идентичности личности, реализующаяся в перманентном конструировании образа, жизненных событий и ауто- и гетеро- нарративов. При этом «электронный / цифровой кочевник преломляет в себе коллективные черты, заложенные в социальных моделях»⁴¹⁰. В профессиональном пространстве, как и в социальном в принципе, могут стираться границы между физическим и виртуальным пространствами; в результате огромные потоки информации приводят к поверхностному ее восприятию, а мобильность «электронного кочевника» приводит к постоянной смене алгоритмов деятельности, профессиональной пассивности и отчужденности от профессии. Профессиональная отчужденность – современный феномен, распространяющийся вследствие влияния дигитализации, когда личность не идентифицирует себя с традиционно сложившимся полем профессии (включая эпистемологические,

⁴⁰⁸ Arnold M. On the phenomenology of technology: The "Janus-faces" of mobile phones // Information and Organization. 2003. Vol. 13. № 4. Pp. 231–256. [https://doi.org/10.1016/S1471-7727\(03\)00013-7](https://doi.org/10.1016/S1471-7727(03)00013-7).

⁴⁰⁹ Carvalho A. F. P. de Technologically-mediated nomadism in academic settings: Tm-N as a dynamic and emergent process : Doctoral Thesis. Limerick, University of Limerick, 2013.

⁴¹⁰ Яковлева Е. Л., Дарчинов Э. В. Специфика коммуникации электронного / цифрового кочевника и мифодизайн // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2021. № 2(32). С. 26.

ценностные, структурные, практические компоненты), фрагментарно включаясь в некоторые схемы деятельности, только отчасти свидетельствующие о «профессиональном выборе».

Однако, цифровой нomaдизм воспринимается неоднозначно не только в научной литературе, так и в социальных оценках со стороны общества. Например, отмечается, что данное явление (выступившее следствием профилактических мероприятий в период пандемии) создает предпосылки для стирания индивидуальных границ между работой, домом и путешествиями⁴¹¹. На наш взгляд, данный факт актуализирует проблему трансформации профессионального пространства, изменения его содержательной стороны, главным образом ценностного поля профессии, являющегося своеобразным вектором, направляющим индивида в конкретной деятельности. В результате современная профессиональная жизнь может быть охарактеризована с точки зрения неопределенности, значение которой отметил еще З. Бауман в работе «Текущая современность»: «место работы воспринимается как палаточный лагерь, где человек остановился здесь лишь на несколько дней и может покинуть его в любой момент, если предлагаемые удобства не предоставлены или не неудовлетворительны»⁴¹². Мобильность, являясь устойчивой характеристикой современной профессиональной жизни, не может гарантировать наличие столь же устойчивой системы значимых ценностей, определяющих профессиональное пространство личности.

4) *Стирание границ профессионального и личного пространства.*

Влияние цифровизации не оставляет сомнений, что появление мобильных и цифровых технологий, как условия развития информационного общества, является решающим фактором размывания границ между профессиональным и личным пространством: «Постоянная связь, обеспечиваемая информационными и

⁴¹¹ Ehn K., Jorge A., Marques-Pita M. Digital nomads and the COVID-19 pandemic: Narratives about relocation in a time of lockdowns and reduced mobility // Social Media + Society. 2022. Vol. 8. № 1. <https://doi.org/10.1177/20563051221084958>.

⁴¹² Бауман З. Текущая современность / пер. с англ.; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. С. 161.

коммуникационными технологиями, вторгается в личное пространство людей»⁴¹³. Рабочие инструменты (ноутбуки, смартфоны, облачные диски, медиа-устройства), проникая в личную жизнь, позволяют быть включенным в поле профессиональной деятельности, однако способствуют размыванию параметров между традиционными ролями, выполняемыми личностью, т.е. ожидания от каждой роли могут не только пересекаться, но и конфликтовать. Присутствие в социальных сетях, мессенджерах и на деловых площадках становится стандартом для поддержания видимости и связи как профессионала; Эта «активность» может превращаться в профессиональное требование, даже если формально человек не осуществляет никакой видимой деятельности – таким образом стираются и временные границы профессионального хронотопа.

Социальными последствиями этого может быть трансформация семейных структур и появление новых форм семейного взаимодействия с учетом домашней удаленной работы; возникновение новых форм регулирования труда (например, *sprint*); дополнительные формы трудовой эксплуатации. Цифровизация не просто «расширяет» границы профессионального пространства за счет личного, она трансформирует их природу: традиционная демаркация уступает место непрерывному взаимодействию и смешению потоков информации, задач и социального взаимодействия, что влияет на самоидентификацию личности и способы организации общественной жизни в целом.

На наш взгляд, описанные явления могут характеризовать профессиональное пространство как одно из «комплексных социальных пространств», в котором взаимодействующие акторы «могут быть физически удалены друг от друга на большие расстояния и действие которых распределено в физическом пространстве, занимаемом сетью»⁴¹⁴. И действительно, комплексность профессионального пространства эксплицируется потерей локусов коммуникации, действия и

⁴¹³ Ayyagari R., Grover V., Purvis R. Technostress: Technological antecedents and implications // MIS Quarterly. 2011. Vol. 35. № 4. Pp. 831-858. <https://doi.org/10.2307/41409963>

⁴¹⁴ Ходыкин А. В. Трансформация пространственности и появление комплексных социальных пространств // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2021. № 4(34). С. 45.

дихотомии «ближнего» и «дальнего» (размывание пространственно-временных дистанций).

В совокупности продуцирует проблему, связанную с поиском новых решений в стратегиях профессиональной деятельности, создания новых профессиональных норм и ценностей, предполагающих не только физическую регуляцию, но и регуляцию онлайн практик.

5) *Минимизация возможностей человеческого интеллекта.*

В исследовательской литературе все чаще возникают опасения по поводу человеческого потенциала в сравнении с искусственным интеллектом: «мы, возможно, вступаем в область, в которой человеческие слабости начинают замедлять прогресс цифровых технологий»⁴¹⁵. Это означает, с одной стороны, безусловное признание преимущества цифровых технологий, а, с другой стороны, актуализирует проблему социальных ожиданий в отношении конкретных профессиональных групп и проблему распределения ответственности за выполняемые действия.

В условиях цифровизации человеческий интеллект сталкивается с беспрецедентными возможностями, но с и новыми ограничениями, что требует переосмысления как природы интеллекта, так и его роли профессиональном пространстве. С одной стороны, можно утверждать повышение продуктивности, доступ к образовательным платформам, расширение эпистемологических горизонтов (доступ к глобальному контексту и синергия интеллектов), поддержка гиперкоммуникации, наличие потенциала для креативности; но с другой стороны, – существование когнитивной перегрузки, отсутствие глубокой концентрации, нивелирование «интеллектуальной гигиены», поверхностное фрагментарное восприятие, алгоритмическое фильтрующее мышление (утрата критичности). То есть цифровизация предоставляет потенциальные возможности для усиления интеллекта и его перераспределения, однако она также создает риски, связанные с

⁴¹⁵ Tarafdar M., D'Arcy J., Turel O., Gupta A. The dark side of information technology // MIT Sloan Management Review. 2015. Vol. 56. № 2. P. 61-70.

перегрузкой, деградацией некоторых когнитивных способностей, искажением восприятия реальности и увеличением социального неравенства.

Одним из рисков применения цифровых технологий является «утрата эмпатии и сочувствия, утраты способности к анализу информации и принятию решений, и передача этих функций искусственному интеллекту»⁴¹⁶. То есть человек рискует утратить контроль не только над собственной деятельностью, но и над возможностями собственного интеллекта. В научно-исследовательской литературе встречаются такие дефиниции описываемых явлений как «цифровая деменция»⁴¹⁷ и «цифровая амнезия». Последнее связывается с зависимостью от Интернета и худшим запоминанием различных фактов⁴¹⁸. С. Ю. Коломийцев и соавторы приводят пример исследования, проведенного в 2025 году в *Microsoft Research*, результаты которого продемонстрировали, что «искусственный интеллект снижает критическое мышление, желание самостоятельно решать проблему и способствует повышению доверия к искусственному интеллекту»⁴¹⁹. Применение ИИ трансформирует тип профессиональной деятельности, определяя, прежде всего, ее качество и специфику: вместо полного цикла профессиональной работы субъекты деятельности осуществляют редактирование, проверку и контроль результатов.

Однако, не все исследователи категоричны в своих оценках интеграции искусственного и человеческого интеллектов. Цифровые технологии рассматриваются не только как констатация современности, но и обозначающие

⁴¹⁶ Асеева И. А., Буданов В. Г., Маякова А. В. От цифровых технологий к обществу тотального контроля? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 52.

⁴¹⁷ Spitzer M. Digitale Demenz. Wie wir uns und unsere Kinder um den Verstand bringen. München: Droemer Knaur, 2012. 368 s.

⁴¹⁸ Sparrow B., Liu J., Wegner D. M. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips // Science. – 2011. Vol. 333. Is. 6043. Pp. 776–778. DOI: 10.1126/science.1207745

⁴¹⁹ Коломийцев С. Ю., Михлин В. С., Орлов С. В. Изменение процессов обучения и мыслительных процессов под влиянием современных цифровых технологий // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2025. № 1 (44). С. 75.

эволюцию личностного мышления в изменяющихся условиях дигитализированного общества⁴²⁰.

В этой связи ученые предлагают создавать и обеспечивать поле когнитивной безопасности⁴²¹ для человека в информационном пространстве – в силу его более динамичной изменчивости, сложности в управлении процессами и искусственности. Ключевая задача – научиться управлять этими изменениями, развивать компетенции, компенсирующие ограничения (критическое мышление, фильтрация информации, глубокая концентрация), и сознательно минимизировать риск-эффекты цифровой среды на человеческий интеллект.

Таким образом влияние информатизации на профессиональное пространство определяет такие его характеристики как дематериализация, измеримость, возможность массового копирования и дублирования; впрочем, присутствие профессионала даже в этом цифровом пространстве остается уникальным. Но следствием всех этих процессов является, на наш взгляд, как нормативно-правовая, так и в целом – этическая неподготовленность общества к созданию, переформатированию или трансляции профессионального этоса.

Описанные факторы влияют на понимание в целом профессиональной этики как сформированного устойчивого социального института, понимание профессии как социально-статусной позиции, которая определяла идентичность личности, и отношение к труду в целом как исторической ценности. Л. Г. Фишман обращает наше внимание на то, что понимание труда как исторической ценности, сформировавшееся в эпоху протестантизма, детерминирует определение профессиональной этики как института социально-экономических отношений, ориентированного «на поощрение внеэкономической мотивации к труду»⁴²².

⁴²⁰ Красильников А. Н., Абзалова А. Х. Трансформация личности в условиях информационно-цифровой среды профессионального образования // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2022. Т. 24. № 83. С. 36-41.

⁴²¹ Мишук С. С. Проблемы обеспечения когнитивной безопасности личности в социально-информационном пространстве // Ноосферные исследования. 2024. № 3. С. 48-56. DOI 10.46724/NOOS.2024.3.48-56.

⁴²² Фишман Л. Г. Пугающий дух и его медиумы (актуальна ли «протестантская этика» в XXI в.?) / Л.Г. Фишман // Journal of Institutional Studies. 2020. № 12 (1). С. 84-99.

Однако, в разные исторические эпохи и в разных социальных группах можно говорить о неоднозначном отношении к труду. Для эпохи средневековья и раннего Нового времени характерно отношение к труду как религиозному долгу: средневековый долг был скорее внешней обязанностью перед Богом или феодалом, в Просвещении он был уже в определенной степени внутренним выбором или рациональной необходимостью. В последующем эта концепция эволюционировала, сменившись идеями призвания, продуктивности, социального долга или даже их отсутствием в рамках чисто рыночной экономики. Теоретической предпосылкой рыночной экономики выступило понимание труда как «наказания» – принцип, описывающий труд как естественную участь проданного субъекта труда и как требование, которое должен выполнять работник, чтобы существовать. Эта концепция наиболее актуальна именно в эпоху зарождения капитализма и последующего развития рынка труда.

Понимание труда как добродетели не привязано к конкретной эпохе, но акценты данной концепции, ее интерпретация и приоритеты менялись в зависимости от культурного и исторического контекста. Например, в эпоху поздней Античности в некоторых фрагментах текстов Сенеки можно усмотреть концепт добродетели труда как средства обеспечения достойной жизни, свободы от нужды. В восточных традициях средневековья (особенно в исламском мире и Византии) физический труд высоко ценился как проявление таланта и ответственности. В западноевропейском сознании понимание труда как добродетели возникло в схеме «вера – труд – спасение», например, монастырский труд через молитву стал добродетельной обязанностью и способом духовного совершенствования. В эпоху индустриализации в трудах классиков политэкономики труд воспринимался как естественная добродетельная потребность, граничащая с самоотдачей.

Труд – не просто способ выживания и естественная потребность, в каждом обществе можно отметить стремление обосновать его ценность и некий высший смысл. Отношение к труду является способом аутоидентификации личности с конкретным профессиональным полем и служит необходимым основанием ее

профессионального выбора. Определяясь в профессиональном выборе, личность, как правило, идентифицирует себя именно с той трудовой деятельностью, которая связана с конкретной профессией.

Однако, в современном обществе меняется понимание ценности труда, его значение. Для современной эпохи глобализации и цифровизации понимание труда как добродетели смешано с принципом индивидуализма – «труд ради успеха, личностного роста» и материального благополучия; появляется новый идеал труда, коррелирующего с гибкостью, скоростью и творческим подходом к труду как глобальной добродетели. При этом цифровая среда и цифровое обучение могут значительно снизить уровень морально-этической ответственности за результаты своего труда. Как показали исследования, проведенные в период влияния пандемии COVID-19, «многим студентам не свойственно принимать смелые решения и брать ответственность за свои поступки, действия»⁴²³. Это связывается с трансформацией системы ценностей в обществе в целом и снижением общего уровня морально-этической ответственности.

В результате влияния цифровизации можно сказать, что профессия перестает определять социальный статус индивида и нивелирует усилия, направленные на экстернализацию и интернализацию знаний в процессе профессиональной социализации личности, разрушая в целом данный процесс, а также взаимосвязь наставника и обучающегося. Если в классической традиции понимания профессии, профессиональный выбор представлялся как некая «пространственная ориентация» личности в сложившейся системе профессиональных ценностей, то в современном обществе происходит нарушение данного процесса, появляется так называемый «гибридный профессионализм», а, следовательно, можно говорить и о гибридизации ценностей.

Современные исследователи подчеркивают риски, связанные с информатизацией профессионального пространства и новым пониманием

⁴²³ Прялухина А. В. Смыслоразнозначные ориентации и представления о морально-этической ответственности студентов на разных этапах обучения в условиях дистанционного обучения и пандемии COVID-19 // Человеческий капитал. 2022. № 5-2(161). С. 110.

профессиональной этики, знаменующем ее институциональный кризис. Так, А. Ю. Согомонов, изучающий историко-культурное становление профессиональных норм, обращает внимание на трансформацию профессиональной морали в сторону ее подмены корпоративными ритуалами и этикетными ситуациями⁴²⁴. Ю. В. Назарова же отмечает наличие этических рисков в профессиональной сфере, связанных, прежде всего, с ее дегуманизацией и алгоритмизацией⁴²⁵, продуцирующей, на наш взгляд, ситуацию антагонистической трансформации личностных ценностей в профессиональном пространстве. При этом автор подчеркивает, что профессиональная этика исторически в целом формировалась под влиянием идей классической философии, в то время как современные ценностные составляющие профессии трансформируются под влиянием мировоззрения трансгуманизма, вследствие чего возникает конфликт ценностей. Цифровая среда задает новый вектор существования профессий и формирует для человека отличные от традиционной этики дилеммы и задачи.

Многие проблемы современной цифровой этики проецируются и в сферу профессиональной деятельности. Так, Ю. В. Назарова выделяет несколько направлений этического осмысления профессиональной сферы в связи с влиянием процесса цифровизации: нравственная миссия профессий, основные ценности профессий, профессиональная коммуникация с учетом новых цифровых реалий, статус профессии и профессионала, взаимодействие с цифровыми технологиями и использование искусственного интеллекта⁴²⁶. Последнее является достаточно актуальной проблемой для современных исследователей; при этом оценка влияния цифровизации на социальные коммуникации позволяет разворачивать целый спектр новых научных вопросов – в частности, вопросы межличностного взаимодействия в виртуальном пространстве, статус этических отношений в киберпространстве и возможность их регуляции, особенности и отличия этики в

⁴²⁴ Согомонов А. Ю. Социология неочевидного: культурный выбор и апории «высокой» современности. М.: ООО «Вариант», 2012. 240 с.

⁴²⁵ Назарова Ю. В. Трансформация профессиональной этики в цифровой культуре // Манускрипт. 2024. Т. 17. Вып. 4. С. 567-571.

⁴²⁶ Назарова Ю. В. Кодекс профессиональной этики в контексте цифровизации // Общество: философия, история, культура. 2024. № 12(128). С. 67-72. DOI 10.24158/fik.2024.12.6..

физическом и виртуальном пространствах⁴²⁷. На наш взгляд, многие из этих проблем могут быть эксплицированы и на сферу профессиональных взаимодействий, развивающихся, как и другие поля социального под влиянием процессов цифровизации.

Трансгуманизм, предполагающий рассмотрение человека вне рамок его биологической эволюции, и в котором значительное место отводится техническому прогрессу, предполагает создание новой модели понимания человеческих возможностей. По нашему мнению, данная мировоззренческая позиция, развивающаяся под воздействием цифровизации и дигитализации, неизбежно актуализирует и проблему трансформации профессионального пространства, концепт профессии вообще.

Видимо, вследствие распространения трансгуманистических идей, возрастает интерес к транспрофессионализму субъектов деятельности, некоему интегральному качеству личности / специалиста, позволяющему выполнять различные виды деятельности – зачастую разных профессиональных групп⁴²⁸. «Транспрофессионализм предполагает такие метакачества, как социальная и профессиональная мобильность, коммуникабельность, развитый эмоциональный интеллект, инновационность, толерантность к неопределенности»⁴²⁹. Кроме того, Зеер Э. Ф. в своей монографии с соавторами, посвященной данному феномену, обращает внимание на то, что ядром социально-гуманитарных технологий, обеспечивающих «транспрофессионализм» выступают *soft skills* – так называемые

⁴²⁷ Tsai W. D., Chistyakova O. V. Ethical Theoretical Reflections on Social Media: Place of the Human Being in the Digital Space // RUDN Journal of Philosophy. 2022. Vol. 26, No. 4. P. 870-881. DOI 10.22363/2313-2302-2022-26-4-870-881.

⁴²⁸ Powell J. Professionalism, multi-professionalism, inter-professionalism and transprofessionalism [Electronic resource] / J. Powell, A. Pickard. URL: <http://www.atee2005.nl/download/papers.2005>; Малиновский П.В. Вызовы глобальной профессиональной революции на рубеже тысячелетий // Российское экспертное обозрение. 2007. № 3 (21). С.21-24; Бочко Д. М. Медиабезопасность и транспрофессионализм в современном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). С. 87–92.

⁴²⁹ Зеер Э. Ф., Крежевских О. В. Моделирование социально-гуманитарной образовательной платформы развития транспрофессионализма у субъектов полидисциплинарных проектов // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 7. С. 90–106.

гибкие компетенции, позволяющие быть мобильным и адаптивным⁴³⁰. Как правило, они имеют надпрофессиональный характер и чаще всего предъявляются в качестве требований к представителям социономических видов деятельности.

В частности, можно упомянуть сферу здравоохранения, применительно к которой западные исследователи все чаще анализируют проблему транспрофессионализма. Тематика, связанная с образовательной траекторией обучающихся в сфере медицины, довольно часто обсуждается в контексте необходимости и востребованности в таких специалистах, готовых к командной работе и открытых для новых горизонтов, расширяющих границы экспертных знаний, создающих новые способы мышления деятельности⁴³¹.

В западной литературе существует вариативность в понимании траспрофессионализма; одним из таких концептов является упоминаемый ранее гибридный профессионализм. При этом, исследователи чаще всего подчеркивают преимущества и позитивные аспекты для социума, связанные с появлением таких специалистов. В основном, речь идет о востребованности, мобильности, возможностях карьерного продвижения, широком универсализме, мультикомпетентности, динамичности⁴³².

Примером трансформации профессионалов в современной цифровой среде может быть феномен инфлюэнсеров. П. Седда и О. Хассон отмечают, что в основном депрофессионализация касается именно традиционного профессионализма, сменяемый гибридным профессионализмом, «в котором количественные критерии эффективности, предписанные платформами, сочетаются с творческой продукцией, отвечающей критериям видимости, близости и аутентичности»⁴³³.

⁴³⁰ Транспрофессионализм субъектов социально-профессиональной деятельности [Электронный ресурс]: монография / В. С. Третьякова [и др.]; под ред. Э. Ф. Зеера, В. С. Третьяковой. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. 142 с.

⁴³¹ Там же. С. 28

⁴³² Noordegraaf M. Hybrid professionalism and beyond: (New) Forms of public professionalism in changing organizational and societal contexts // Journal of Professions and Organization. 2015. № 2(2). Pp. 1-20.

⁴³³ Sedda P., Husson O. Social media influencer: a new hybrid professionalism in the age of platform capitalism?. Lara Maestriperi; Andrea Bellini. Professionalism and Social Change: Processes of Differentiation Within, Between and Beyond Professions, Palgrave Macmillan. 2023. Pp. 281-304.

Феномен фрилансерства и инфлюэнсерства демонстрирует трансформацию статусного профессионализма, основанного на социальном положении, в гетерогенную профессиональную занятость, которая, в свою очередь, базируется на появлении специализированных знаний и выполнении специфических задач. Инфлюэнсеры могут претендовать на профессиональный статус, соблюдая этические стандарты и стандарты качества при создании контента, демонстрируя свой опыт в использовании цифровых платформ и формализуя свое сотрудничество с другими экономическими субъектами.

Феномен фрилансерства можно отождествить с явлением прекарности в трудовой деятельности, как состоянием нестабильности, неуверенности и непредсказуемости. Термин, введенный П. Бурдье для обозначения занятости временных работников и связываемый им с последствиями неолиберальной глобализации, впоследствии стал использоваться современными учеными для исследования более широкого класса явлений, в том числе при неформальной занятости. Фриланс на современном этапе является ярким примером прекарного трудоустройства. Так, один из современных исследователей явления прекаризации Г. Стэндинг пишет о формировании целого класса людей, не имеющих устойчивого положения в профессиональной среде и возможности для профессионального роста, необходимого профессионального образования, не востребованные обществом⁴³⁴. Как описывают в рецензии на данную книгу Г. Н. Бессонов и В. М. Кондратьев «прекариат не относится и к среднему классу, поскольку у людей, принадлежащих к нему, нет устойчивого положения, стабильного жалования, нет необходимых льгот и пособий, нет должного образования... Это временные и частично занятые работники, мигранты, часть молодежи, выпускники колледжей и вузов, ... а также безработные»⁴³⁵. То есть данный класс довольно

⁴³⁴ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2020. 368 с.

⁴³⁵ Бессонов Г. Н., Кондратьев В. М. РЕЦЕНЗИЯ НА: Гай Стэндинг. «Прекариат: новый опасный класс». (М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020. 368 с.) Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. С. 92-93.

неоднороден и характеризуется как растущий и весьма опасный для экономической, политической и социальной жизни современных государств.

В отличие от классического профессионализма, в соответствии с которым стандарты и качество результатов профессиональной деятельности оцениваются коллегами и в целом экспертным сообществом, инфлюэнсеры опираются на репутационные механизмы, рыночный успех и личные отношения. Профессионализм реализуется ими в рамках сообществ практиков, в которых акторы идентифицируют друг друга, разделяют ценности и развивают знания и навыки через социальные сети. Претендуя на обладание экспертными знаниями, разрабатывая и обмениваясь профессиональными практиками в области коммуникаций и маркетинга, эти акторы не обязательно участвуют в реальном процессе институционализации (передачи норм этики, навыков, знаний и опыта, контролируемых ассоциациями), поскольку это может парадоксальным образом дискредитировать их. Действительно, влияние, которое они оказывают среди своих сообществ, происходит главным образом при условии их дистанцирования от институциональных акторов.

Однако, гибридизация профессии приводит, на наш взгляд, вследствие размывания границ профессионализма, – к ситуации неопределенности в следовании каким-либо ценностным ориентирам профессионального этоса. Происходит девальвация и «амортизация» сконструированных под влиянием идей классической философии ценностей: труда, профессионализма, классического образования, социального взаимодействия, которым противостоят, по мнению сторонников транспрофессионализма, обучаемость, гибкость, адаптируемость, мобильность. Эксперты, исследующие влияние цифровой среды на профессиональный выбор и отношение к труду, отмечают «эффект атрофии профессиональной среды, норм и ценностей»⁴³⁶, особенно заметный среди так называемого «поколения Z», неспособного выстраивать длительные схемы

⁴³⁶ Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Синяков А. В., Азаров А. А. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 248. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.11>.

взаимодействия в профессиональной сфере. Аксиологическое измерение современного профессионального пространства характеризуется исчезновением «ряда традиционных профессий в цифровом обществе; отсутствием единого ценностного пространства общечеловеческих ценностей, духовных ориентиров, явлением «морального испарения»⁴³⁷.

Классические ценности профессионального поля могут быть лишь комплексным идеальным образом моделируемых представлений сторонников позитивно оцениваемой трансформации о ценности гибридного специалиста. В действительности, данный образ может оказаться индикатором псевдогибридизации, подразумевающей только декларируемый конструкт социально-ожидаемой личности мультипрофессионала.

Одним из вероятных векторов преодоления неопределенности в структуре и содержании профессионального этоса может быть поиск новых ценностных установок и мировоззренческих ориентиров в современном обществе⁴³⁸. В условиях возрастающего значения и объема информации, гибридизации профессиональных ценностей или их полной девальвации – данная установка позволяет актуализировать дальнейший научный гуманитарный поиск.

Таким образом, ценностное поле классического профессионала, проходящего свое становление в контексте описанных ранее четырех измерений (онтологического, гносеологического, аксиологического, праксиологического), трансформируется под воздействием цифровизации, а профессионализм, основывающийся ранее на ценностях знания, опыта, свободы и ответственности, становится диффузным набором манипулятивных навыков или размывается совсем (табл. 1).

<i>Классические профессиональные ценности</i>	<i>Преобразованные гибридные установки</i>
Знания	Soft skills (навыки, не требующие знаний)

⁴³⁷ Там же. С. 248.

⁴³⁸ Лаврентьева А. Ю. Мировоззрение и его ориентиры в социальном пространстве // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Т. 13, № 7-1. С. 81-88.

Опыт	Адаптивность
Индивидуальная свобода	Диффузная свобода
Индивидуальная ответственность	Диффузная ответственность
Преемственность / традиции	Ситуативность
Темпоральность профессионализации	Фрагментарность в передаче навыков
Осознанная профессиональная укорененность	Транспрофессиональная мобильность
Труд	Мультизадачная деятельность
Взаимосвязь образования и дохода	Рассогласованность экономического и образовательного факторов
Социальное взаимодействие	Социальная изоляция (отчуждение)
 Профессионализм -----> Транспрофессионализм (?)	

Таблица 1. Цифровая трансформация профессиональных ценностей

В результате влияния цифровизации в современном обществе «размываются» границы профессионализма, появляется так называемый транспрофессионализм, основывающийся на преобразованных гибридных установках. Классические ценности профессионального этоса подвергаются риску гибридизации и требуют совершенно иных подходов для их понимания, интерпретации и трансляции. Классические ценности становятся подвержены диффузности, ситуативности и фрагментарности. В современной исследовательской литературе данные процессы отмечаются практически во всех профессиональных сферах и связываются с цифровыми трансформациями «рабочего времени и места, изменением рынка труда», что привело к

«деконструкции профессий и демонтажу профессионального этоса как формы группового и индивидуального самосознания»⁴³⁹.

Таким образом, цифровизация, определяющая профессионально-ценностное пространство современной личности содержат в себе не только позитивно оцениваемые перспективы изменения трудовой деятельности, но и потенциальную неопределенность как для личности, так и общества в целом – главным образом в процессе передачи, усвоения, трансляции и воспроизводства профессиональных ценностей (благодаря которым конкретная профессия поддается дефиниции в соотношении с другими видами деятельности).

Выводы по параграфу 2.3.

Конструируемость профессионального пространства зависит не только от институциональных составляющих, но и определяется семантическим полем интериоризированных личностью ценностей. В современном обществе, развивающемся под воздействием информационных процессов, анализ профессиональных ценностей является важной социальной проблемой, связанной с риском неопределенности профессиональных структур.

Динамические изменения профессионального пространства в информационном обществе происходят не только в институциональном плане, но в отношении личностного профессионального становления. Специфика модификации профессиональной этики связана с переносом профессиональной деятельности в цифровое пространство, появлением новых технологий, изменением характера взаимодействий, новым пониманием ценности труда.

В результате влияния цифровизации профессия перестает определять социальный статус индивида и разрушает процесс профессиональной социализации, нивелируя усилия, направленные на экстернализацию и интернализацию знаний – что может знаменовать явление гибридизации профессиональных ценностей. Вследствие «размывания» границ

⁴³⁹ Хоронько Л.Я., Бойчук С.С. Кризис профессионального образования и демонтаж личности профессионала в современном мире // Дидактика математики: проблемы и исследования. 2022. № 1(55). С. 43. DOI: 10.24412/2079-9152-2022-55-40-45

профессионализма происходит процесс гибридизации профессии, что приводит к ситуации неопределенности в следовании каким-либо ценностным ориентирам профессионального этоса. Таким образом обосновывается ценностная неопределенность в структуре личностной деятельности как результат процесса гибридизации профессий, а также девальвации классических профессиональных ценностей.

Заключение

Современное профессиональное пространство, развивающееся под влиянием информационных технологий, становится неоднородным, диффузным и фрагментарным, что затрудняет формирование каких-либо объяснительных моделей его функционирования. Для решения этой задачи обращение к социальной философии методологически обосновано, учитывая сложившиеся традиции исследования социального пространства в рамках гуманитарной науки. К исследованию динамики профессионального пространства применен теоретико-концептуальный и методологический потенциал общегуманитарного дискурса исследования социального пространства. Возможности пространственного подхода, обусловленные субстанциальной и структуралистской традициями, актуализировали необходимость социально-философского анализа профессионального пространства как динамически изменяющегося социального конструкта.

Сказанное позволило автору данной работы сделать вывод о необходимости обращения к методологическому потенциалу подхода П. Бурдьё. В соответствии с указанной методологией социальное пространство рассмотрено как поле социальных взаимодействий по производству социального в различных сферах деятельности. При этом специфика профессионального пространства заключается в его инструментальной способности конструирования социального. Понятие поля, предложенного П. Бурдьё, задает вектор для исследования профессионального пространства как динамического конструкта, находящегося в постоянном изменении.

Концепция П. Бурдьё санкционировала анализ социального пространства в данной работе с точки зрения его конструируемости, историчности и динамичности – основных характеристик, необходимых для реализации главной исследовательской цели – анализа профессионального пространства как одного из социальных полей, образующих сферу социального.

Подчеркнутые в работе изменения в функционировании социальных институтов и профессиональных групп под влиянием информатизации позволили отметить трансформации и в профессиональном пространстве. Анализ информационного общества приводит автора к выводу о некоторых условиях, определивших трансформацию профессионального пространства. Внешними условиями выступают научно-технические изменения, политические установки, социально-экономические процессы, а внутренними – конфликты между смыслообразующими конструктами профессионального пространства, появление новых элементов и изменение статуса самого профессионального пространства.

В работе особенно подчеркивается, что несмотря на применение концепции П. Бурдье, в которой профессия – не более чем совокупность отношений между людьми, в ней методологически не учитывается роль отдельного индивида в рефлексии о трансформируемой профессии. Исследование профессионального пространства как конструируемого и динамичного с необходимостью связано с процессом вторичной социализации личности, в котором особое значение имеет как институциональное измерение данного процесса, так и система взаимодействий между профессиональными субъектами.

Автор работы исследует динамику профессионального пространства на примере современного информационного общества, в котором профессиональная трансформация осуществляется в результате воздействия риск-факторов, влияющих как на институциональные структуры профессии, так и на субъекта профессии. При этом в качестве главного фактора институциональной трансформации анализируется явление депрофессионализации, характеризующееся автоматизацией работы, фрагментацией знаний, падением социального доверия к профессии и ее престижу – таким образом происходит процесс формирования гибридного профессионализма. То есть автором диссертационного исследования подчеркивается деинституализация профессии, когда традиционные профессиональные связи заменяются новыми, основанными на информационных технологиях и опосредованном удаленном взаимодействии, при котором

профессиональные агенты по причине деинституализации профессиональных норм уже не продуцируют профессиональную ответственность.

Демонстрируя некоторую ограниченность методологического подхода П. Бурдые в отношении личности как субъекта профессиональной деятельности, автор работы обосновывает необходимость применения методологии социального конструкционизма, направившей ход исследования к уровню отдельного субъекта; то есть при изучении динамики профессионального пространства, определении его специфики и условий, влияющих на его трансформацию, значительная роль отводится ценностным установкам профессиональных субъектов. Профессиональные установки формируются в результате интериоризация норм, предписаний, стандартов профессиональной деятельности, то есть посредством профессиональной социализации.

Методология социального конструкционизма позволила рассмотреть профессиональное самоопределение и профессиональную социализацию личности как многомерный социальный конструкт, на который оказывают влияние различные факторы. С социально-философской точки зрения к факторам, обосновывающим конструируемость профессиональной социализации, можно отнести влияние институциональных элементов профессионального пространства, процесс интериоризации профессиональных ценностей отдельной личностью, а также ценностные ориентации личности в целом.

Профессиональное становление личности анализируется через призму ее включенности в ценностное поле профессии, имеющее четыре основных измерения: онтологическое, гносеологическое, аксиологическое, праксиологическое. При этом профессиональное становление личности в современном обществе может быть осмыслено только в контексте влияния информационных процессов на все сферы жизни. В свою очередь цифровизация представляет собой амбивалентный процесс, включающий в себя кроме положительных изменений, также и риск трансформации ценностного поля профессии. В качестве основных риск-факторов, модифицирующих ценностное поле профессии, отмечены социальная дистантность, новые способы личностной

идентичности, личная профессиональная мобильность, стирание границ личного и профессионального пространства, минимизация возможностей человеческого интеллекта. Отмечается, что в современном обществе профессия перестает определять социальный статус индивида и разрушает процесс профессиональной социализации, нивелируя усилия, направленные на экстернализацию и интернализацию знаний, что свидетельствует о гибридизации профессиональных ценностей. Таким образом подчеркивается трансформация профессионального пространства, связанная с депрофессионализацией.

Специфика модификации профессиональной этики связывается с переносом профессиональной деятельности в цифровое пространство, появлением новых технологий, изменением характера взаимодействий, новым пониманием ценности труда, то есть происходит девальвация сконструированных под влиянием идей классической философии ценностей.

В результате актуальной и перспективной становится исследовательская задача, направленная на изучение динамики конкретных видов профессиональной деятельности, в которых ценностная трансформация становится более неопределенной (как правило, в социоэкономических видах деятельности), а требуемые навыки становятся гибкими и размытыми. То есть речь идет о такой гибридизации профессии, которая под влиянием социальных ожиданий может оказаться индикатором псевдогибридизации.

Список литературы

1. Аленин, П. Н. Оценка влияния процесса цифровизации и новейших технологий на структуру профессионального пространства в современном информационном обществе / П. Н. Аленин // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 9. – С. 51–57.
2. Антропология профессий: сб. науч. ст. / Сарат. гос. техн. ун-т, Центр социал. политики и гендер. исслед.; под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. – Саратов: ЦСПГИ: Науч. кн., 2005. – 462 с.
3. Ардашкин, И. Б. Риск как эпистемологический феномен / И. Б. Ардашкин // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 2 (26). – С. 66-75.
4. Асеева, И. А. От цифровых технологий к обществу тотального контроля? / И. А. Асеева, В. Г. Буданов, А. В. Маякова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 59. – С. 51-59.
5. Бакланова, О. А. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма / О. А. Бакланова, И. С. Бакланов // Вопросы социальной теории. – Том VII, Вып. 12. – С. 168-177.
6. Баранов, А. В. Прикладная польза социологии П. Бурдье для изучения института высшего образования / А. В. Баранов // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2024. – № 1(1). – С. 153-157.
7. Барковская, А. Ю. Социологическая интерпретация категории «Социальное пространство» / А. Ю. Барковская // Logos et Praxis. – 2013. – №1. – С. 49-55.
8. Батуренко, С. А. Социальная стратификация в социологической теории П. Бурдье / С. А. Батуренко // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2021. – № 2(27). – С. 26-43. – DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-26-43

9. Бауман, З. *Текущая современность* / З. Бауман; пер. с англ.; под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 238 с.
10. Безгусько, Н. А. Социальное пространство как система координат социального времени / Н. А. Безгусько // Научный вестник государственного образовательного учреждения Луганской Народной Республики "Луганский национальный аграрный университет". – 2020. – № 8-2. – С. 301-305.
11. Бек, У. *Общество риска. На пути к другому модерну* / У. Бек. – Москва: Прогресс-традиция, 2000. – 381 с.
12. Белл, Д. *Грядущее постиндустриальное общество* / Д. Белл. – Опыт социального прогнозирования М.: Academia, 2004. – 944 с.
13. Бергер, П. *Общество в человеке* / П. Бергер // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 162-180.
14. Бергер, П. *Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания* / П. Бергер, Т. Лукман; Пер. с англ. Е. Руткевич. – Моск. филос. фонд. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. – 323 с.
15. Бердников, И. П. *Пространство человека: Коммуникативные структуры; парадигмальные и социокультурные основания: специальность 09.00.11 "Социальная философия": диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук* / Бердников Игорь Павлович. – Саратов, 2003. – 163 с.
16. Бессонов, Г. Н. Рецензия на: Гай Стэндинг. «Прекариат: новый опасный класс» // Г. Н. Бессонов, В. М. Кондратьев. – Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. – С. 90-104.
17. Бойчук, С. С. *Культурная и профессиональная идентичность в современном образовательном и социальном пространствах* / С. С. Бойчук // Педагогика и психология: теория и практика. – 2020. – № 1(17). – С. 44-51.
18. Бобров, В. А. Структурная модель профессиональной этики как социального института [Электронный ресурс] / В. А. Бобров // Наука. Общество. Государство. – 2020. – Т. 8, № 3 (31). URL:

https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/bobrov_va_2020_3_24.pdf (Дата обращения: 15.09.24 г.).

19. Богданова, М. В. Социология этоса: социальное поле инженерной профессии в отечественной ситуации начала XXI века (часть первая) / М. В. Богданова // Ведомости прикладной этики. – 2014. – № 45. – С. 184-200.

20. Бочко, Д. М. Медиабезопасность и транспрофессионализм в современном дискурсе / Д. М. Бочко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 21 (312). – С. 87–92.

21. Бродовская, Е. В. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Пырма, А. В. Синяков // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 1. – С. 228-251. – <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.11>

22. Бурдье, П. Власть права: Основы социологии юридического поля [Электронный ресурс] / П. Бурдье; Перевод с французского: О. И. Кирчик. – Социальное пространство: поля и практики. Сборник статей. – М., 2005. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3040> (Дата обращения: 22.10.24 г.)

23. Бурдье, П. Некоторые свойства полей / П. Бурдье // Новое литературное обозрение. – № 45. – 2000. – С. 22-87.

24. Бурдье, П. Практический смысл / П. Бурдье; Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послел. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.

25. Бурдье, П. Различение: социальная критика суждения / Бурдье. П; Пер. с фр. О.И. Кирчик // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; Пер. М.С. Добряковой и др. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 680 с.

26. Бурдье, П. Социальное пространство: поля и практики. / П. Бурдье; Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послел. Н. А. Шмат-ко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 576 с. – (Серия «Gallicinium»)

27. Бурдье, П. Социология социального пространства / П. Бурдье; Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2005. – 228 с.
28. Бурдье, П. Структура, габитус, практика / П. Бурдье // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 2. – С. 43-54.
29. Бытие. Человек. Культура / О. Д. Агапов, Е. Ю. Антонюк, М. А. Богатов [и др.]; Под редакцией Е.В. Листвиной, Н.П. Лысиковой, О.В. Шиндиной. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2021. – 218 с.
30. Виноградский, В. Г. Социальная организация пространства : Филос.-социол. анализ / В. Г. Виноградский; Отв. ред. Я. Ф. Аскин; АН СССР, Ин-т соц.-экон. пробл. развития агр.-пром. комплекса. – Москва: Наука, 1988. – 187 с.
31. Витенберг, Е.В. Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям: специальность 19.00.05 "Социальная психология": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Витенберг Елена Владимировна. – Санкт-Петербург, 1994. – 16 с.
32. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа. / Г. В. Ф. Гегель. - 2-е изд. – Москва: Акад. проект, 2014. – 490 с.
33. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М., Академический Проект, 2005. – 528 с.
34. Гильдебрант, Г. В. Теории социального пространства в работах ученых // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 6. С. 41-45
35. Гончаров, В. Н. Социально-философский анализ идентичности и социального пространства / В. Н. Гончаров, О. Ю. Колосова, Е. Н. Миронова // Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – Т. 96, № 1. – С. 10-16. – DOI 10.18522/2070-1403-2023-96-1-10-16.
36. Гончаров, В. Н. Социально-философский анализ понятия информационное пространство / В. Н. Гончаров, Г. И. Лукьянов // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2024. – № 2. – С. 103-107.

37. Григорьев, А. Ф. Цифровизация в современном социально-гуманитарном пространстве / А. Ф. Григорьев, М. А. Григорьева // Kant. – 2020. – № 4(37). – С. 6-14. – DOI 10.24923/2222-243X.2020-37.1.
38. Гриффин, Э. Управление репутационными рисками: стратегический подход / Э. Гриффин. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. – 237 с.
39. Данилов, С.А. Рискогенность образования и социокультурный потенциал общества в условиях цифровизации / С. А. Данилов, В. А. Ручин // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 20, вып. 1. – С. 10-14.
40. Дедов, Н. П. Актуальные проблемы цифровой адаптации в высшей школе в условиях неопределенности [Электронный ресурс] / Н. П. Дедов, И. В. Кохова // Вестник Евразийской науки. – 2023. – Т.15. – № s2. URL: <https://esj.today/PDF/01FAVN223.pdf> (Дата обращения 12.10.25 г.).
41. Демидова, М. В. Методология неклассических и постнеклассических исследований социального пространства / М. В. Демидова // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2021. – № 1(40). – С. 54-65. – DOI 10.18799/26584956/2021/1(40)/1042
42. Джеймс, У. Прагматизм: Новое назв. для некоторых старых методов мышления: Попул. лекции по философии / У. Джеймс ;пер. с англ. П. Юшкевича с прил. ст. пер. о прагматизме. – Санкт-Петербург: Шиповник, 1910. – 237 с.
43. Дин, М. Правительность: власть и правление в современных обществах / М. Дин; пер. с англ. А.А. Писарева; под науч. ред. С. М. Гавриленко. – М. : Дело, 2016. – 592 с.
44. Добрина, О. А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции П. Бурдьё / О. А. Добрина // Системная психология и социология. – 2019. – № 3 (31). – С. 105–116. – DOI 10.25688/2223-6872.2019.31.3.10
45. Друкер, П. Управление в обществе будущего / П. Друкер. – М.: Вильямс, 2007. – 320 с.

46. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм; Пер. с фр. А. Б. Гофмана, примечания В. В. Сапова. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
47. Емченко, А. В. Парадигмальная основа проблемы профессионально-трудовой социализации личности / А. В. Емченко, Д. А. Горбачева, О. И. Ворожейкина // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 2(87). – С. 196-198.
48. Жульков, М. В. Сознание, пространство и время в философии И. Канта и современной философии и науке / М. В. Жульков // Манускрипт. – 2025. – Т. 18, Вып. 1. – С. 179-185.
49. Залевская, А. А. Развитие профессиональной субъектности личности в условиях цифровизации обществ: специальность 5.7.7 - "Социальная и политическая философия": диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Залевская Анна Александровна. – Новочеркасск, 2024. – 185 с.
50. Залевская, А. А. Профессиональная деятельность личности в условиях цифровизации общества / А. А. Залевская // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2023. – №. 3(130). – С. 14-20
51. Зеер, Э. Ф. Моделирование социально-гуманитарной образовательной платформы развития транспрофессионализма у субъектов полидисциплинарных проектов / Э. Ф. Зеер, О. В. Крежевских // Образование и наука. – 2018. – Т. 20, № 7. – С. 90–106.
52. Зеер, Э. Ф. Методологические ориентиры развития транспрофессионализма педагогов профессионального образования / Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк // Образование и наука. – 2017. – № 8. – С. 9–28. – DOI: 10.17853/1994-5639-2017-8-9-28.
53. Зиммель, Г. Кант. 16 лекций, прочитанных в Берлинском университете / пер.М.И. Левиной // Г. Зиммель Избранное. Т. 1. Философия культуры. – М., 1996. – 671 с.
54. Зиммель, Г. О скрещении социальных кругов // Г. Зиммель Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – 607 с.
55. Ильин, И. В. Понятие (социального) пространства в теории Карла Маркса / И. В. Ильин // Virtus. – 2015. – № 3. – С. 8-13.

56. Зуева, Е. Н. Опасные профессии: конструирование профессиональной реальности / Е. Н. Зуева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2008. – № 1 (9). – С. 46–48.
57. Иванов, А. В. Коммуникация риска: теоретические основания и современные дискуссии / А. В. Иванов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19. № 3. – С. 251-256
58. Калхун, К. Габитус, поле и капитал: вопрос исторической спецификации / К. Калхун // Бурдье: критический анализ: Чикаго, Издательство университета Чикаго. – 1993. – С. 61-89.
59. Кант, И. Критика чистого разума // Сочинения: В 8-ми томах. Т. 3. / И. Кант. – М.: Чоро, 1994. – 741 с.
60. Карицкая, И. М. Профессиональное пространство как система социальных институтов / И. М. Карицкая // Научный альманах. – 2016. – № 1-3 (15). – С. 292-294
61. Карпов, А. Общество знаний: знание vs информация / А. Карпов // Философские науки. – 2017. – № 12. – С. 19-37
62. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс; Пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
63. Кастельс, М. Информационная эпоха. Экономика, общество культура / М. Кастельс; Пер. с англ. Б. Верпаховский, Д. А. Тищенко, А. Н. Субочев. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 609 с.
64. Кильберг-Шахзадова, Н. В. Концептуализация дискурса «глобализация социального пространства» в социальной философии / Н. В. Кильберг-Шахзадова, А. А. Цильке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2024. – № 5. – С. 99-104. – DOI 10.37882/2500-3682.2024.05.08

65. Кирсанова, Ю. А. Категория социального пространства в истории социально-философской мысли / Ю. А. Кирсанова // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 6(122). – С. 105-112. – DOI 10.24158/fik.2024.6.15.
66. Кирсанова, Ю. А. Понятие пространства в философии М. Фуко: территориальный характер власти / Ю. А. Кирсанова // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 12. – С. 221-226.
67. Коблова, Ю. А. Институциональное пространство в предметном поле экономической науки / Ю. А. Коблова // Экономические науки. – 2015. – № 1(122). – С. 15-19.
68. Козырев, М. С. Исследование влияния социальной структуры на идеологию в работах Пьера Бурдьё / М. С. Козырев // Социодинамика. – 2022. – № 2. – С. 45-52.
69. Коломийцев, С. Ю. Изменение процессов обучения и мыслительных процессов под влиянием современных цифровых технологий / С. Ю. Коломийцев, В. С. Михлин, С. В. Орлов // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2025. – № 1 (44). – С. 69-78.
70. Коннел, Р. «Северная теория»: политическая география общей социальной теории / Р. Коннел // Теория и общество: Т.35. – № 2. – 2000. – С. 291-296.
71. Конт, О. Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении / О. Конт. – Ростов н/Д: Феникс. – 2003. – 256 с
72. Котлярова, А. С. Социально-философские характеристики социальной виртуализации человека в пространстве информационного общества / А. С. Котлярова, Д. В. Кущев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 1-2(100). – С. 87-91. – DOI 10.24412/2500-1000-2025-1-2-87-91.
73. Кравченко, А. И. Зарубежная социология профессий: основные подходы / А. И. Кравченко // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 8. – С. 5-12.

74. Крайнов, А. Л. Проблема формирования цифровой идентичности в цифровом обществе / А. Л. Крайнов // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2024. – № 2 (42). – С. 12- 20.
75. Красильников, А. Н. Трансформация личности в условиях информационно-цифровой среды профессионального образования / А. Н. Красильников, А. Х. Абзалова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. – Т. 24, № 83. – С. 36-41.
76. Кручинин, С. В. Философский анализ влияние гаджетизации на социальное бытие / С. В. Кручинин // КАНТ. – 2019. – №4 (33). – С. 166-170.
77. Куярова, П. И. Интерпретация понятия социальный конструкционизм в социологии / П. И. Куярова // Вестник СамГУ. – 2007. – № 1. – С. 64-70.
78. Лаврентьева, А. Ю. Мировоззрение и его ориентиры в социальном пространстве / А. Ю. Лаврентьева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2024. – Т. 13, № 7-1. – С. 81-88.
79. Лауфер, К. М. К вопросу о развитии человека в эпоху искусственного интеллекта / К. М. Лауфер // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2025. – № 1(44). – С. 50-68.
80. Лашук, И. В. Теоретико-методологические и операциональные основания социокультурного анализа современного общества / И. В. Лашук // Россия реформирующаяся. – 2018. – № 16. – С. 104-119.
81. Лебарон, Ф. «Против, напротив...»: экономические модели и экономизм / Пер. с фр. О.Кирчик / Ф. Лебарон // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. 7. – № 5. – С. 170-181.
82. Лейбниц, Г. Новые опыты о человеческом разумении // Соч. в 4-х томах. Т. 4. / Г. Лейбниц. – М., 1989. – 554 с.
83. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр; пер. с фр. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.
84. Листвина, Е. В. Современные социокультурные коммуникации: трансформации в цифровую эпоху / Е. В. Листвина // Известия Саратовского

университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 386-389. – DOI 10.18500/1819-7671-2021-21-4-386-389.

85. Лобовикова, Е. А. Антропологический аспект социальной реальности в пространстве информационной культуры / Е. А. Лобовикова // Культура и цивилизация (Донецк). – 2020. – № 1(11). – С. 56-60.

86. Ломако, О. М. Новые измерения человечности в контексте цивилизационного процесса: социально-философский аспект / О. М. Ломако // Восток, Запад, Россия: философские и социокультурные основания взаимодействия цивилизаций, Саратов, 28–29 сентября 2016 года. – Саратов: Издательство «КУБиК», 2017. – С. 31-35.

87. Луман, Н. Понятие риска / Н. Луман // Thesis. – 1994. – № 5. – С. 148-160.

88. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / М. Маклюэн; пер. И.О. Тюриной. 2-е изд. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2013. – 496 с.

89. Малиновский, П. В. Вызовы глобальной профессиональной революции на рубеже тысячелетий / П. В. Малиновский // Российское экспертное обозрение. – 2007. – № 3 (21). – С.21-24

90. Маркс, К. Сочинения. Т. 46, ч. 1. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1968. – 560 с.

91. Меньшенин, С. Г. Онтологические основы формирования готовности к профессиональной деятельности / С. Г. Меньшенин // Евразийский Союз Ученых. – 2015. – № 8 (17). – С. 121-123.

92. Милль, Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Дж. Ст. Милль; пер. с англ. под ред. В. Н. Ивановского; предисл. и прил. В. К. Финна. - Изд. 5-е, испр. и доп. – Москва : URSS, 2011. – 828 с.

93. Мишук, С. С. Проблемы обеспечения когнитивной безопасности личности в социально-информационном пространстве / С. С. Мишук //

Ноосферные исследования. – 2024. – № 3. – С. 48-56. – DOI 10.46724/NOOS.2024.3.48-56.

94. Монахова, Л. Ю. Праксиоцентризм в профессиональном стандарте педагога / Л. Ю. Монахова, В. С. Федотова // Образование и наука. – 2017. – № 4. – С. 9-38.

95. Назарова, Ю. В. Кодекс профессиональной этики в контексте цифровизации / Ю. В. Назарова // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 12(128). – С. 67-72. – DOI 10.24158/fik.2024.12.6.

96. Назарова, Ю. В. Трансформация профессиональной этики в цифровой культуре / Ю. В. Назарова // Манускрипт. – 2024. – Т. 17, Вып. 4. – С. 567-571.

97. Найденова, Т. А. Питирим Сорокин о социальном пространстве / Т. А. Найденова, Н. Д. Найденов // Человек. Культура. Образование. – 2022. – № 3(45). – С. 36-52.

98. Насибуллин, Р. Р. Виртуальные пространства и цифровые общества: социально-пространственные аспекты / Р. Р. Насибуллин // Матрица научного познания. – 2024. – № 4-1. – С. 616-626.

99. Неделевская, И. Г. Методология социологического изучения неравенства в науке в контексте теории поля П. Бурдьё : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / И. Г. Неделевская ; Белорусский государственный университет, 2023. – 24 с.

100. Ньютон, И. Математические начала натуральной философии. – М. : Ленанд, 2024. – 704 с.

101. Оганян, К. М. Анализ социального конфликта с позиций конструктивистско-структуралистической методологии Бурдьё / К. М. Оганян, К. Оганян // Научные исследования XXI века. – 2021. – № 2(10). – С. 368-372.

102. Онтологическое и социальное: грани взаимодействия / В.Г. Косыхин, Ю.М. Дуплинская, В. А. Фриауф [и др.]. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2021. – 162 с.

103. Панькова, Н. М. Коммодификация знания в системе высшего образования / Н. М. Панькова, Н. В. Погукаева, М. А. Халдеева // Вестник науки Сибири. – 2017. – № 3(26). – С. 81-89.
104. Парамонова, С. П. Методология анализа личности и общества в работах П. Бурдые / С. П. Парамонова, К. Д. Мишарин, Е. Ф. Тимербулатова, К. Е. Шмыков // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – №. 2. – С. 11-30.
105. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; Пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева. Под ред. М. С. Ковалевой. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 269 с.
106. Пеннер, Р. В. Цифровая идентичность: теория и методология / Р. В. Пеннер // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2024. – №2. – С. 98-113. – doi:10.55959/MSU0201-7385-7-2024-2-98-113.
107. Петрова, С. И. Генезис понятия «культурная динамика» и социальные потребности / С. И. Петрова // Культура Мира. – 2025. – Т. 13, № 51(8). – С. 70-78
108. Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения / Ч. С. Пирс. – М: Логос, 2000. – 448 с.
109. Писачкин, В. А. Теория жизненного пространства в социологии / В. А. Писачкин // Регионология. – 2016. – №1 (94). – С.89-100.
110. Платонов, К. А. Социальные последствия экологических рисков для населения промышленного моногорода: специальность 22.00.04 "Социальная структура, социальные институты и процессы": диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Платонов Константин Аркадьевич. – Санкт-Петербург, 2017. – 197 с.
111. Полани, М. Личностное знание / М. Полани. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
112. Полубояринов, А. Р. Идеология в социальном пространстве: характеристика структуры идеологического поля на основе социальной теории

Пьера Бурдьё / А. Р. Полубояринов // Социодинамика. – 2023. – № 4. – С. 35-43. – DOI: 10.25136/2409-7144.2023.4.40021.

113. Попова, В. В. Онтологическая модель профессионального имиджа / В. В. Попова // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2014. – № 2(92). – С. 218-221.

114. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Том 2 / К. Поппер; Пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. – Москва: Феникс, 1992. – 525 с.

115. Потемкин, В. К. Пространство в структуре мира / В. К. Потемкин, А. Л. Симанов; Отв. ред. А. Т. Москаленко; АН СССР, Сиб. отд-ние. – Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1990. – 174 с.

116. Прялухина, А. В. Смыслжизненные ориентации и представления о морально-этической ответственности студентов на разных этапах обучения в условиях дистанционного обучения и пандемии COVID-19 / А. В. Прялухина // Человеческий капитал. – 2022. – № 5-2(161). – С. 109-115.

117. Ритцер, Д. Современные социологические теории / Д. Ритцер. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с

118. Рожков, В. П. Запад и Россия. Философские основания цивилизационной константы общественного сознания / В.П. Рожков. – Саратов: СГУ имени Н.Г. Чернышевского, 1998. – 244 с.

119. Роль новейших цифровых технологий в трансформации социального пространства / М. П. Яценко, С. В. Максимов, Н. Н. Равочкин [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2023. – № 1. – С. 117-121. – DOI 10.37882/2500-3682.2023.01.21.

120. Рягузова, Е. В. Homo Digitalis: запрос на новую конфигурацию индивидуальности / Е. В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 320-325.

121. Рязанов, А. В. Российский социум: динамика трансформаций / А. В. Рязанов. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2020. – 218 с.

122. Савченко, П. А. Понятие социального капитала у П. Бурдьё: трудности в интерпретации / П. А. Савченко // Социология и право. – 2020. – № 2(48). – С. 62-68.
123. Серкина, Н. Е. Понятие сетевого общества М. Кастельса / Н. Е. Серкина // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2019. – № 2. – С. 161-169.
124. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер; пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.
125. Согомонов, А. Ю. Социология неочевидного: культурный выбор и апории «высокой» современности / А.Ю. Согомонов. – М.: ООО «Вариант», 2012. – 240 с.
126. Соловьева, Л. Н. Цифровая идентичность как феномен информационной современности / Л. Н. Соловьева // Общество: философия, история, культура. – 2020. – №12 (80). – С. 53-56.
127. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин; пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
128. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин; [Общ. ред., сост. и предисл., с. 5-24, А. Ю. Согомонова]. – Москва: Политиздат, 1992. – 542 с.
129. Социальная философия науки. Идеи и дискуссии / И. Т. Касавин, А. Ю. Антоновский, А. А. Аргамакова [и др.]. – Москва: «Русское общество истории и философии науки», 2018. – 254 с.
130. Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. – М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2020. – 368 с.
131. Сычев, А. А. Искусственный интеллект как вызов системе образования: этико-прикладные аспекты / А. А. Сычев // Ведомости прикладной этики. – 2024. – № 2(64). – С. 74-81
132. Тихонова, С. В. Коммуникационные структуры социальной мифологии / С. В. Тихонова; Федеральное агентство по образованию, Саратовский государственный социально-экономический университет. – Саратов: Саратовский

национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2008. – 244 с.

133. Транспрофессионализм субъектов социально-профессиональной деятельности / Э. Ф. Зеер, В. С. Третьякова, Д. П. Заводчиков [и др.]; Министерство просвещения Российской Федерации; ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет». – 2-е издание, стереотипное. – Екатеринбург: Российский государственный профессиональнопедагогический университет, 2023. – 143 с.

134. Труфанов, Д. О. Социология: конспект лекций. – Ростов н/Д: Феникс, 2009. – 314 с.

135. Труфанова, О. В. Современная стратегия социализации как становление человека самоопределяющегося / О. В. Труфанова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2012. – № 8 (22): в 2-х ч. Ч. I. – С. 207-209.

136. Украинский, В. Н. Анри Лефевр и полиморфность социального пространства / В. Н. Украинский, Ж. Ж. Чимитдоржиев // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2022. – № 1. – С. 61–72. – DOI: 10.24866/1998-6785/2022-1/61-72.

137. Улановский, А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация / А. М. Улановский // Вопросы психологии. – 2009. – № 2. – С. 35-45.

138. Устьянцев, В. Б. Динамика жизненного пространства личности в обществе риска / В. Б. Устьянцев // Аспирантский вестник Поволжья. – 2016. – № 3-4. – С. 159-162.

139. Устьянцев, В. Б. Жизненный путь личности: современные проблемы социализации / В. Б. Устьянцев // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 4(59). – С. 18-22.

140. Устьянцев, В. Б. Институциональный человек в рискогенных микроструктурах современного социума / В. Б. Устьянцев // Восток, Запад, Россия:

философские и социокультурные основания взаимодействия цивилизаций, Саратов, 28–29 сентября 2016 года / сборник научных трудов. Саратов: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «КУБиК». – 2017. – С. 70-74.

141. Устьянцев, В. Б. Риски в пространстве власти: концепты и проекты / В. Б. Устьянцев // Вестник ВолГУ. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2011. – № 2 (14). – С. 106-112.

142. Устьянцев, В. Б. Системные риски переходного общества / В. Б. Устьянцев // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2017. – № 4 (17). – С. 425-429.

143. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер; Пер. с англ. М. В. Арапова и Н. В. Малыхиной; Под ред. Е. Л. Вартановой. – Москва: Аспект Пресс, 2004. – 398 с.

144. Фатеев, В. С. Риски, связанные с процессами цифровизации и цифровой трансформации в регионах // Риски устойчивого развития регионов: причины, оценка, предотвращение / В. С. Фатеев, В. Г. Гаркавая, Л. В. Корбут, Т. А. Тетеринец, Е. А. Рожковская [и др.]; под ред. В. С. Фатеева, В. Г. Гаркавой, Е. А. Рожковской. – Минск: А. Н. Вараксин, 2022. – 236 с.

145. Федоров, О. Д. Онтологическая модель профессионального становления учителя / О. Д. Федоров // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2022. – Т. 1, № 1. – С. 43-63.

146. Филимонова, О. Ф. Перемены перемен: социальность и дефицит защиты / О. Ф. Филимонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 298-303.

147. Фишман, Л. Г. Пугающий дух и его медиумы (актуальна ли «протестантская этика» в XXI в.?) / Л. Г. Фишман // Journal of Institutional Studies. – 2020. – № 12 (1). – С. 84-99.

148. Фуко, М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3 / М. Фуко. – М., 2006. – 388 с.

149. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М.: Гуманитарная Академия, 2006. – 416 с.

150. Фуллер, Р. Стадии социальной проблемы // Контексты современности / Р. Фуллер, Р. Майерс. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2001. – 188 с.
151. Ходыкин, А. В. Трансформация пространственности и появление комплексных социальных пространств / А. В. Ходыкин // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2021. – № 4(34). – С. 41-51.
152. Холл, Р. Х. Организации: структуры, процессы, результаты / Р. Х. Холл; пер. с англ. Е. Нестерова, Т. Принцева ; Под общ. ред. И. В. Анреевой. – СПб.: Питер, 2001. – 512 с.
153. Хоронько, Л. Я. Кризис профессионального образования и демонтаж личности профессионала в современном мире / Л. Я. Хоронько, С. С. Бойчук // Дидактика математики: проблемы и исследования. – 2022. – № 1(55). – С. 40-45. – DOI: 10.24412/2079-9152-2022-55-40-45.
154. Храпов, С. А. Современная социальная динамика: специфика и тренды / С. А. Храпов, А. М. Вишнякова // Вестник Калмыцкого университета. – 2022. – № 2(54). – С. 113-119.
155. Хромова, Т. С. Роль профессионального сообщества в карьерном развитии молодого специалиста / Т. С. Хромова, П. В. Шевченко // Наука в Мегалополисе Science In A Megapolis. – 2021. – № 7 (33).
156. Челнокова, Е. А. Социальный конструкционизм и философия языка / Е. А. Челнокова, С. Н. Казначеева, Е. А. Коровина, Н. Ф. Агаев // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 12-3. – С. 549-552.
157. Чубаров, И. М. Цифровой Другой: проблемы идентичности в парадигме искусственного интеллекта / И. М. Чубаров, Т. А. Попова, К. А. Сенцова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 3 (141). – С. 1-6.
158. Чуешов, В. И. Праксиология в зеркале метафилософии / В. И. Чуешов // Южный полюс. – 2024. – № 12(2). – С. 101-106.
159. Шавердо, Т. М. Проблематизация категории "социальное пространство" в социологии / Т. М. Шавердо // Известия Национальной академии

наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 21-30. – DOI 10.29235/2524-2369-2022-67-1-21-30.

160. Этнос социальных групп, локальных и профессионально-педагогических сообществ в социокультурном пространстве России XVIII - начала XXI вв : коллективная монография / Ю. Б. Дроботенко, Л. М. Карпова, В. П. Корзун [и др.]. – Омск : федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Омский государственный педагогический университет", 2020. – 136 с.

161. Яковлева, Е. Л. Специфика коммуницирования электронного / цифрового кочевника и мифодизайн / Е. Л. Яковлева, Э. В. Дарчинов // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2021. – № 2(32). – С. 23-33.

162. Ярмач, В. Е. Осмысление цифрового капитала как фактора трансформации профессиональных сообществ / В. Е. Ярмач // Дискурс. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 93-102.

163. Шепелев, И. А. Информационные риски с позиции теории общества рисков: социально-философский анализ / И. А. Шепелев // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, Вып. 12. – С. 2712-2716.

164. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка; Пер. с англ. Под ред. В. А. Ядова; Ин-т "Открытое о-во". – Москва : Аспект-пресс, 1996. – 414 с.

165. Шумилова, Е. А. Организационные и содержательные особенности профессиональной социализации личности / Е. А. Шумилова, Е. В. Андреева // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2016. – № 3. – С. 101-106.

166. Элиас Н. Общество индивидов / Н. Элиас; Пер. с нем. – Москва : Праксис, 2001. – 331 с.

167. Abbott, A. The order of professionalization. An empirical analysis / A. Abbott // Work and Occupations. – 1991. – 18 (4). – P. 355-384. – <https://doi.org/10.1177/0730888491018004001>.

168. Abbott, A. The System of Professions. An Essay on the Division of Expert Labor / A. Abbott. – Chicago: The University of Chicago Press, 1988. – 452 p.
169. Agassi, J. Methodological Individualism / J. Agassi // British Journal of Sociology. – 1960. – Vol. 11, No. 3. – P. 244-270.
170. Amaral, L. M Economia Tech Da Indústria à Sociedade da Informação e do Conhecimento / L. Amaral // Booeconomics. – 2008. – P. 41-48.
171. Arnold, M. On the phenomenology of technology: The "Janus-faces" of mobile phones / M. Arnold // Information and Organization. – 2003. – Vol. 13, no. 4. – P. 231-256. – [https://doi.org/10.1016/S1471-7727\(03\)00013-7](https://doi.org/10.1016/S1471-7727(03)00013-7).
172. Ayyagari, R. Technostress: Technological antecedents and implications / R. Ayyagari, V. Grover, R. Purvis // MIS Quarterly. 2011. – Vol. 35, № 4. – P. 831-858. DOI: <https://doi.org/10.2307/41409963>.
173. Biagi, F. Henri Lefebvre's Critical Theory of Space / F. Biagi. – London: Palgrave Macmillan, 2020. – XXII. – 235 p.
174. Bourdieu, P. An invitation to reflexive sociology / P. Bourdieu, L. Wacquant. – Cambridge: Polity, 1992. – 349 p.
175. Bourdieu, P. The Field of Cultural Production, or: The Economic World Reversed / P. Bourdieu // The Field of Cultural Production. Essays on Art and Literature / translated by R. Nice. Cambridge: Polity Press. – 1993. – P. 29-73.
176. Bourdieu, P. The State Nobility: Elite Schools in the Field of Power / P. Bourdieu. – Oxford, 1996. – 502 p.
177. Brint, S. In an Age of Experts: The Changing Role of Professionals in Politics and Public Life / S. Brint. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. – 228 p.
178. Brock, D. Restructuring the Professional Organization / D. Brock, M. J. Powell and C. R. Hinings. – New York: Routledge, 2002. – 259 p.
179. Carvalho, A. F. P. de Technologically-mediated nomadicity in academic settings: Tm-N as a dynamic and emergent process : Doctoral Thesis. – Limerick, University of Limerick, 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hdl.handle.net/10344/3284> (дата обращения: 20.10.2023).

180. Crawford, S. The origin and development of a concept: the information society / S. Crawford // *Bulletin of the Medical Library Association*. – 1983. – vol. 71,4. – P. 380-385.
181. D’Arcy, P. CIO strategies for consumerization: The future of enterprise mobile computing: / P. D’Arcy // *Dell CIO Insight Series*. – 2011. – P. 1-15.
182. De Masi, D. A sociedade pós-industrial / D. De Masi. – Sao Paolo: Senac, 1999.
183. Desan, M. H. Bourdieu, Marx, and Capital: A Critique of the Extension Model / M. H. Desan // *Sociological Theory*. – 2014. – № 31(4). – P. 318-342. DOI:10.1177/0735275113513265
184. Ehn, K. Digital nomads and the COVID-19 pandemic: Narratives about relocation in a time of lockdowns and reduced mobility / K. Ehn, A. Jorge, M. Marques-Pita // *Social Media + Society*. – 2022. – Vol. 8, № 1. – <https://doi.org/10.1177/20563051221084958>.
185. Espinas, A. V. Etude sociologique: les origines de la technologie / A. V. Espinas. – Paris: Nabu Press, 2014. – 306 p.
186. Fournier, V. ‘The Appeal to “Professionalism” as a Disciplinary Mechanism // *Social Review*. – 1999. – Vol 47(2). – P. 280–307.
187. Freidson, E. Professionalism, the third logic: On the practice of knowledge / E. Freidson. – University of Chicago press, 2001. – 250 p.
188. Freidson, E. The Changing Nature of Professional Control // *Annual Review of Sociology*. – 1984. – Vol. 10. – Pp. 1-20.
189. Giddens, A. ‘A reply to my critics’, in D. Held and J.B. Thompson (eds) *Social Theory of Modern Societies: Anthony Giddens and his critics* / A. Giddens. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 320 p.
190. Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. Cambridge: Polity Press, 1991. – 256 p.
191. Byung-Chul, H. Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power / H. Byung-Chul. – London, UK: Verso, 2017. – 96 p.

192. Haug, M. R. Deprofessionalization: An Alternate Hypothesis for the Future / M. R. Haug // *The Sociological Review*. – 1972. – 20(1_suppl). – P. 195-211. – <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1972.tb03217.x>.
193. Himanen, P. Challenges of the global information society [Электронный ресурс] / P. Himanen // Helsinki: Parliament of Finland. – 2005. [Article]. Режим доступа: <http://web.eduskunta.fi/dman/Document.phx?documentId=br11307103930385&cmd=download> (PDF) A practical perspective on the developing information society – case studies. Available from: https://www.researchgate.net/publication/264707164_A_practical_perspective_on_the_developing_information_society_-_case_studies (дата обращения: 02.02.2024).
194. Hodgson, D. Disciplining the Professional: The Case of Project Management / D. Hodgson // *Journal of Management Studies*. – 2002. – Vol. 39, no. 6. – P. 803-821.
195. Hodgson, D. Putting on a Professional Performance: Performativity, Subversion and Project Management / D. Hodgson // *Organization*. – 2005. – Vol.12 no. 1. – P. 51–68.
196. Johnson, T. J. Professions and Power / T. J. Johnson. – London: Macmillan, 1972. – 96 p.
197. Katchanov, Yu. The idea of social space by Pierre Bourdieu / Yu. Katchanov, N. Shmatko // *Russian Sociological Review*. – 2024. – Vol. 23 no. 4. – P. 196-220.
198. Larson, M. S. The Rise of Professionalism: A Sociological Analysis / M. S. Larson. – London: University of California Press, 1997. – 327 p.
199. Lash, S. Critique of Information / S. Lash. – London, Thousand OAKS (Ca.): Sage Publications, 2002. – 256 p.
200. Law, A. Spontaneous order and relational sociology: from the Scottish Enlightenment to human figurations / A. Law // *The Russian Sociological Review*. – 2017. – Vol.16. – P. 14-36.
201. Leicht, K. The Changing Organizational Context of Professional Work / K. Leicht, M. Fennell // *Annual Review of Sociology*. – 1997. – Vol. 23. – P. 215-231.
202. Liu, S. Social spaces: from Georg Simmel to Erving Gofman / S. Liu // *The Journal of Chinese Sociology*. – 2024. – P.11-13. – DOI: 10.1186/s40711-024-00217-9

203. Loveluck, B. Redes, liberdades e controle. Uma genealogia política da internet / B. Loveluck. – Petrópolis, RJ, Vozes. – 2018.
204. Mattelart, A. The information society: an introduction / A. Mattelart. – London, 2003. – 182 p.
205. Millerson, G. The Qualifying Associations / G. Millerson. – London: Routledge & Kegan Paul, 1964. – 320 p.
206. Monakhova, L. Praxiocentrism in the professional standard of the teacher (Continuation of the article) / L. Monakhova, V. Fedotova // The Education and science journal. – 2017. – № 5. – P. 19-27. – DOI:10.17853/1994-5639-2017-5-9-27.
207. Mróz, B. Professional competences: Personality and Axiological Model (MOA) in verifying the sense of life quality / B. Mróz // Polish Journal of Applied Psychology. – 2016. – № 14(2). – P. 113-132. – DOI:10.1515/pjap-2015-0057.
208. Nedelevskaya, I. G. The social topology of science in national and transnational contexts: the case of social sciences / I. G. Nedelevskaya // Journal of the Belarusian State University. Sociology. – 2021. – № 3. – P. 55–63.
209. Noordegraaf, M. Hybrid professionalism and beyond: (New) Forms of public professionalism in changing organizational and societal contexts / M. Noordegraaf // Journal of Professions and Organization. – 2015. – № 2(2). – P. 1-20. – DOI:10.1093/jpo/jov002.
210. Oppenheimer, M. The Proletarianization of the Professional / M. Oppenheimer // The Sociological Review. – 1972. – 20(1_suppl). – P. 213-227. – <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1972.tb03218.x>.
211. Pandey, R. Whither Professionalism? / R. Pandey // Sociological Bulletin. – 1985. – 34(1-2). – P. 1-38. – <https://doi.org/10.1177/0038022919850101>
212. Park, S. Digital capital / S. Park. – London: Palgrave Macmillan, 2017. – 260 p.
213. Pinter, R. Conceptualizing Information Society as Risk Society / R. Pinter // Periodica Polytechnica. Series «Soc. Man. Sci». – 2003. – № 1 (11). – P. 35-44.

214. Powell, J. Professionalism, multi-professionalism, inter-professionalism and transprofessionalism [Электронный ресурс] / J. Powell, A. Pickard. Режим доступа: URL: <http://www.atee2005.nl/download/papers.2005> (дата обращения: 19.06.2024).
215. Ritesh, C. Tacit Knowledge Transfer in Australian Universities: Exploring the Barriers and Enablers / C. Ritesh // WSEAS Trans. Adv. Eng. Educ. – 2018. – № 15. – P. 7-15.
216. Rosellini, A. Tacit knowledge transfer in training and the inherent limitations of using only quantitative measures / A. Rosellini, S. Hawamdeh // Proc. Assoc. Inf. Sci. Technol. – 2020. – 57(1). – DOI:10.1002/pra2.272.
217. Sandberg, J. Professional Competence as Ways of Being: An Existential Ontological Perspective / J. Sandberg, A. Pinnington // Journal of Management Studies. – 2009. – № 46(7). – P. 1138-1170.
218. Sedda, P. Social media influencer: a new hybrid professionalism in the age of platform capitalism / P. Sedda, O. Husson // Professionalism and Social Change: Processes of Differentiation Within, Between and Beyond Professions. – Palgrave Macmillan. – 2023. – P. 281-304. – DOI:10.1007/978-3-031-31278-6_13.
219. Schutz, A. Collected papers 1: The Problem of Social Reality/ A.Schutz. – The Hague, Martinus Hijhoff, 1973. – 364p.
220. Soja, E. W. Postmetropolis: Critical studies of cities and regions / E. W. Soja. – Oxford; Malden, MA: Blackwell, 2000. – 440 p.
221. Soja, E. W. Thirdspace, Journeys to Los Angeles and Other Real-and-imagined Place / E. W. Soja. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996. – 352 p.
222. Sparrow, B. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips / B. Sparrow, J. Liu, D. M. Wegner // Science. – 2011. – Vol. 333. – Is. 6043. – Pp. 776–778. DOI: 10.1126/science.1207745
223. Spitzer, M. Digitale Demenz. Wie wir uns und unsere Kinder um denVerstand bringen / M. Spitzer. – München: Droemer Knaur, 2012. – 368 s.
224. Tarafdar, M. The dark side of information technology / M. Tarafdar, J. D'Arcy, O. Turel, A. Gupta // MIT Sloan Management Review. – 2015. – Vol. 56, № 2. – P. 61-70.

225. Toffler, A. Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century / A. Toffler. – Bantam, 1991. – 640 p.
226. Tsai, W. D. Ethical Theoretical Reflections on Social Media: Place of the Human Being in the Digital Space / W. D. Tsai, O. V. Chistyakova // RUDN Journal of Philosophy. – 2022. – Vol. 26, No. 4. – P. 870-881. – DOI 10.22363/2313-2302-2022-26-4-870-881.
227. Tsvyk, V. A. Individual professionalization in information society: challenges and prospects / V. A. Tsvyk, I. V. Tsvyk // Вестник РУДН. – Серия: Социология. – 2018. – Vol. 18, № 3. – P. 418-430.
228. Wacquant, L. Bourdieu in the City: Challenging Urban Theory / L. Wacquant. – Cambridge: Polity Press, 2023. – 288 p.
229. Weber, M. “Bureaucracy” // From Max Weber: Essays in Sociology / translated, edited and introduced by H. H. Gerth and C. Wright Mills. – London : Routledge, 1948. – 490 p.
230. Weber, M. The Theory of Social and Economic Organization / M. Weber. – Illinois: The Free Press, 1947. – 436 p.
231. Wenger, E. Cultivating Communities of Practice: A Guide to Managing Knowledge / E. Wenger, R. A. McDermott, W. Snyder. – Boston MA: Harvard Business Review Press, 2002. – 284 p.
232. Wilensky, H. L. The Professionalization of Everyone? / H. L. Wilensky // American Journal of Sociology. – 1964. – Vol. 70, no. 2. – P. 137–158.
233. Wise, J. M. Exploring Technology and Social Space / J. M. Wise. –Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage, 1997. – 211 p.
234. Xu, J. Mentoring and Tacit Knowledge Transfer in Novice Teachers From Chinese Middle Schools: Mediating Effect of Job Crafting / J. Xu, X. Wei, R. D. Hisrich, M. Yu, X. Li // Front. Educ. – 2022. – № 7. – P. 1-10. – DOI:10.3389/educ.2022.772638.